Записки

ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ

ХВОСТОВОЙ,

рожденной Сушковой.

1812—1841.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

съ значительными против перваго изданія, напечатаннаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 г., дополненіями и приложеніями.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1870.

у Владимірской церкви, д. № 15.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе отъ издателя . . . . . V-XVI

Предисловіе Е. А. Хвостовой 1

Глава I. Мое рожденіе. — Кормилица. — Бабушка. — Фамильная генеалогія.—Рожденіе сестры.—Дуель.—Жизнь въ Пензенской деревнѣ.—Прабабушка.—Переѣздъ въ Москву.—Жизнь отца и судьба матери.—Первая гувернантка.—Разлука съ матерью.—1812—1820 гг.. 3

Глава II. Тайныя свиданія съ матерью. — Письма и портретъ ея.—Жизнь въ Москвѣ.—Слѣпая бабушка. — Въ Петербургѣ.—Въ Островской и въ Псковской деревняхъ.—Воспитаніе.—Смерть матери.—1820—1828 гг. 27

Глава III. Первый выѣздъ на балъ. — Выѣздъ и успѣхи въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. — Поклонники. — Поѣздка въ Москву и пребываніе у другой тетки. — 1828—1830 гг. . 58

Глава IV. Первое знакомство съ М. Ю. Лермонтовымъ. — Наружность его. — Его характеръ. — Шутки и забавы надъ нимъ.—Первыя стихотворенія Лермонтова, посвященныя Е. А. Сушковой. — Путешествіе на богомолье въ Троицко-Сергіеву Лавру. — Слѣпой нищій и стихи Лермонтова. — Разговоръ о будущности поэта.—Экспромты и эпиграммы Лермонтова.—Любовь и ревность. — Разлука. — 1830 г. 77

Глава V. Въ Петербургѣ. — Старый обожатель. — Смерть отца.—Альбомъ съ стихами Лермонтова.—Гаданье на новый годъ.—Сонъ въ руку. — На свадьбѣ въ Москвѣ. — Новый поклонникъ.—Опять Лермонтовъ и его стихи.—Прогулка въ Нескучное.—Пикникъ.—Признаніе въ любви.—Въ деревнѣ.—Сосѣди.—Въ столицѣ. — Болѣзнь и прежніе поклонники.—1830—1833 гг. 99

Глава VI. Сватовство. — Встрѣча на балѣ съ Лермонтовымъ. — Появленіе его на домашней вечеринкѣ. — Новыя его посѣщенія. — Поцѣлуй. — Балъ у адмирала А. С. Шишкова. —

Опасеніе дуели.—Пріѣздъ жениха. — Разочарованіе. — Новая любовь. — Балъ у генералъ-губернатора. — Вѣроломный другъ. — Страсть и признаніе въ ней Лермонтову. 1834 г. 130

Глава VII. Горькія предчувствія. — Предостереженія друга. — Отѣздъ бывшаго жениха.—Кольцо.—Анонимное письмо.—Семейная буря. — Обыскъ, допросъ, арестъ.—Исповѣдь.—Рѣшительное объясненіе съ Лермонтовымъ. 1834 — 1835 гг. 162

Послѣсловіе отъ издателя записокъ 181

Приложенія:

I. Воспоминанія о М. Ю. Лермонтовѣ **А. Меринокаго** . . 191

II. Замѣтка М. Н. Лонгинова о знакомствѣ его съ Лермонтовымъ 206

III. Военно-судное дѣло о первой дуели Лермонтова 1840 г. . 207

IV. Первая дуель Лермонтова 18 февраля 1840 г. 212

V. Характеристика Лермонтова, написанная германскимъ поэтомъ **Боденштедтомъ** 1852 г. 222

VI. Воспоминанія о Лермонтовѣ **И. И. Панаева.** 1838—1841 г. 237

VII. Военно-судное дѣло о второй дуели Лермонтова 15 іюля 1841 г. 244

VIII. Похороны Лермонтова, разсказъ очевидца, сообщ. кн. **Н. Н. Голицынъ** 249

IX. Замѣчаніе **Алексѣя Петровича Ермолова** по поводу гибели Лермонтова 251

X. Домъ въ Пятигорскѣ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ . . 252

XI. Лермонтовъ гротъ въ Пятигорскѣ 253

XII. Извѣстіе о кончинѣ Лермонтова 1841 г. 254

XIII. Могила и памятникъ Лермонтова 254

XIV. Домъ и могила Лермонтова 255

XV. Письмо Н. С. Мартынова 1869 г. 257

XVI. Перечень статей и замѣтокъ о М. Ю. Лермонтовѣ . . . 258

10-го октября 1868 г. въ Петербургѣ послѣ непродолжительной болѣзни, на 57-мъ году отъ роду, скончалась Екатерина Александровна Хвостова, рожденная Сушкова. Покойница оставила послѣ себя собственноручныя записки. Записки эти предоставлены въ наше распоряженіе, для обнародованія ихъ, дочерьми г-жи Хвостовой, Анастасіей Александровной и Александрой Александровной. — Воспоминанія эти составлены покойницей болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1836—1837 гг. Онѣ были написаны для близкой, какъ выражается Екатерина Александровна, «единственной ея пріятельницы» Маріи Сергѣевны Багговутъ, рожденной княжны Хованской, супруги знаменитаго генерала Багговута, героя кавказской и восточной войны.

Внезапное извѣстіе о кончинѣ г-жи Багговутъ въ 1837 г. было причиной, что записки Е. А. оборвались, такъ сказать, на первой своей половинѣ. По самой цѣли, для какой онѣ написаны, а именно какъ исповѣдь, полная глубочайшей искренности предъ задушевнымъ другомъ, записки эти, казалось, должны были бы носить совершенно интимный характеръ, заключающій въ себѣ мало общаго интереса и значенія. Казалось, что записки эти должны бы были ни чѣмъ не отличатся отъ цѣлой массы тѣхъ дневниковъ и всевозможныхъ

сердечныхъ изліяній, къ изложенію которыхъ въ доброе старое время такъ расположены были наши барышни въ извѣстный возрастъ и которыя либо весьма охотно уничтожались ими же самими по приходѣ въ болѣе зрѣлый возрастъ или же валяются и до сихъ поръ въ кучѣ семейныхъ бумагъ ближайшихъ родственниковъ.

Записки Екатерины Александровны Хвостовой никакъ не могутъ быть отнесены именно къ этой массѣ безцвѣтныхъ изліяній. При всемъ интимномъ характерѣ, онѣ полны того именно общаго интереса, который и даетъ имъ право на появленіе въ свѣтъ. Онѣ имѣютъ, по нашему мнѣнію, довольно большое значеніе въ крайне бѣдной, по объему, литературѣ нашихъ отечественныхъ мемуаровъ текущаго столѣтія.

Въ чемъ же заключается общій интересъ этихъ записокъ и ихъ значеніе? Для отвѣта на этотъ вопросъ надо указать на общественное положеніе г-жи Хвостовой въ ту эпоху, которую она описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Екатерина Александровна принадлежала къ довольно извѣстной фамиліи Сушковыхъ. Изъ этой фамиліи выдвинулось два, три писателя, отмежевавшихъ себѣ мѣсто въ рядахъ русскихъ писателей и одна писательница, одаренная, безспорно, значительнымъ талантомъ и занимавшая въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ довольно видное мѣсто въ нашей литературѣ. То была — Евдокія Петровна Сушкова, въ замужествѣ графиня Ростопчина.

Такимъ образомъ принадлежа, по отцу, къ старинной дворянской фамиліи, покойная Е. А. по матери своей, рожденной княжнѣ Анастасіи Павловнѣ Долгоруковой, принадлежала къ именитѣйшимъ родамъ русской аристократіи. Съ этой стороны генеалогія ея

переплетается съ фамиліями не только князей Долгорукихъ, но также и Ромодановскихъ, частью князей Голицыныхъ, князей Горчаковыхъ и др.

Связи эти и родство, не принеся въ жизни Екатерины Александровны ни малѣйшаго ей счастья, въ чемъ она искренно сознается, волей-неволей однако, въ періодъ ея дѣтства и дѣвичества, бросили ее въ водоворотъ великосвѣтской жизни какъ московскаго, такъ и петербургскаго обществъ. Образованіе, полученное ею, было далеко не блистательно; оно не выдвигалось изъ общаго уровня тогдашняго моднаго образованія, которое получали достаточныя великосвѣтскія барышни. А между тѣмъ стройный станъ, красивая, выразительная физіономія, черные глаза, сводившіе многихъ съ ума, великолѣпные, какъ смоль, волосы, въ буквальномъ смыслѣ доходившія до пятъ, бойкость, находчивость и природная острота ума, все это дѣлало Екатерину Александровну въ періодъ ея молодости замѣтной въ великосвѣтскихъ гостинныхъ и въ бальныхъ залахъ. Добавьте сюда страсть къ танцамъ и ловкость въ нихъ, и тогда будетъ понятно, что Екатерина Александровна была всегда въ свое, давно прошедшее время дорогой гостьей на всѣхъ балахъ. Рой поклонниковъ весьма рано жужжитъ вокругъ нея; они принадлежатъ, разумѣется, къ той великосвѣтской средѣ, къ которой принадлежала она сама.

Опредѣливши такимъ образомъ положеніе Екатерины Александровны въ ея молодости, мы тѣмъ самымъ опредѣляемъ и сущность ея записокъ: мы уже знаемъ, что здѣсь не приходится искать ни политическихъ трактатовъ, ни ученo-философическихъ взглядовъ, ни глубокой характеристики высшихъ интересовъ

русскаго общества прошлаго времени, но за то мы въ правѣ искать болѣе или менѣе живой очеркъ великосвѣтскаго общества обѣихъ столицъ того времени, описаніе его, какъ съ внѣшней, такъ сказать, парадной стороны, такъ и въ его домашнемъ быту. И дѣйствительно, такому требованію вполнѣ удовлетворяютъ настоящія записки. Предъ нами въ живыхъ эскизахъ проходитъ картина домашняго воспитанія нашихъ великосвѣтскихъ, дворянскихъ барышень первой четверти текущаго столѣтія; мы видимъ наше столбовое дворянское общество въ его провинціальномъ быту на разныхъ торжественныхъ празднествахъ,—наконецъ въ шумной жизни обѣихъ столицъ; при этомъ не однѣ невинныя, радужныя картинки мелькаютъ предъ нами въ этомъ разсказѣ. Нѣтъ! среди веселящихся фигуръ поднимаются и образы въ довольно трагической обстановкѣ, и здѣсь мы видимъ тѣхъ героевъ, которыхъ только могла создать крѣпостная, дворянская Русь стараго времени, при ея распущенности, при томъ жалкомъ образованіи, которое получало въ тѣ годы большинство представителей этого сословія. Въ тоже время подлѣ этихъ Куролесовыхъ [1]) новѣйшаго времени поднимается полный романической прелести страдающій ликъ молодой женщины . . . . . .

Такимъ образомъ, еслибъ записки покойной Е. А. Хвостовой ограничивались только живымъ эскизомъ нашего общества за первыя десятилѣтія настоящаго вѣка, еслибъ онѣ охватили лишь нѣкоторыя стороны быта этого общества, то и тогда бы онѣ заслуживали вниманія и имѣли бы право на обнародованіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ нашей литературѣ очень мало

[1]) Извѣстный типъ въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова.

мемуаровъ и въ особенности мемуаровъ и воспоминаній русскихъ женщинъ и каждое новое явленіе въ этомъ родѣ должно считаться не безъинтереснымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы. Но за записками г-жи Хвостовой есть другое и несравненно бо́льшее право на общій интересъ въ средѣ русскихъ читателей. Почти половина этихъ, къ сожалѣнію небольшихъ по объему, воспоминаній посвящена величайшему изъ поэтовъ нашихъ, Михаилу Юрьевичу Лермонтову. Жизнь этого поэта, столь преждевременно погибшаго, чрезвычайно мало извѣстна и весьма недостаточно разслѣдована. Ранніе ли годы, въ которые погибъ Лермонтовъ, то ли обстоятельство, что онъ, по своимъ семейнымъ и общественнымъ связямъ, стоялъ почти совершенно въ сторонѣ отъ литературнаго круга, въ то время впрочемъ далеко не многочисленнаго, наконецъ цензурныя ли колодки, сковывавшія рѣчь каждаго о тѣхъ лицахъ, которыя такъ или иначе навлекли на себя гоненія и которыя сошли наконецъ съ поприща преступнымъ образомъ,—какъ бы то ни было, но біографическія свѣдѣнія о Лермонтовѣ ограничиваются до сихъ поръ двумя, тремя отрывочными замѣтками, въ высшей степени мало содержательными, небольшимъ запасомъ писемъ поэта, вынырнувшихъ въ разныхъ изданіяхъ изъ-подъ спуда семейныхъ архивовъ, и наконецъ двумя-тремя десятками статей широковѣщательно толкующихъ о сочиненіяхъ Лермонтова и весьма мало о его жизни. Въ виду этого, каждый новый разсказъ, знакомящій съ Лермонтовымъ, какъ съ человѣкомъ, представляется уже дорогимъ вкладомъ въ русскую литературу, и особенно, когда появляется не маленькій разсказъ, не отдѣльный эпизодъ, а длинный рядъ живо и увлекательно набросанныхъ воспоминаній

объ этой замѣчательной личности. Именно такія воспоминанія мы находимъ во второй половинѣ записокъ покойной г-жи Хвостовой.

Выше мы сказали, что эти записки ведутъ насъ на бальный паркетъ, въ великосвѣтскія гостинныя московскаго и петербургскаго обществъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Поэтому и Лермонтова мы встрѣчаемъ здѣсь не въ его домашнемъ быту, не за кабинетнымъ рабочимъ столомъ, не за учебной книгой, не за изученіемъ наконецъ лучшихъ поэтовъ Франціи и Англіи. Нѣтъ, предъ нами является 16-ти-лѣтній «косолапый, крайне невзрачной наружности» мальчикъ съ умными выразительными глазами, съ бойкой и злой рѣчью на языкѣ, и съ вѣчно готовымъ стихотвореніемъ на устахъ. Этотъ мальчикъ развивается, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, и въ четыре или пять годовъ, которые выхватываются изъ его жизни въ настоящихъ запискахъ, мы видимъ этого юношу развившимся уже до зрѣлаго мужа. Самолюбіе его необъятно, жажда побѣдъ и первенства на какомъ бы то ни было поприщѣ необыкновенна, рѣшимость, энергія и настойчивость во всѣхъ, самыхъ маловажныхъ поступкахъ — неотразимы. Повторяемъ, въ запискахъ г-жи Хвостовой Лермонтовъ преимущественно является намъ въ сферѣ гостинной, великосвѣтской жизни, но эта-то сторона изъ его біографіи особенно и интересна. Кто не знаетъ, что по своему воспитанію, родственнымъ и общественнымъ связямъ, Лермонтовъ почти исключительно принадлежалъ именно къ этому кругу; кто не знаетъ, что это-то самое общество, заполонивъ молодого поэта,—преждевременно, такъ сказать, и сгубило его, развивъ въ немъ дурныя особенности его характера, которыя привели его подъ пистолетную

пулю армейскаго маіора Николая Соломоновича Мартынова [1]).

Воспоминанія г-жи Хвостовой отличаются замѣчательной искренностью по отношенію къ Лермонтову и именно эта сторона въ нихъ весьма любопытна. Лермонтовъ игралъ въ жизни Е. А. самую крупную роль. Зная это, мы, когда приступили къ чтенію ея воспоминаній, думали встрѣтить въ составительницѣ ихъ барышню большого свѣта добраго, стараго времени, которая, предавшись воспоминаніямъ о своихъ побѣдахъ, безъ всякаго сомнѣнія, подниметъ себя на высокій пьедесталъ и заставитъ въ лучахъ своего сіянія потонуть личность Лермонтова. Но какъ пріятно были мы изумлены, когда увидѣли, что г-жа Хвостова съ полной искренностью, отнюдь не дѣлая изъ себя героиню, является, напротивъ, личностью чуть окончательно не погибшей вслѣдствіе столкновенія своего съ Лермонтовымъ, съ человѣкомъ, на котораго сначала не обращала ни малѣйшаго вниманія и для котораго потомъ принесла весьма тяжкія жертвы.

Записки г-жи Хвостовой обнимаютъ періодъ времени съ 1812 по 1835 г. Онѣ написаны въ 1836 и 1837 годахъ въ деревнѣ, когда еще Е. А была дѣвицей и спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, испытаннаго ею вслѣдствіе

---

[1]) Н. С. Мартыновъ, котораго судьба повергла въ величайшее несчастіе быть убійцею Лермонтова—живъ; почему бы г. Мартынову ни изложить въ подробномъ и откровенномъ разсказѣ всю исторію своихъ злополучныхъ отношеній къ Лермонтову? Искренность исповѣди искупила бы, до нѣкоторой степени, то несчастіе, въ которое г. Мартыновъ былъ, какъ говорятъ, почти противъ воли вовлеченъ; къ сожалѣнію однако, г. Мартыновъ не считаетъ возможнымъ повѣдать русскому обществу ту драму, которая лишила Россію одного изъ ея лучшихъ украшеній.

знакомства съ Лермонтовымъ. Отсюда эта живость разсказа, эта задушевность исповѣди, отнюдь не предназначавшейся въ то время для печати. Эта исповѣдь съ вѣстью о смерти г-жи Багговутъ обрывается; но она, какъ намъ кажется, и помимо этого событія должна была оборваться: за изложенными въ ней событіями въ жизни Е. А. не было уже такихъ сильныхъ толчковъ и потрясеній: бурный, поэтическій періодъ ея жизни окончился; начался отдѣлъ прозы тихой, быть можетъ счастливой, но уже не просящейся подъ перо.

Е. А. вышла замужъ въ 1838 г. за своего перваго поклонника, Александра Васильевича Хвостова, съ которымъ познакомилась еще въ 1829 г. [1]). Многіе годы своей супружеской жизни Е. А. провела за границей и наконецъ послѣдніе годы провела въ С.-Петербургѣ въ заботахъ о воспитаніи дочерей.

Въ 1860 г. друзья убѣдили ее заняться своими записками, обработать ихъ и дополнить. Е. А., пере-

[1]) А. В. Хвостовъ родился въ 1809, скончался въ 1861 г. Онъ служилъ постоянно на дипломатическомъ поприщѣ, былъ секретаремъ при посольствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Персіи, директоромъ дипломатической канцеляріи въ Тифлисѣ, секретаремъ посольства въ Турине, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Неаполѣ и наконецъ состоялъ, въ званіи генсральнаго консула, въ Венсціи, Марсели и Генуѣ, гдѣ и скончался въ 1861 г. Это былъ человѣкъ образованный, и, судя по оставшимся послѣ него бумагамъ, довольно дѣятельно работавшій въ предѣлахъ своихъ служебныхъ обязанностей. Мы видѣли его довольно объемистые и интересные рукописные труды на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Такъ напр. г. Хвостовъ оставилъ слѣдующія записки: «О духѣ и образѣ австрійскаго правленія въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ», «De l'état actuel de la ville de Vénise», «О выдачѣ американцамъ крейсерскихъ патентовъ и о союзѣ Россіи съ Соединенными Штатами», «О союзѣ навсегда между Соединенными Штатами и Россіею», «Avenir de la question d'Orient», «О вѣрности успѣха экспедиціи въ Индію», «О святыхъ мѣстахъ» и т. д. и т. д.

читавъ исповѣдь свою 1836—1837 годовъ, нашла, что она дѣйствительно имѣетъ не одинъ только частный интересъ и заслуживаетъ появленія въ печати. Но какъ ни принималась она за продолженіе записокъ, отъ всѣхъ этихъ попытокъ остались двѣ-три странички, да небольшое предисловіе къ прежнимъ запискамъ, подписанное 1860-мъ годомъ. Такимъ образомъ, издавая записки Ек. Алек. Хвостовой, мы выполняемъ только ея собственное намѣреніе и никакъ не дѣлаемся нескромными относительно ея памяти. При этомъ въ первомъ изданіи этихъ записокъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 г. мы сдѣлали весьма значительныя сокращенія, доходившія до цѣлой трети оставшейся рукописи; сокращенія эти были сдѣланы нами, главнымъ образомъ, въ видахъ журнальныхъ условій, чтобы не занимать въ періодическомъ изданіи слишкомъ много мѣста. Въ настоящемъ же отдѣльномъ изданіи—записки Е. А. Хвостовой являются вполнѣ, безъ малѣйшихъ пропусковъ.

Не коснувшись такимъ образомъ текста записокъ, мы не позволили себѣ сдѣлать никакихъ измѣненій и въ языкѣ; вслѣдствіе этого нѣкоторые галлицизмы и вообще обороты рѣчи, которые показываютъ, что составительница записокъ зачастую думала по-французски, хотя и писала по-русски, уцѣлѣли въ слогѣ настоящихъ воспоминаній; впрочемъ, языкъ довольно легокъ, мѣстами даже увлекателенъ, что довольно удивительно, если вспомнить, что Е. А. воспитана была по великосвѣтскимъ тогдашнимъ образцамъ, исключительно на французскій ладъ.

Въ заключеніе скажемъ, что такъ какъ издаваемыя записки главнымъ образомъ тѣмъ особенно интересны, что являютъ собою немаловажный мате-

ріалъ къ жизнеописанію поэта Лермонтова, то мы сочли не лишнимъ помѣстить въ приложеніяхъ къ нимъ почти всѣ тѣ статьи и замѣтки, которыя представляютъ данныя къ его біографіи. Въ этомъ сводѣ четырнадцати статей читатель встрѣтитъ на ряду съ статьями, болѣе или менѣе извѣстными, и такія, которыя помѣщены были въ изданіяхъ крайне мало распространенныхъ, либо въ летучихъ газетныхъ листкахъ, обыкновенно — въ самомъ скоромъ времени по ихъ выходѣ—обращающихся въ библіографическую рѣдкость; тутъ же мы сообщили нѣкоторыя и не бывшія въ печати извѣстія о Лермонтовѣ. Впрочемъ, эти послѣднія мы надѣемся, впослѣдствіи времени, нѣсколько пополнить сообщеніемъ на страницахъ «Русской Старины» тѣхъ свѣдѣній, которыя собраны нами отъ нѣкоторыхъ друзей Лермонтова, а именно гг. Л. И. Арнольди, кн. А. И. В—ва, А. Д. Столыпина и друг. лицъ, весьма близко знавшихъ поэта. Въ настоящее же изданіе свѣдѣнія эти потому не вошли, что нуждаются въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Первое изданіе записокъ Е. А. Хвостовой («Вѣстн. Европы» 1869 г. кн. VII и VIII) было встрѣчено въ нашей печати весьма одобрительными отзывами; между прочими явилась одна замѣтка, именно г-жи Надежды Фадѣевой (Соврем. Лѣтоп. 1869 г. № 46), на которой мы считаемъ необходимымъ остановиться.

«Записки Е. А. Хвостовой—по отзыву г-жи Фадѣевой—отличаются такимъ неподдѣльнымъ простодушіемъ, такою чистосердечною откровенностію, разсказъ веденъ такъ бойко, картинно, остро, безъ притязаній и ужимокъ, что читая ихъ невольно располагаешься къ безпрекословному довѣрію такой пріятной разскащицѣ. Какъ будто видишь предъ собой умную, любезную женщину, испытанную на свѣтской аренѣ жизни, которая въ дружеской бесѣдѣ передаетъ живымъ, задушевнымъ словомъ, свободно и просто, радости и невзгоды своего минувшаго житейскаго поприща, подчасъ со слезами на глазахъ, съ глубокимъ

вздохомъ, подчасъ съ веселымъ искреннимъ смѣхомъ, иногда съ ѣдкимъ сарказмомъ и даже какъ бы съ нѣкоторою ядовитостью, но всегда съ преобладающимъ, истинно женственнымъ добродушіемъ....»

Всѣ эти красоты разсказа Е. А. Хвостовой, столь выразительно очерченныя г-жею Фадѣевой, не мѣшаютъ этой послѣдней, въ свою очередь не безъ «ядовитости», высказать недовѣріе относительно нѣкоторыхъ подробностей въ восхваляемыхъ ею запискахъ. Такъ напр., г-жа Фадѣева выражаетъ сомнѣніе въ достовѣрности разсказа Е. А. относительно трагическаго случая, сопровождавшаго рожденье ея матери («Зап.» стр. 58). Сомнѣніе это г-жа Фадѣева основываетъ на томъ, что въ письмахъ бабки Е. А. къ ея дѣду нѣтъ ни слова объ этомъ событіи. Между тѣмъ, намъ кажется весьма естественнымъ, что жена не желая тревожить мужа, бывшаго въ то время въ походѣ, умолчала въ письмахъ къ нему о печальномъ случаѣ, сопровождавшимъ ея разрѣшеніе отъ бремени, а затѣмъ самый случай— не таковъ, чтобъ о немъ въ семьѣ охотно говорили, а посему нѣтъ ничего удивительнаго, что г-жа Фадѣева, двоюродная сестра г-жи Хвостовой, ничего о немъ и не знала.

Вообще же надо сказать, что недовѣріе къ разсказу Е. А. положительно не можетъ имѣть мѣста. Г-жа Хвостова конечно могла сдѣлать и сдѣлала одну-двѣ ошибки въ тѣхъ случаяхъ, когда ей измѣняла память, но присочинять кой-какія подробности—тѣмъ менѣе могла, что разсказъ ея писанъ отнюдь не для печати, писанъ лишь для самой близкой подруги, и затѣмъ— тридцать лѣтъ тщательно сберегался въ рукописи, не будучи даже извѣстнымъ наиболѣе короткимъ знакомымъ автора; такимъ образомъ присочинять для того только, чтобъ самую себя потѣшить, является дѣломъ весьма неестественнымъ.

Впрочемъ голословно выразивъ свое мнѣніе о томъ, что Е. А. довольно часто являетъ въ своихъ запискахъ «маленькую слабость къ рельефу и своеволію воображенія» и что въ ея разсказѣ есть «много вольныхъ и невольныхъ промаховъ», г-жа Фадѣева выражаетъ полную увѣренность въ томъ, что все сказанное въ «Запискахъ» о Лермонтовѣ есть истина, и что вообще: «Записки Е. А. Хвостовой очень интересны и мѣстами написаны съ замѣчательнымъ талантомъ»*).

Мих. Семевскій.

---

*) «Многіе промахи» — сводятся къ тремъ описькамъ и одной ошибкѣ въ генеалогической справкѣ. Такъ какъ эти погрѣшности не исправлены въ книгѣ, то—считаемъ нужнымъ—оговорить ихъ здѣсь:

Дѣдъ Е. А., по матери, князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій былъ женатъ не на княжнѣ Монморанси, какъ сказано въ «Запискахъ» (стр. 3), а на Генріэтѣ Адольфовнѣ Бандре-Дюплесси, дочери генералъ-поручика русской службы, француза по происхожденію; посланникомъ онъ не былъ, «но,—по свидѣтельству г-жи Фадѣевой—ему часто давали дипломатическія порученія», равнымъ образомъ не былъ посланникомъ и зять его кн. П. В. Долгоруковъ.

На стр. 15-й, строка 7-я снизу: напеч.: «Прабабушкѣ было болѣе ста лѣтъ», чит.: «..... болѣе восмидесяти лѣтъ».

—стр. 16-й строка 7-я снизу: напеч.: «При дворѣ Екатерины Первой», читай «при дворѣ Елисаветы Первой».

—стр. 57-й, строки 7 и 8 снизу: напеч.: «въ деревнѣ Варвары Юрьевны Горчаковой» читай «въ деревнѣ Прасковьи Юрьевны Кологривовой.»

Кстати оговоримъ, что подъ именемъ «Юліи» — составительница «Записокъ» разумѣетъ «Ульяну Сергѣевну Беклешову (стр. 47, 48 и 49).

На стр. 107-й, строка 13-я напеч.: «Ростиславъ Д—й» читай «Ростиславъ Долгорукій».

Нѣкоторымъ друзьямъ моимъ рѣшилась я прочитать отрывки изъ воспоминаній о моей жизни, которыя я наскоро набрасывала въ 1836—37 гг. для единственной пріятельницы моей Марьи Сергѣевны Баговутъ, рожденной княжны Хованской.

По несчастію записки эти остались у меня неоконченными, не успѣла я довести моихъ воспоминаній до конца, какъ получила неожиданное и горестное извѣстіе о внезапной кончинѣ моего друга. Съ помощію этихъ записокъ и моего журнала, который я вела, хотя и не очень аккуратно, въ теченіи десяти лѣтъ, мнѣ довольно легко будетъ исполнить теперешнее требованіе снисходительныхъ моихъ друзей.

Я сознаюсь, что записки мои не довольно занимательны, чтобы возбудить общій интересъ, но мнѣ всегда казалось, что чтеніе о прежнемъ воспитаніи, о развитіи ума, о постепенномъ расширеніи понятій— для многихъ читающихъ, имѣютъ болѣе привлекательности, чѣмъ всевозможные вымыслы въ романахъ и повѣстяхъ; какъ бы то ни было, но въ разсказахъ о дѣйствительной жизни часто встрѣчаются мысли, чувства, которыя представлялись уже многимъ и были

многими испытаны, впечатлѣнія, даже происшествія, которыя имѣли сильное вліяніе на жизнь, затрудненія, чрезъ которыя многіе перешли, но не потрудились они изложить ихъ на бумагу, а я по себѣ знаю, какъ пріятно встрѣтить сочувственное или обстоятельное выраженіе того, что́ мы пережили.

Итакъ, я рѣшилась издать мои воспоминанія; мнѣ простятъ незатѣйливый мой разсказъ, за то ужъ только, что многія страницы его относятся къ юношеской и свѣтской жизни Михаила Юрьевича Лермонтова.

Многіе убѣдятся, что Печоринъ и онъ такъ схожи, такъ слиты, что иногда не различишь одного отъ другого. Я не хотѣла бы ничѣмъ помрачить памяти любимаго моего поэта, а главное, человѣка нѣкогда особенно дорогого мнѣ, и потому одна правда выльется изъ-подъ пера моего. Сердце у Лермонтова было доброе, первые порывы всегда благородны, но непонятная страсть казаться хуже чѣмъ онъ былъ, стараніе изо всякаго слова, изо всякаго движенія извлечь сюжетъ для описанія, а главное, необузданное стремленіе прослыть «героемъ, котораго было бы трудно забыть», почти всегда заставляли его пожертвовать эффекту лучшими сторонами своего сердца.

Екатерина Хвостова.

1860 г.
С.-Петербургъ.

I.

Мое рожденіе. — Кормилица. — Бабушка. — Фамильная генеалогія. — Рожденіе сестры. — Дуэль. — Жизнь въ Пензенской деревнѣ. — Прабабушка. — Переѣздъ въ Москву. — Жизнь отца и судьба матери. — Первая гувернантка. — Разлука съ матерью.

1812—1820.

Отецъ мой, служившій въ ополченіи, былъ еще вполнѣ молодой мальчикъ, и очень хорошенькій; мать моя Анастасія Павловна, изъ древняго рода князей Долгоруковыхъ, была настоящая красавица и, по тогдашнему времени, рѣдко образованная и развитая женщина. Она основательно знала три иностранные языка, но любила болѣе свой собственный; читала все, что попадалось ей подъ руку и даже сама писала стихи; у меня до сихъ поръ хранятся ея тетради съ переводами въ стихахъ изъ Томаса Мура, Юнга и даже Байрона.

Отецъ ея, екатерининскій генералъ, князь Павелъ Васильевичъ Долгорукій, женатый на княжнѣ Монморанси[1]), долго не соглашался, чтобъ его красавица дочь вышла замужъ за бѣднаго и незнатнаго опол-

[1]) Отецъ ея былъ французскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, гдѣ Долгорукій былъ также посланникомъ.

ченца[1]), и очень желалъ выдать ее за сорокалѣтняго князя Голицына, но молодой и удалой ополченецъ больше нравился прекрасной княжнѣ и она поставила на своемъ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы явилась я на свѣтъ. Я родилась въ Симбирскѣ, въ 1812 году, 18 марта, но ознакомилась съ родиной своей только по географическимъ картамъ, да по семейнымъ разсказамъ.

Трехъ мѣсяцевъ была я разлучена съ моими родителями; по службѣ своей, отецъ мой былъ вынужденъ оставить Симбирскъ, мать моя поѣхала съ нимъ, оба они препоручили меня попеченіямъ дѣдушки моего Василія Михайловича С., бывшаго тогда губернаторомъ въ Симбирскѣ, и ласкамъ его дочерей, моихъ тетокъ—Прасковьѣ[2]) и Маріи[3]) Васильевнамъ С—мъ.

Мою милую мать не утѣшила моя первая улыбка, не порадовалъ мой безсловесный лепетъ,—я была съ нею разлучена до двухъ лѣтъ.

Кормилица моя, женщина хитрая, бросила меня семимѣсячную, больную, почти умирающую и не имѣла ко мнѣ жалости: она оклеветала передъ дѣдушкой своего мужа и настроила старика, чтобы онъ отдалъ его въ солдаты, увѣряя и клянясь, что вѣкъ будетъ служить ему усердно, лишь бы избавилъ ее отъ такого буяна и пьяницы; когда же все сдѣлали по ея просьбѣ и наущиванью, она пришла къ дѣдушкѣ и бросила меня къ нему на колѣни, сказавъ: «мужъ мой солдатъ — стало быть я вольна и больше не слуга вамъ».

Съ этими словами она выбѣжала изъ комнаты и о

[1]) Александра Васильевича С—ва.
[2]) Оставила я ее въ дѣвицахъ.
[3]) Впослѣдствіи замужемъ за Николаемъ Сергѣевичемъ Б—ымъ.

ней больше ничего не слыхали и никогда болѣе не видали ее.

Согласись-же, Маша, не было-ли все это предзнаменованіемъ моей будущности и одиночества? Ты знаешь, какъ рано оторвали меня отъ матери и принудили скитаться по чужимъ угламъ; ты знаешь, какъ вполнѣ безотрадна, тяжела и горька моя жизнь; ты также коротко знаешь и тѣхъ, съ которыми обстоятельства заставляютъ меня жить; ты знаешь ихъ образъ мыслей, ихъ понятія, или лучше сказать, совершенное отсутствіе мыслей и понятій. Ты не разъ видала, что всѣ мои лучшія чувства, всѣ благородные порывы души, всѣ пылкія мечты молодости, всякое проявленіе ума и сердца, всякое горячее слово — я должна таить отъ нихъ, должна ежеминутно противорѣчить сердцу, разсудку, убѣжденіямъ, чтобъ не быть въ совершенномъ разладѣ съ ними и, по бо̀льшей части, ограничивать свой разговоръ односложными отвѣтами.—«Держаться прямо, почти не улыбаться»,—въ этомъ-то, твердятъ мнѣ, состоятъ скромность, достоинство и хорошее воспитаніе. А какъ часто хотѣлось мнѣ высказаться, сдать съ сердца то̀, что грызетъ его и то́, что волнуетъ умъ. Но Маша, милая моя Маша, все-бы это было ничтожно: я уже свыклась съ моей безцвѣтной жизнью, я уже примирилась съ моей незавидной долей, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ и кажется теперь все-бы переносила безропотно, по привычкѣ, если бы такъ недавно еще то чувство, въ которомъ я полагала свое блаженство, которому предавалась всей душей, которое открыло мнѣ значеніе и цѣну жизни,—не было-бы обмануто, осмѣяно тѣмъ, о которомъ я и теперь еще плачу! Прости мнѣ это невольное отступленіе,—продолжаю.

Отъ двухъ до шести лѣтъ я жила въ Пензѣ, съ отцомъ и матерью; это были единственные розовые дни моего дѣтства.

Нужно-ли тебѣ разсказывать, какъ росла я окруженная заботливостью, взлелѣянная ласками? все въ домѣ дѣлалось для моего удобства и для моего удовольствія: напроказничаю бывало и мать моя скажетъ мнѣ съ улыбкой: «не дѣлай этого въ другой разъ»; да еще потреплетъ по щекѣ, поцалуетъ меня. Даже отецъ, на всѣ жалобы и доносы на меня няни моей говаривалъ: «оставьте мою вострушку, пусть порѣзвится» — и вострушка, ободренная безнаказанностію, мстила доброй своей нянѣ, восьмидесятилѣтней Аннѣ Мелентьевнѣ, непослушаніемъ, новыми подвигами рѣзвости, а еще чаще поддразниваніемъ и называніемъ ее «пересказчицей». Рѣдко дѣти понимаютъ жестокость своего обращенія съ нянями и поймутъ ее уже слишкомъ поздно, когда нѣтъ возможности загладить прошедшее. Однакоже, несмотря на упреки моей совѣсти противъ моей доброй няни, ничто не изгладитъ и не замѣнитъ мнѣ отрадныхъ воспоминаній дѣтства и неограниченной любви и заботливости моей матери. Счастливое, беззаботное время! Скоро, слишкомъ скоро оно миновалось, но на вѣки врѣзалось въ душѣ; память о немъ часто томитъ меня, не только сожалѣніемъ, но и отчаяніемъ. Какъ незакатная звѣзда не померкнетъ оно на горизонтѣ моихъ воспоминаній, гдѣ уже многое задернулось черной тучей опытности и несправедливости!

Съ какимъ сладостнымъ упоеніемъ и какъ часто переношусь я въ Пензу, въ нашъ крошечный, хорошенькій, деревянный домикъ на большой Московской улицѣ, окруженный запущеннымъ садомъ. Домъ отдѣ-

лялся отъ улицы густымъ палисадникомъ, гдѣ разрослись на просторѣ черемуха, сирень и шиповникъ; вѣтви ихъ затемняли окна и скрывали улицу, что мнѣ также не нравилось какъ и огородъ; я любила сидѣть на окошкѣ, смотрѣть на прохожихъ, слѣдить за всѣми происшествіями на улицѣ, по которой въ хорошую погоду тонули въ пескѣ, а въ дурную вязли въ грязи и пѣшеходы и экипажи, хотя экипажи, въ особенности кареты, были тогда рѣдкостью въ Пензѣ, и не одинъ бывало не проѣдетъ не возбудивъ общаго любопытства и различныхъ предположеній: какъ и зачѣмъ ѣдутъ такіе-то, почему не заѣхали туда-то, и не случилось ли чего тамъ-то?

Болѣе всѣхъ экипажей производила фуроръ огромная желтая карета бабушки моей Екатерины Васильевны Кожиной (рожд. княж. Долгорукой), запряженная четвернею съ двумя лакеями на запяткахъ; одинъ изъ нихъ растворялъ съ громомъ дверцы, съ трескомъ откидывалъ ступеньки, а другой раболѣпно разстилалъ коврикъ у подъѣзда подъ ноги ея бывшему сіятельству. Бабушка воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и принадлежала, кажется, къ числу воспитанницъ перваго выпуска; она очень гордилась своимъ воспитаніемъ и своимъ происхожденіемъ; однимъ словомъ, она была вычурна, холодна, почти неприступна и хотя, навѣщая мою мать, она привозила мнѣ карамельки и красные яблоки, я не очень ее любила: она никогда не ласкала меня,—а дѣтей только и привязываетъ мягкость сердца, которую они предугадываютъ по чутью. Меня тоже часто возили къ бабушкѣ. Какъ теперь смотрю я на нее: она поздно вставала, почти передъ самымъ обѣдомъ, чесалась и мылась въ постелѣ; вмѣсто мыла, употребляла мякишъ

чернаго хлѣба; зато кожа у нея была удивительно нѣжна и тонка. Въ этой же постелѣ кушала она чай. Живо помню я и ея огромный чайный ящикъ, въ которомъ она тщательно хранила чай, сахаръ, кофе и даже сухари, — но какіе это были вкусные сухари! Что́ за праздникъ бывало, когда она разщедрится и поподчуетъ меня сухарикомъ; мнѣ кажется, она никогда никому ихъ не предлагала—даже матери моей! Носила она почти всегда бѣлый капотъ, кругленькій батистовый чепчикъ, съ такими же завязками, изъ которыхъ сооружался огромный бантъ напереди; домашнюю турецкую шаль, съ мелкими пальмами, въ гостяхъ желтую турецкую шаль съ крупными пальмами. Послѣ обѣда она усаживалась на канапе, подогнувъ подъ себя ноги, пододвигала старинный столикъ изъ разноцвѣтнаго дерева, съ мѣдной рѣшеткой кругомъ, округленный съ боковъ и вырѣзанный полукругомъ напереди, и до самаго чая раскладывала grand-patience. Иногда вечеромъ угощала она насъ доморощенными музыкантами и пѣвцами: я очень помню одну изъ пѣвицъ — Аксюшу; какъ нравилась она мнѣ, когда жеманясь и поднимая глаза къ потолку, безпрестанно поворачивала головой, точно фарфоровый мандаринъ; по моему понятію (конечно тогдашнему), она съ особеннымъ чувствомъ пѣвала: «Среди долины ровныя», такъ что я бывало расплачусь, просто разревусь и этимъ скандаломъ оканчивался домашній концертъ. По самымъ торжественнымъ днямъ въ семействѣ, въ большой залѣ съ колоннами и хорами, устроивались театры; актерами были тѣже пѣвцы и пѣвицы, музыканты тоже зачастую перебѣгали изъ оркестра на сцену, перемѣняя, по обстоятельствамъ, смычекъ на шпагу или на палку.

Покойный мужъ бабушки ввелъ въ ея домъ всѣ эти полубоярскія затѣи, а бабушка, несмотря на свою скупость, продолжала начатое имъ, въ память-ли о немъ, или скорѣе для того, чтобы не совсѣмъ забыть его, — не знаю; а слыхала только, что бабушка съ нимъ была очень несчастлива и была рада радехонька, что избавилась отъ него. Да ужъ такъ ведется въ свѣтѣ, — живому противорѣчатъ, а умри только, все выполнятъ по его желанію, и всякаго умершаго готовы внести въ списокъ святыхъ.

Въ спальной у бабушки, по стѣнамъ, были развѣшаны портреты всѣхъ возможныхъ князей Долгорукихъ и князей Ромодановскихъ. Болѣе всѣхъ памятны мнѣ черты и одежды Кесаря Ромодановскаго и князя Якова Долгорукаго въ напудренныхъ парикахъ и бархатныхъ кафтанахъ; да еще какой-то князь Долгорукій, блѣдный, худой, въ монашеской одеждѣ, — видъ его наводилъ на меня ужасъ и я всегда старалась усѣсться спиной къ нему[1]). Бабушка любила толковать о своихъ предкахъ, объ ихъ роскошномъ житьѣ, объ ихъ славѣ, богатствѣ, о милостяхъ къ нимъ нашихъ царей и императоровъ, такъ что эти разсказы мало-по-малу вселили во мнѣ такую живую страсть къ нимъ, или лучше сказать къ ихъ титулу и ихъ знатности, что первое мое горе было то, зачѣмъ я не княжна; бабушку очень радовала моя благородная гордость, такъ величала она мою непростительную глупость.

---

[1]) Это безъ сомнѣнія портретъ кн. Дмитрія Ивановича Долгорукаго, сына княгини Натальи Борисовны Долгорукой, рожд. гр. Шереметевой. Этотъ князь Дмитрій род. въ Березовѣ, въ октябрѣ 1738 г. Онъ умеръ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, принявъ тайное постриженіе, 26 мая 1769 г.

Второе мое горе была та минута, въ которую объявили мнѣ, что мать моя даритъ меня сестрой Елизаветой[1]). Мнѣ не было еще четырехъ лѣтъ, а я какъ будто и теперь еще чувствую, какъ болѣзненно сжалось мое сердце тогда; я предугадала, что ласки и заботливость матери будутъ раздѣлены между мной и нежданной мною сестрой; да и тогда, когда я еще ничего не понимала, ничего не умѣла обдумывать, и тогда я хотѣла быть любимой безъ раздѣла. Я на цыпочкахъ вошла въ темную комнату моей матери, робко поцаловала ее и, зарыдавъ, стала увѣрять ее, что Лиза никогда не будетъ такъ любить ее какъ я, и не будетъ такъ послушна, какъ я. Мать моя приласкала меня и успокоила, сказавъ, что она для меня-же подарила меня сестрой, чтобъ мнѣ не скучно было все одной играть, что я должна ее любить и даже заботиться о ней, потому что она такъ еще мала, что не умѣетъ ни говорить, ни ходить, ни кушать какъ я, а что она сама и отецъ будутъ одинаково насъ обѣихъ любить и ласкать. Несмотря на это увѣреніе, я всѣ девять дней не отходила отъ постели матери, держала съ ней строгую діэту, караулила, чтобы она маленькую соперницу не ласкала больше меня, но мало-по-малу ревность моя утихла и я сама стала няньчить, цаловать сестру, плакала, когда ее пеленали, и не только не огорчалась когда ее ласкали, но сама просила, чтобъ ею побольше занимались и поскорѣе выучили говорить и бѣгать.

Крестной матерью сестры была бабушка Екатерина Васильевна; и меня тоже поставили у купели съ ка-

---

[1]) Елизавета Александровна, впослѣдствіи вышедшая за Евграфа Семеновича Ладыженскаго, помѣщика въ Псковской губерніи.

кимъ-то мальчикомъ. Я такъ возгордилась положеніемъ своимъ крестной матери, что мнѣ показалось будто въ этотъ день я выросла по крайней мѣрѣ на аршинъ.

Не прошло года послѣ рожденія Лизы, какъ одинъ разъ ночью я была пробуждена громкимъ голосомъ отца и рыданіями моей матери; я вскочила съ постели, хотѣла бѣжать къ нимъ, но остановилась у дверей при этихъ словахъ отца: «и вотъ за что я умру». Я вскрикнула, они подбѣжали ко мнѣ; я неутѣшно плакала, повторяя: «я не хочу, чтобы папа умеръ». Я старалась вырвать изъ рукъ его бѣлую длинную перчатку. Они оба мной занялись, цаловали, ласкали меня, надавали мнѣ сластей и игрушекъ. Я скоро утѣшилась, не понимая угрожавшей опасности; меня опять уложили и я преспокойно уснула.

Завидный возрастъ! Однѣ забавы и удовольствія впечатлѣваются въ памяти; горе-же скользитъ не уязвляя сердца, не оставляя, какъ впослѣдствіи, неизгладимыхъ слѣдовъ.

На другой день, отца моего не было за утреннимъ чаемъ; мать моя была очень разстроена, при малѣйшемъ стукѣ вздрагивала, подбѣгала къ окну и даже часто принималась плакать, но удерживалась для меня, потому, что я, лишь только увижу бывало ея слезы, и сама примусь плакать, хотя и не знала причины горя.

Бѣдная, несчастная моя мать! Много она претерпѣла въ своей жизни. Единственное ея утѣшеніе было просиживать цѣлыя ночи у моей кроватки, держать меня за рученку и тихо повторять молитвы. Не надолго оставили ей и эту отраду: подъ предлогомъ ея разстроеннаго здоровья, обѣихъ насъ отняли у нее. О,

какъ я любила, какъ я люблю мать мою! Какъ свято чту ея память, съ какимъ благоговѣніемъ припоминаю каждое ея слово!

Во время обѣда нашего возвратился отецъ; платье его было разорвано, обрызгано кровью, рука подвязана, и самъ онъ такой блѣдный, такой страшный, что я боялась подойти къ нему и стояла какъ окаменѣлая посреди залы. Матушка при видѣ отца вскрикнула и упала на полъ; онъ въ изнеможеніи опустился на ближайшій стулъ. Эта страшная сцена имѣла на меня большое вліяніе; даже и теперь не могу безъ трепета о ней вспомнить и одно слово дуэль наводитъ на меня ужасъ.

Дня черезъ три послѣ этого происшествія произошла большая перемѣна въ нашемъ житьѣ: отецъ куда-то уѣхалъ, а матушка съ обѣими нами переѣхала въ большой домъ къ бабушкѣ Екатеринѣ Васильевнѣ. Это было весной. Какъ мнѣ жаль было покинуть нашъ домикъ, хотя онъ былъ и маленькій, но при немъ былъ большой садъ, а я съ утра до ночи бѣгала и играла въ немъ; у бабушки сада совсѣмъ не было, а въ большой залѣ съ хорами мнѣ что-то было страшно: въ ней такъ громко раздавались мои шаги и мой голосъ. Мать моя позволяла мнѣ играть на дворѣ, но только тогда, когда почивала бабушка, потому что она не позволяла матери баловать меня, а по ея мнѣнію дать дѣвочкѣ подышать чистымъ воздухомъ, называлось неприличнымъ баловствомъ. По вечерамъ я ходила съ матушкой гулять въ губернаторскій садъ или по улицамъ. Какъ до сихъ поръ я живо помню мою милую Пензу, и нашъ домикъ и бабушкинъ домъ на горѣ на площади: соборъ противъ самыхъ ея оконъ; по лѣвую сторону каменный губернаторскій домъ, по правую, гауптвахту,

а подальше спускъ къ оврагу, гдѣ было устроено что-то въ родѣ городского гулянья; — и какъ мнѣ все кажется милымъ и граціознымъ въ этомъ далекомъ, миломъ прошедшемъ! На дѣлѣ вѣроятно не то, а можетъ быть прелестная Пенза моихъ дѣтскихъ воспоминаній едва-ли лучше моего запустѣлаго и почернѣвшаго Пскова.

Когда отецъ оправился отъ своей раны и дѣло о дуэли совершенно кончилось, т. е. онъ вышелъ изъ-подъ ареста, мы поѣхали въ деревню матери моей— Знаменское. Тутъ зажили мы тихо, пріятно, даже весело. Въ это только время помню я мать мою спокойную и счастливую; она много читала, писала, работала, шутя стала учить меня читать и писать.

У нея была своя метода: дастъ бывало мнѣ нѣсколько вырѣзанныхъ буквъ, сложитъ слова: папа, мама, Лиза; растолкуетъ мнѣ, какъ произносить, какъ складывать ихъ, смѣшаетъ буквы и я надъ ними и начинаю трудиться. Когда привыкну складывать, она мнѣ покажетъ, какъ надо ихъ писать на бумагѣ; такимъ образомъ очень скоро выучилась я и читать и писать. Съ какимъ бывало восторгомъ я отыщу въ ея книгѣ то слово, которое я умѣла составить; мнѣ кажется, я не больше недѣли училась, какъ уже начала читать Золотое зеркало. Прежде бывало, матушка прочтетъ мнѣ вслухъ, съ разстановкой, одну сказочку, потомъ я. Помню какъ отецъ удивился моему чтенію; онъ рѣдко бывалъ съ нами: съ утра уходилъ или на охоту или на рыбную ловлю, и не имѣлъ понятія о нашихъ занятіяхъ; ему было такъ пріятно, что я безъ запинокъ читала, что онъ даже прослезился, и я убѣдилась, что я просто маленькое совершенство.

Странное было у меня чувство, когда мной были

довольны и хвалили меня: мнѣ казалось, что я такъ и приподнималась отъ земли; я будто чувствовала, что я росла и вытягивалась; бросалась къ зеркалу, — но, увы! увидавъ себя все такою-же крошкой, дѣлалась грустна, сознаваясь, что никакой перемѣны не случилось со мной и что стало быть никто и не замѣтитъ, какъ мать моя и отецъ довольны мною.

Не разъ слышала я, какъ въ разговорахъ, бѣдная мать моя уговаривала отца остаться на нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, чтобы посвятить себя совершенно моему и Лизиному воспитанію и приведенію въ порядокъ запутанныхъ дѣлъ по имѣнію. Какъ жаль, что отецъ не согласился на это естественное желаніе жены; какъ-бы участь всѣхъ насъ была различна, если-бы онъ согласился на ея убѣжденія и отказался-бы отъ свѣтскаго угара, а главное отъ своихъ свѣтскихъ пріятелей.

Сосѣди очень любили мою мать и часто пріѣзжали гостить къ намъ. Я всегда ожидала ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ: они привозили мнѣ лакомствъ, игрушекъ, а сверхъ того, когда ихъ много собиралось, то затѣвались разныя игры, горѣлки, жмурки, а самымъ любимымъ удовольствіемъ моимъ были прогулки на сѣнокосы и въ лѣсъ за грибами и ягодами. Особенно меня приводили въ восхищеніе огромныя дроги, учрежденныя для подобныхъ parties de plaisir. На нихъ рядомъ усаживалось человѣкъ двѣнадцать, и тутъ не обходилось безъ смѣху и споровъ, какъ кому сидѣть. Я всегда усаживалась первая и крѣпко держалась за кушакъ кучера. Впослѣдствіи мнѣ нигдѣ не случалось ни видѣть, ни кататься на такихъ дрогахъ. Экипажъ этотъ, конечно, не слишкомъ удобный, принадлежалъ-ли исключительно пензенскимъ обычаямъ, или вывелся

изъ употребленія по утонченности вкуса, или изъ пустого жеманства, — не знаю, а хотѣлось-бы мнѣ еще разъ покататься на дрогахъ; — есть правда дроги, на которыхъ и меня свезутъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

Мать моя часто гуляла по деревнѣ и всегда брала меня съ собою; она разговаривала съ мужичками, шутила съ бабами, навѣщала больныхъ, составляла сама для нихъ лекарства, посылала имъ чаю и сахару. Мнѣ позволялось иногда бѣгать съ ихъ дѣвочками и ходить съ ними въ лѣсъ: онѣ набирали мнѣ ягодъ, цвѣтовъ, грибовъ, нѣкоторыя влѣзали на деревья и доставали птичьи яйца; за такія сокровища я надѣляла ихъ своими игрушками и старыми платьями.

Мы всѣ жили въ небольшомъ, но очень хорошенькомъ новомъ домѣ, а огромный старый, почти развалившійся домъ занимала моя прабабушка, княгиня Анастасія Ивановна Долгорукая, рожд. княжна Ромодановская, и ни за что не соглашалась перейти въ новый. Тогда я никакъ не понимала, почему ей такъ нравился этотъ обвалившійся домъ, съ уродливыми подпорками, съ покривившимися стѣнами, съ огромными печами и съ такою тяжелою мебелью, что я не могла передвинуть ни одного стула; но потомъ и я поняла, какъ трудно разставаться съ тѣми стѣнами, гдѣ мы были счастливы! Воспоминанія и привычка замѣняютъ счастіе.

Прабабушкѣ было болѣе ста лѣтъ; она была маленькая, худенькая старушка, но еще очень бодрая, нисколько не взыскательная и большая охотница разсказывать про былое время. Личико ея было маленькое и все въ морщинахъ, но очень бѣлое, а большіе и еще ясные голубые глаза, такъ ласково, съ такой добротой смотрѣли на меня; нечего и говорить, какъ

баловала, какъ нѣжила она меня, — ея первую правнучку. Сама она воспитала мою мать, за то и матушка совершенно посвятила себя ей, и чтобъ жить съ нею въ деревнѣ, много перенесла она несправедливыхъ попрековъ и вспышекъ отъ моего отца. Бѣдная прабабушка въ жизни своей, можно сказать, перешла черезъ огонь и воду.

Изъ древняго и богатаго рода князей Ромодановскихъ-Стародубскихъ-Ладыженскихъ, она перешла еще въ знатнѣйшій родъ князей Долгорукихъ. Въ молодости и судьба и люди — все ей улыбалось, а подъ старость все вдругъ ей измѣнило. Она была расточительна, имѣнье продала, деньги истратила и все вокругъ нея перемѣнилось. Свѣтскіе друзья изрѣдка еще навѣщали ее, а когда прабабушка съ горя уѣхала въ деревню, такъ они ее и совершенно забыли; одна добрая моя мать осталась ей единственнымъ утѣшеніемъ, заботливымъ другомъ и ухаживала за нею, какъ самая нѣжная дочь. Бабушка Екатерина Васильевна, дочь ея, была ей почти какъ чужая; вѣрно по скупости своей, она не могла ей простить растраченное богатство. Дѣдушка князь Павелъ Васильевичъ и братъ его князь Сергѣй, часто навѣщали старушку и по цѣлымъ недѣлямъ гостили у насъ.

Кстати я разскажу анекдотъ о роскоши прабабушки. Во дни своей блестящей молодости, она была не изъ послѣднихъ красавицъ при дворѣ Екатерины Первой: экипажъ ея былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ, карета вся вызолоченная, обитая парчей, съ жемчужными кистями. Однажды на гуляньѣ лакей остановилъ карету, чтобы поднять одну изъ жемчужныхъ кистей, за которую онъ держался. Княгиня такъ на него разгнѣвалась, говоря, что: «неучъ срамитъ ее на весь го-

родъ изъ-за такой дряни» — что пріѣхавъ домой, тотчасъ-же сослала его въ свою Пензенскую деревню.

Я по цѣлымъ днямъ дежурила у прабабушки; въ хорошую погоду гуляла съ ней по саду или усаживаясь у ногъ ея на крылечкѣ, ведущемъ въ садъ, слушала, какъ она мнѣ читала своимъ дребезжащимъ и слабымъ голосомъ Евангеліе и Житія Святыхъ. Слова эти глубоко врѣзались въ сердце мое и заронили въ него зерна религіи. Тогда-же я слушала ихъ какъ-бы безъ вниманія, играя въ куклы или строя карточные домики; но потомъ, когда мнѣ пришлось искать утѣшеніе въ одной религіи, я созналась, что внушеніямъ и наставленіямъ прабабушки я обязана той отрадой, тѣмъ успокоеніемъ, которыя во всѣхъ неудачахъ, во всѣхъ несчастіяхъ мы находимъ въ одной молитвѣ и въ одной теплой вѣрѣ, что все мірское не вѣчно, что блаженство — не удѣлъ земли и что лучшее ожидаетъ насъ за гробомъ.

Въ дурную погоду моя главная квартира переносилась къ огромной лежанкѣ, возлѣ которой прабабушка всегда сидѣла, и тутъ удовольствія наши были очень разнообразны: мы играли въ дурачки, разставляли солитеръ [1]) и снимали кольца съ меледы [2]). Какъ мнѣ жаль, что я тогда не умѣла оцѣнить всей кротости, всей доброты моей столѣтней старушки. Я вполнѣ была увѣрена, что не она меня, а я ее забавляла; а теперь съ какимъ умиленіемъ я вспоминаю о всѣхъ этихъ мелочахъ, а главное о томъ, какъ всѣ родные моей матери любили и лелѣяли меня.

Одинъ разъ утромъ, въ домѣ прабабушки выкинуло изъ трубы; опасности никакой не было; матушка ста-

[1]) Игра съ шариками.

[2]) Игра, состоящая изъ колецъ.

ралась растолковать мнѣ это и послала меня къ ней, приказывая развлечь ее разговорами, ласками и строго запретила мнѣ упоминать о пожарѣ.

Но суматоха на дворѣ, бѣготня людей, такъ меня встревожили, что я совсѣмъ перепуганная вбѣжала къ прабабушкѣ; она сидѣла за чайнымъ столикомъ, хотѣла по обыкновенію и меня напоить чаемъ, но я ничего не понимала и на всѣ ея ласки, на всѣ ея распросы, со слезами твердила ей: «мы горимъ, мы сгоримъ бабушка; всѣ насъ бросили, мы однѣ въ домѣ, а домъ нашъ горитъ». Прабабушка встревожилась, вскочила, я подхватила ее подъ руку, даже не подала ей обыкновенную ея опору — палку, и опрометью сбѣжали мы съ ней съ крыльца, тоже бѣгомъ пустились съ ней по двору, но у обѣихъ насъ силы были небольшія и посреди двора мы упали отъ изнеможенія, а между тѣмъ огонь уже потушили. Не помню, побранила-ли меня матушка за мое непослушаніе.

Вскорѣ послѣ этой тревоги, ночью, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дому, загорѣлась наша церковь; я проснулась отъ того, что въ комнатѣ отъ пламени было свѣтло, какъ днемъ, и отъ необыкновеннаго шума на дворѣ. Вся дворня, всѣ мужики были на ногахъ: кто бѣжалъ съ ведромъ, кто съ лѣстницей, били набатъ; матушка занималась только мной, боясь, чтобы меня не перепугали, а я и не думала объ испугѣ; необычайный свѣтъ отъ пожара, толпящійся народъ придавали праздничный видъ всей деревнѣ. Не понимая ни опасности, ни убытка, я весело смотрѣла на разрушавшуюся церковь. Пожаръ этотъ былъ умышленный: дрянной семинаристъ, сынъ нашего священника, разсердился на отца и выдумалъ этимъ святотатствомъ отомстить ему, поджегъ церковь, но сперва заперъ

всѣ двери, забросилъ ключи съ злымъ намѣреніемъ, чтобы ничто не уцѣлѣло въ храмѣ божіемъ. И онъ достигъ своей цѣли, все было поглощено пламенемъ; несмотря на усердіе крестьянъ, не успѣли спасти ни одной иконы. Вотъ какъ люди обдуманно дѣлаютъ зло; добрыя-же ихъ дѣла почти всегда остаются недоконченными.

Зимой 1817 года, по желанію отца, мы поѣхали въ Москву.

Тогда я не умѣла и не могла оцѣнить всей религіозной прелести нашей древней столицы и никакого вниманія не обратила на Кремль, но съ восторгомъ разсматривала пестрыя вывѣски магазиновъ, гостинницъ, трактировъ и кандитерскихъ. Помню, что московская жизнь произвела на меня грустное впечатлѣніе; я бы сейчасъ и съ радостью бы согласилась возвратиться въ Знаменское: слушать разсказы бабушки и играть на дворѣ въ снѣжки съ моей ровестницей—Машуткой. Долго тосковала я по нимъ обѣимъ; но горе мое, какъ всѣ дѣтскія ощущенія, скоро изгладилось, а когда родные наши навезли мнѣ невиданныхъ до тѣхъ поръ игрушекъ и модныхъ нарядовъ, такъ я и совсѣмъ утѣшилась; игрушки я всѣ отдала Лизѣ, но за то, всѣ платья, платочки, хотѣла забрать себѣ. Ужасно любила я наряжаться: не отойду бывало отъ зеркала; если мнѣ пришпилятъ лишній бантикъ, такъ бывало любуюсь и собой и имъ. Нехорошо, если рано втолкуютъ дѣвочкѣ, что она почти красавица; непонимая вполнѣ, что значитъ быть красавицей, считаешь себя во всемъ лучше другихъ и тѣмъ заготовляешь себѣ для будущаго много разочарованія и горя.

Въ вихрѣ большого свѣта, мои родители скоро распростились съ мирнымъ семейнымъ счастіемъ.

Отецъ почти не жилъ дома; матушка сначала грустила, плакала, потомъ и сама стала искать развлеченія, все чаще и чаще выѣзжала; родня у нея была богатая, знатная, и она незамѣтно тратила на свои платья и уборы больше денегъ, чѣмъ позволяли ея доходы. Меня тоже она одѣвала какъ куколку, брала почти всегда съ собой на гулянья, обѣды и въ театры.

Такой образъ жизни, а главное, безпрестанныя бурныя сцены между отцомъ и матерью много способствовали моему развитію, и я могу сказать со вздохомъ, что съ шести лѣтъ я почти перестала быть ребенкомъ.

Съ дѣтской проницательностью я поняла, что матушка нелюбима, не оцѣнена мужемъ и его семействомъ, но угнетена и преслѣдуема ими. Тогда я еще больше привязалась къ ней и ко всей ея роднѣ; съ ней и съ ними я была ласкова, разговорчива, услужлива, послушна, а съ отцемъ и его родней — дика, боязлива, упряма и молчалива. Мною руководило мое сердце и я не понимала, что, обходясь такимъ образомъ съ ними, я еще больше ихъ вооружала противъ матери и навлекала ей непріятности.

Отецъ мой имѣлъ доброе сердце, но вспыльчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ злопамятный нравъ, необузданныя страсти. Его дурное воспитаніе отчасти извиняетъ это; съ тринадцати лѣтъ онъ былъ отпущенъ отцомъ своимъ на всѣ четыре стороны. Въ минуты гнѣва онъ доходилъ до бѣшенства и тогда металъ и бросалъ въ свои жертвы все, что попадалось подъ руку: стулъ, бутылка, шандалъ, ножъ, все безъ разбора и сознанія. Не мудрено, что я его боялась и тряслась, лишь только заслышу его голосъ. Онъ часто сводилъ дружбу съ самыми дурными и даже опозоренными людьми, и эти связи, какъ ни были онѣ

кратковременны, очень вредили ему въ общемъ мнѣніи. Въ 20-хъ годахъ не было ни одной скандалезной исторіи, въ которую бы онъ не былъ замѣшанъ: броситъ ли мужъ жену—онъ ему помогаетъ, ускачетъ ли жена отъ мужа—онъ ее сопровождаетъ. А сколько свадьбъ онъ устроилъ; разставляетъ лошадей для убѣгающей невѣсты, а потомъ миритъ ее съ родными; жаль, что онъ употреблялъ свою дѣятельность на одно удальство. Само собою разумѣется, что мать моя, отлично образованная, воспитанная совсѣмъ въ другомъ духѣ, не могла быть счастлива съ нимъ. Достаточно было однихъ пирушекъ, которыя онъ задавалъ своимъ пріятелямъ, чтобъ охладить ее къ нему. Я живо помню эти пирушки. Бутылки, трубки, карты валялись на полу и возвышались грудами на столахъ и окнахъ. Въ этой неопрятной комнатѣ, въ этой удушливой атмосферѣ, гдѣ-нибудь въ уголку, сидѣла печальная моя мать и часто принуждена была вынимать серьги изъ ушей, или снимать кольцо съ руки, потому что отцу ничего больше не оставалось проигрывать. Въ этой же комнатѣ часто должна была и я присутствовать, чтобы приносить счастіе отцу и отвѣдывать изъ его бокала, покамѣсть бывало не усну стоя и пока матушка не уложитъ меня на диванъ. Иногда случалось, что матушка положитъ мнѣ въ башмакъ или подъ мой тюфякъ послѣдній рубль, чтобы было чѣмъ на другой день накормить меня и Лизу.

Какъ всѣ игроки—отецъ безпрестанно переходилъ отъ нищеты къ богатству, отъ отчаянія къ восторгу, а матушка всегда была равно несчастна и грустна.

Съ шести лѣтъ я принуждена была скрывать и часто притворяться передъ отцомъ; онъ готовъ былъ бы избить до смерти мою мать, если бы подозрѣвалъ,

что она сберегла рубль для нашего завтрака; по суевѣрію игроковъ, онъ возмечталъ бы, что именно этотъ рубль и возвратилъ бы все проигранное. Сколько ночей проплакала я съ бѣдной моей матерью во время нашей жизни въ Москвѣ.

Иногда-же, въ дни богатства, у насъ задавались большіе обѣды. Я очень любила эти торжественные дни; все въ домѣ принимало веселый, праздничный видъ: вездѣ разставлялись цвѣты, раздвигался столъ длинный, предлинный, по серединѣ ставилось зеркальное плато, а на немъ пропасть фарфоровыхъ куколокъ, и маленькихъ и большихъ; фрукты въ хрустальныхъ вазахъ такъ и улыбались мнѣ, фигурное миндальное пирожное, всегда имѣвшее видъ замка или башни, приводило меня въ восторгъ, блан-манже тоже причудливо подавалось въ видѣ утки, окруженной яицами. Да, любила я эти обѣды; тогда съѣзжались къ намъ всѣ родные матери — Долгорукіе, Горчаковы, Трубецкіе и проч., всѣ они были такіе нарядные, раздушенные, ласковые, такъ тихо говорили, такъ мило смотрѣли, такъ привѣтливо кланялись, что съ самаго ранняго возраста я привязалась къ знати, по одному только имени судила о людяхъ и воображала, что графиня или княгиня не можетъ, не вправѣ даже вымолвить грубаго слова, не только сдѣлать что-нибудь предосудительное; къ этому убѣжденію примѣшалось и сравненіе знатныхъ родныхъ съ пріятелями и даже нѣкоторыми родными отца.

Больше всѣхъ родныхъ моей матери любила я княгиню Варвару Юрьевну Горчакову, рожд. Долгорукую,—не потому, чтобъ она болѣе другихъ ласкала меня, но вообще она была покровительницей многихъ дѣвочекъ моихъ лѣтъ. Большой домъ ея, на Никитской,

былъ пріютомъ для вдовъ и для сиротъ безъ состоянія. Огромное богатство ея отца, князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, позволяло ей дѣлать много добра. У ней въ домѣ жили всегда отъ шести до десяти дѣвочекъ, нѣсколько гувернантокъ, пропасть нянюшекъ и горничныхъ.

Я полюбила княгиню съ какимъ-то благоговѣніемъ и теперь еще вспоминаю о ней съ признательностію; она очень любила матушку, такъ часто утѣшала ее, горевала съ ней. Мнѣ было семь лѣтъ, но я уже умѣла оцѣнить, что княгиня добрѣе и выше многихъ женщинъ—она не дѣлала ни малѣйшаго различія между своею дочерью и бѣдными сиротами.

Рано мать моя внушила мнѣ дорожить своимъ собственнымъ мнѣніемъ и не мѣнять его, несмотря ни на какія убѣжденія и преслѣдованія другихъ. Я свято храню эту привычку, также какъ и всякій совѣтъ и малѣйшее слово моей матери; мнѣ иногда думается, что подъ ея вліяніемъ я была-бы совсѣмъ другая; теперь-же меня тяготитъ сознаніе, что я какое-то невыработанное, недоконченное созданіе и мнѣ становится грустно, почти стыдно самой себя, такъ хотѣлось-бы мнѣ все знать, все понимать, обо всемъ судить, — а передъ теткой я не должна высказываться. Боже упаси, если бы она догадалась, что у меня есть о чемъ-нибудь собственное мнѣніе, да еще совершенно противное ея взглядамъ на вещи и на людей.

Княгинѣ очень захотѣлось имѣть меня подъ своимъ крылышкомъ, тѣмъ болѣе, что Лидія и Вѣра (дочери ея) предпочитали меня другимъ малюткамъ; но несмотря на то отличное воспитаніе, которое я могла бы получить въ ея домѣ, ни на всѣ ея выгодныя предложенія (она тотчасъ-же хотѣла положить 100,000

руб. ассиг. въ ломбардъ и по смерти отказать 200 душъ, какъ близкой родственницѣ), отецъ мой, подстрекаемый сестрами, остался непреклоненъ; матушка колебалась, ее плѣняло богатство, но еще болѣе пугала разлука со мной; однакоже, если бы зависѣло отъ нея одной, она бы ввѣрила меня попеченіямъ княгини, лишь бы этимъ упрочить мою будущность.

Ахъ! когда бы она могла предвидѣть, что скоро, и безъ пользы для меня, рѣшено было насъ разлучить, она бы вѣроятно употребила всѣ старанія, чтобъ уговорить отца согласиться на просьбу княгини. Домъ ея казался мнѣ тогда какимъ-то очаровательнымъ замкомъ, такъ онъ былъ огроменъ и богатъ, правда, позолота вездѣ почернѣла, мраморныя стѣны вездѣ потрескались, штофъ на мебели весь вылинялъ, обложенныя галунами ливреи всѣ были въ пятнахъ, но все это я припомнила и обсудила впослѣдствіи; даже сальныя свѣчи въ лакейской и въ дѣтскихъ не удивляли меня, тѣмъ менѣе ливрейные лакеи, вяжущіе чулки; у прабабушки въ деревнѣ, старикъ Епифанычъ также всегда сидѣлъ за чулкомъ и продавалъ ихъ на масло къ своему образу.

Помню я очень дѣтскій маскарадъ у княгини, наканунѣ новаго года, помню по двумъ причинамъ: первая—на мнѣ былъ чудесный жидовскій костюмъ и я выиграла въ лотерею пропасть вещицъ; вторая причина—на другой день умеръ отъ удара дѣдушка Василій Михайловичъ и на меня надѣли черное платье. Этотъ годъ замѣчателенъ для меня еще однимъ воспоминаніемъ: осенью тетка Марья Васильевна С—ва вышла замужъ за кавалергарда Николая Сергѣевича Б—ва.

Пышная свадьба, нарядъ невѣсты, а главное, конфетный столъ такъ и мелькаютъ передъ глазами.

Матушка устроила эту свадьбу; такъ какъ кавалергардъ былъ до невѣроятности застѣнчивъ и неразговорчивъ, такъ она за него и при немъ объяснилась съ невѣстой и распорядилась ихъ свадьбой.

Непріятныя обстоятельства принудили насъ оставить Москву; родители мои были еще молоды, жили неразсчетливо, отецъ любилъ разгульную жизнь, матушка любила наряжаться; имѣнье заложили, просрочили, надо было ѣхать въ деревню уладить дѣла и жить поэкономнѣе. Задумали серьезно о моемъ воспитаніи, взяли гувернантку, женщину хитрую, злую, и что всего хуже, старую дѣвку съ сентиментальной головой и развращеннымъ сердцемъ. Она вкралась въ довѣренность моей матери и она, бѣдная, не подозрѣвая ея гнусныхъ замысловъ, вполнѣ предалась ей. Въ этомъ только случаѣ я не заступаюсь за мать свою: излишнее было разсуждать ей съ постороннею о недостаткахъ мужа. Первая обязанность, возложенная на женщинъ — стараться возвышать мужа въ общемъ мнѣніи и притворяться счастливою, сколько достанетъ силъ и терпѣнія.

Гувернантка передавала все слово отъ слова отцу, вѣроятно даже съ прибавленіями: въ этомъ былъ ея разсчетъ, она посѣяла недовѣрчивость, раздоры и все пошло въ домѣ вверхъ дномъ. Необузданный характеръ отца довелъ несчастную мать мою до того, что она скиталась со мною трое сутокъ въ лѣсу; ночью мы украдкой приходили въ село, чтобы переночевать въ крестьянской избѣ, въ отвратительной, удушливой нечистотѣ, вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми; хозяева со слезами умиленія уступали намъ бѣдный пріютъ свой, а сами уходили спать въ клѣть,—между тѣмъ, какъ отвратительная гувернантка торжествовала и наслаждалась своими гнусными успѣхами, занявъ въ до-

мѣ и въ сердцѣ отца мѣсто моей бѣдной матери. Прабабушка наконецъ усовѣстила отца и онъ послалъ дворню искать насъ въ лѣсу и просить возвратиться въ домъ, обѣщая быть воздержаннѣе. Но не надолго водворилось спокойствіе; помню я одну страшную ночь, когда огромный охотничій ножъ сверкалъ надъ головою моей несчастной страдалицы; страшно еще раздаются ея вопли въ душѣ моей, и какъ будто теперь смотрю съ отвращеніемъ на растрепанную гувернантку, неистово кричавшую, и съ умиленіемъ благодарю слугъ, боготворившихъ матушку, что исхитили ее невредимую изъ рукъ ослѣпленнаго и разъяреннаго мужа.

Огласка была на всю губернію. Судъ вмѣшался въ это дѣло, выпроводили гувернантку; деньги, ея кумиръ, удовлетворили ея жадность; съ тѣхъ поръ я о ней ничего не слыхала. Дѣдушка и прабабушка явились ангелами-мирителями между супругами; мать моя—добрая, кроткая, благочестивая — все простила; но не надолго водворилось спокойствіе.

Мы опять переѣхали въ Пензу. Рѣдкій день проходилъ безъ ссоры и слезъ. Я любила мать мою, а отца только боялась и дичилась, что также много навлекало ей упрековъ и горя; а кто же виноватъ?.... какъ многіе ошибаются, думая, что дѣти не разсуждаютъ и не умѣютъ отличить жертвы отъ притѣснителя.

Теперь я приступаю къ самой горестной, самой ужасной минутѣ моей жизни. Въ одну ночь отецъ прибѣжалъ въ дѣтскую, вытащилъ меня и Лизу изъ кроватокъ, обернулъ насъ одѣялами и убѣжалъ съ нами изъ комнаты; мать моя съ воплями бросилась за нами; онъ ее оттолкнулъ, она взвизгнула и упала

на лѣстницѣ: я также кричала и плакала, отецъ ударилъ меня, зажалъ мнѣ ротъ, посадилъ насъ въ карету и отвезъ въ трактиръ. Какъ я плакала всю ночь, какъ сокрушалась! Но какъ далека была отъ мысли, что меня навсегда разлучили съ матерью. На другой день пріѣхала къ намъ бабушка Екатерина Васильевна: она съ отцемъ много кричала, бранилась, ссорилась. До моего слуха долетали только слова: «навсегда, Москва, сестра Прасковья, сестра Марья»; наконецъ все утихло и меня позвали къ бабушкѣ; я уже сказала, что я не любила ея, но тутъ я съ восторгомъ и слезами бросилась къ ней на шею.—«Хочешь ѣхать ко мнѣ?» спросила она.—«Да, да!»—кричала я съ изступленіемъ, думая, что она отвезетъ меня къ матери.

Бабушка перевезла насъ къ себѣ, отецъ помѣстился у нея во флигелѣ; она успокоивала меня ласками, запретила мнѣ говорить съ отцомъ о матери, обѣщая, что она со временемъ все уладитъ, и что скоро мы будемъ видѣться съ нею; я обѣщала во всемъ ее слушаться, любить ее, лишь бы она соединила меня съ нею. Мнѣ было восемь лѣтъ, но тутъ совершенно кончилось мое дѣтство и я вступила въ жизнь страданія и горя.

II.

Тайныя свиданія съ матерью. — Письма и портретъ ея. — Жизнь въ Москвѣ.— Слѣпая бабушка. — Въ Петербургѣ. — Въ Островской и въ Псковской деревняхъ. — Воспитаніе. — Смерть матери.

1820—1828.

Непредвидѣнная разлука съ матерью, которую отецъ не позволилъ мнѣ даже поцаловать на про-

щанье, нравственно убила и состарила меня. Игрушки, куклы, игры, книжки съ картинками уже не существовали для меня; я проводила цѣлые дни въ задумчивости, а большую часть ночи въ слезахъ; я, бывало, такъ углублюсь въ свои воспоминанія о ней, что при малѣйшемъ шумѣ, при первомъ громкомъ словѣ, я какъ будто непріятно просыпалась, вздрагивала, а слезы такъ и брызгали изъ глазъ. Отецъ, угадывая ихъ причину, бѣсился, убѣгалъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью, а я опять съ упоеніемъ вдавалась въ грезы. Онъ запретилъ дѣвушкамъ и людямъ говорить мнѣ о матери, запретилъ мнѣ распрашивать о ней, кажется запретилъ даже и думать о ней; но несмотря на всѣ эти запрещенія, няня моя Анна Мелентьевна всякую ночь передавала мнѣ ея записки, порученія и гостинцы.

До тѣхъ поръ я никогда еще не читала ничего писаннаго и теперь не понимаю, какъ удалось мнѣ прочесть нечеткій почеркъ матери безъ малѣйшаго затрудненія и самой писать къ ней.

Кажется, со времени нашей разлуки, прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ; я до того тосковала, плакала и исхудала, что добрая моя няня сжалилась надо мной и одинъ разъ утромъ, одѣвая меня, крѣпко меня поцаловала, погладила по головѣ и проговорила: «не тоскуй, голубушка моя, будь только умна, молчи и скрывай свое нетерпѣніе, а я, если и есть грѣхъ ослушаться барина, беру его на свою душу и доставлю тебѣ радость поговорить съ маменькой». Я обѣщала нянѣ все на свѣтѣ, лишь бы взглянуть мнѣ на матушку. Кажется, я дала бы скорѣе себя растерзать на куски, чѣмъ высказать свою первую, святую тайну! И точно, зоркій глазъ отца ничего не подмѣтилъ.

Въ тотъ же самый день вечеромъ Анна Мелентьевна, укладывая меня спать, шепнула мнѣ: «не спи моя душечка, а притворись только, что спишь; — какъ всѣ улягутся, мамаша придетъ».

Можно представить мое волненіе, мою радость; я вся дрожала, ложась въ постель. Не знаю, долго ли я притворялась спящею, но мнѣ вѣкомъ показалось ожиданіе той минуты, когда бабушка съ отцомъ приходили взглянуть, заснули ли мы, и отдать приказаніе запереть всѣ двери; наконецъ они пришли, перекрестили насъ; я изнемогла отъ безпокойства, чтобъ они оба не замѣтили мое пылкое, частое дыханіе и громкое біеніе моего сердца.

Няня поспѣшно заперла за ними двери, вынула меня изъ кроватки, на скорую руку одѣла и отворила окно, подъ которымъ уже стояла несчастная моя мать, въ простомъ крестьянскомъ сарафанѣ. Мы протянули другъ къ другу руки, двое людей помогли ей влѣзть на окно; часа два пробыла она со мной; мнѣ кажется, что ни она, ни я не проговорили ни одного слова, а только плакали и цаловались.

Ночныя наши свиданія повторялись часто. Екатерина Васильевна сдержала данное мнѣ слово, уговорила отца позволить матери навѣщать насъ; то-то было счастье! Легко понять всю жестокость словъ: позволеніе матери видѣть дѣтей своихъ! Но не долго и это счастіе продолжалось: отецъ рѣшился все разомъ покончить и увезти насъ въ Москву къ сестрѣ своей Прасковьѣ Васильевнѣ. Бабушка и тутъ оказалась доброй покровительницей матушки; она вызвалась ѣхать съ нами, надѣясь со временемъ убѣдить отца возвратиться въ Пензу; онъ ее во многомъ слушался: — она обѣщала оставить намъ наслѣдство.

Приготовленія къ дорогѣ дѣлались тайкомъ ли, или я, сосредоточивая всѣ мои мысли на матушкѣ, не замѣчала ихъ, но одинъ разъ, утромъ, я сидѣла съ нею, какъ вдругъ вошелъ отецъ и велѣлъ намъ прощаться, говоря, что мы сейчасъ же ѣдемъ въ Москву. Эта неожиданная вѣсть такъ поразила меня, что я стала плакать, кричать, что не хочу ѣхать: я повисла на шеѣ матери, вцѣпилась въ ея платье; отецъ прибилъ меня, и вѣроятно очень больно; я впала въ безчувственность и ничего уже не помню, какъ простилась съ ней, съ Анной Мелентьевной, какъ выѣхали мы изъ Пензы. Одно впечатлѣніе осталось мнѣ послѣ этого путешествія: мы чуть-чуть не утонули въ Окѣ, ямщикъ и одна изъ лошадей пошли ко дну, но какъ это было, Богъ знаетъ!

Въ Москвѣ на каждомъ шагу было для меня новое горе, новыя слезы; все мнѣ напоминало ее! Это выводило изъ терпѣнія отца и навлекало на меня его угрозы и наказанія. Родные его безпрестанно твердили мнѣ: «надо любить папашу, надо забыть мамашу». И этимъ еще болѣе отчуждали меня отъ самихъ себя и отъ него, вселяли къ себѣ недовѣрчивость, даже отвращеніе, и я все больше и больше думала о матери и боготворила ее.

Я оживала, бывало, когда меня отвозили на денёкъ или на два къ княгинѣ Варварѣ Юрьевнѣ Горчаковой; тамъ я знала, я чувствовала, что любили мать мою, тамъ я говорила о ней, тамъ я дѣлалась сама собой и плакала, и смѣялась, и бѣгала, и болтала, писала къ ней страстныя письма; мнѣ тоже передавали ея записки, потому что у отца цензура была строгая надъ перепиской матери съ восьмилѣтней дочерью. Иногда письма ея рвались на клочки и онъ

даже не говорилъ мнѣ, что̀ въ нихъ заключалось; мои письма подвергались той же участи, если въ нихъ я высказывала свою любовь, свою грусть; кончилось тѣмъ, что, выключая писемъ, писанныхъ у княгини, проходили мѣсяцы и она, бѣдная, получала отъ меня только циркуляры о моемъ здоровьѣ, весельи и баловствѣ отца и его родни. Никто вѣрно не позавидовалъ бы этому веселью и этому баловству! Но эти циркуляры, писанные, такъ-сказать, изъ-подъ палки, не измѣнили моему правдивому характеру: ни разу не сказала я, что люблю кого-нибудь изъ нихъ; моя единственная, моя безпредѣльная любовь была она одна, отрадой моей грустной жизни были минуты, проведенныя съ ея родственницами. Я любила очень кузину нашу, княжну Елену Николаевну Трубецкую, она всегда говорила мнѣ съ чувствомъ и слезами объ отсутствующей и при всякомъ свиданіи повторяла мнѣ: «люби ее, молись за нее!» Съ радостью также я встрѣчала другую кузину нашу, прекрасную и блистательную графиню Потемкину[1]), хотя она менѣе показывала мнѣ участія, но мнѣ достаточно было воспоминанія объ ея родственномъ расположеніи къ матери, чтобъ любить и ее. У меня осталось въ памяти какимъ-то волшебнымъ видѣніемъ дѣтства богатое и роскошное убранство ея дома на Пречистенкѣ; какъ будто теперь еще вижу серебряныя статуи на лѣстницѣ, ея мраморную ванну, окруженную прелестными цвѣтами и рѣдкими растеніями, и ее самую, прелестную, стройную, нарядную, показывающую намъ свои чудные брилліанты.

[1]) Рожд. княжна Трубецкая, во второй разъ замужемъ за сенаторомъ Подчасскимъ.

Черезъ княгиню Горчакову я умоляла матушку прислать мнѣ свой портретъ; какъ ни была она всегда у меня на умѣ и въ сердцѣ, бывали минуты, что образъ ея ускользалъ изъ моей памяти, и чѣмъ больше старалась я его припомнить, тѣмъ сомнительнѣе выходило сходство: то припомню улыбку, то взглядъ, а всего вмѣстѣ выраженія уловить не могу.

Это со мной и до сихъ поръ бываетъ: чѣмъ больше люблю кого-нибудь и думаю о немъ, тѣмъ труднѣе припоминаю его образъ. О его образѣ и говорить нечего! Помню только выраженіе глазъ и всегда чувствую пожатіе руки, когда въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ: «Я люблю васъ». Но этотъ милый взглядъ, но эта добрая улыбка сливается въ памяти моей съ той холодной, жестокой, ѣдкой улыбкой, съ которой онъ сказалъ мнѣ, низко кланяясь: «Вы преувеличивали любовь мою, — да я этого и хотѣлъ; не я-же васъ обманывалъ, а вы сами преувеличивали мои чувства къ себѣ».

Мать прислала мнѣ свой портретъ. Кто знаетъ, можетъ быть мѣсяцъ, два отказывала она себѣ во многомъ, необходимомъ, чтобъ доставить мнѣ счастіе поцаловать ея образъ, дивно переданный на кости.

Отецъ увидѣлъ этотъ портретъ, но вѣрно мой восторгъ его обидѣлъ, онъ съ запальчивостью вырвалъ его у меня изъ рукъ и разломалъ его на мелкіе куски. Я не могу выразить всего, что произошло въ моемъ сердцѣ при этой жестокой несправедливости отца, и никогда не могла я забыть, какъ глубоко уязвилъ онъ мое сердце. Я скрыла этотъ поступокъ отъ матери, чувствуя по себѣ, какъ было бы ей оскорбительно знать, какое низкое средство придумалъ онъ, чтобы принудить меня забыть ее. Чего не дала бы я, чтобъ

собрать обломки дорогого мнѣ портрета, склеить ихъ и сохранять въ кіотѣ вмѣстѣ съ ея благословеніемъ, но онъ и кусочки всѣ подобралъ и бросилъ въ печку. Я уже не пыталась достать другого портрета; я была обречена на всѣ утраты.

Съ полгода прожила я въ Москвѣ съ бабушкой, ничего особеннаго не произошло въ это время; не понимаю, какъ пришла мнѣ тогда мысль скрывать, что я почти все понимала по-французски, что говорили при мнѣ на этомъ языкѣ. Быть можетъ, сначала эта скрытность происходила изъ упрямства, а послѣ изъ разсчета, чтобы знать ихъ распоряженія и толки о матушкѣ. Я рѣшительно ни къ чему не имѣла охоты, на меня напала какая-то апатія, я едва передвигала ноги; сижу, бывало, битые часы въ уголкѣ, когда другія дѣти играли и бѣгали, не замѣчая ни шума, ни веселья, угрюмая, печальная, да думаю о бѣдной моей матери.

За уроками тоже, бывало, уткну носъ въ книгу, а мысли разбредутся далеко; всѣ рѣшили, что я тупая, лѣнивая дѣвочка, но удивлялись, какъ я такъ хорошо читала и писала по-русски. «Мамаша сама меня учила, отвѣчала я упорно, а чему теперь учать, я не понимаю».

А меня учили только вокабуламъ, которые я знала лучше самой mademoiselle Nadine, взятой мнѣ въ гувернантки бабушкой.

Въ эту зиму я познакомилась съ дядей Николаемъ Васильевичемъ С—ымъ, братомъ отца моего, и полюбила его. Онъ не ласкалъ меня, но въ немъ проявлялось участіе, доброта, которыхъ я не замѣчала въ другихъ родныхъ отца. Онъ одинъ изъ нихъ говорилъ со мной о матери; разъ онъ усадилъ меня на колѣни и началъ разспрашивать о ней; при видѣ моихъ слезъ, онъ по-

трепалъ меня по щекѣ и сказалъ: «Не плачь, вѣдь ты не навсегда розно съ матерью, опять будешь жить у нея». Онъ первый въ эту пору унынія и отчаянія направилъ мысли мои на лучшее будущее, далъ надежду на свиданіе съ ней и открылъ мнѣ новый волшебный міръ грезъ и мечтаній, въ который я съ жадностію погрузилась; но ни съ кѣмъ я не дѣлилась своими мыслями, я умѣла грустить и радоваться, плакать и надѣяться одна, совершенно одна....

Я создала въ воображеніи своемъ какое-то волшебное царство; первое мѣсто въ немъ занимала матушка, а я второе. Я не могла думать о ней, не ставя себя подлѣ нея, другіе не существовали для меня и не имѣли никакой цѣны, если не относились хотя косвенно къ ней.

Дядю Николая Васильевича я еще больше полюбила; я слышала, какъ одинъ разъ говорилъ онъ сестрѣ своей и моему отцу: «вы не умѣете съ нею обращаться: ее надо брать лаской, говорить съ нею о матери, — а вы запугали ее».

Я далеко не высокаго мнѣнія о себѣ, но мнѣ иногда приходитъ въ голову, что если-бы меня воспитали иначе, не разлучили-бы съ матушкой, она-бы развила и сердце мое, и умъ, и силу души и энергію характера; задатки всего этого таились во мнѣ, но заглохли! Никто изъ родныхъ не разгадалъ моего настойчиваго характера и пылкаго сердца!

У бабушки съ отцомъ произошла ссора; въ это время бабушка отказала m-lle Nadine, а отцу объявила, что не хочетъ жить въ одномъ домѣ съ нимъ. Тутъ они рѣшили, что бабушка будетъ жить полгода въ Москвѣ, гдѣ и домъ купила въ 30,000 руб. асс., на Пречистенкѣ, а другіе полгода въ Пензѣ.

Какъ восхищалась я мысленно этой поѣздкой и временнымъ отсутствіемъ отца; мать моя не будетъ больше отъ него плакать, думала я, и будетъ жить вмѣстѣ съ нами у бабушки. Я какъ будто переродилась и весело замечталась о свиданіи съ ней, съ прабабушкой и Анной Мелентьевной. Но, къ несчастью, пріѣхала въ Москву тетка Марья Васильевна и стала совѣтовать отцу не отпускать меня, а оставить у Прасковьи Васильевны.

«Чѣмъ же мы хуже этихъ сіятельныхъ, говорила она, развѣ у насъ ума не хватитъ воспитать дѣвочку? Ну, пускай Лиза остается у родни матери, а старшая — у твоей родни».

Все это я слушала съ убитымъ сердцемъ, потому что они, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, говорили при мнѣ по-французски, а я не измѣнила себѣ, привыкнувъ уже скрывать терзавшія меня чувства. Отецъ опять пошумѣлъ съ бабушкой, но подстрекаемый сестрами, не пустилъ меня въ Пензу, а перевезъ къ Прасковьѣ Васильевнѣ.

Это внезапное крушеніе всѣхъ моихъ надеждъ еще больше остолбѣнило меня; къ тоскѣ о матери примѣшалось сожалѣніе о сестрѣ и о бабушкѣ, къ которой я горячо привязалась, и я осталась въ кругу ненавистныхъ мнѣ людей, отъявленныхъ враговъ моей обожаемой матери.

Но сверхъ чаянія, отъѣздъ бабушки, такъ сказать, улучшилъ мою судьбу, тѣмъ по крайней мѣрѣ, что черезъ нее я чаще имѣла извѣстія о матушкѣ и могла свободно ей писать, и она, судя по письмамъ, стала повеселѣе отъ присутствія Лизы; всѣ онѣ поддерживали во мнѣ надежду на соединеніе съ ними.

Первое письмо бабушки къ Прасковьѣ Васильевнѣ

увѣдомляло ее, что бѣдная моя мать очень измѣнилась, и что доктора рѣшили, что у нея аневризмъ въ сердцѣ. Я, конечно, встревожилась этимъ извѣстіемъ, но не очень, я думала, что аневризмъ что-то въ родѣ лихорадки; я стала рыться во всѣхъ лексиконахъ и находила только объясненіе, котораго я не понимала: *dilatation d'une artère*. Я прибѣгла къ княгинѣ Варварѣ Юрьевнѣ Горчаковой и княжнѣ Еленѣ Трубецкой, онѣ знали всю опасность, всю неумолимость этой ужасной болѣзни, но не хотѣли растолковать мнѣ ее, а напротивъ, старались разогнать мои черныя мысли и совершенно меня успокоили; въ письмахъ же своихъ матушка никогда не упоминала о своихъ страданіяхъ.

Прасковья Васильевна была добра ко мнѣ потому, что была добра вообще ко всѣмъ, но не любя моей матери, она и меня не любила.

Отца я видѣла рѣдко, урывками; онъ веселился...

Слабый характеръ тетки далъ мнѣ совершенную свободу и я вполнѣ умѣла ею воспользоваться; я такъ умудрилась, что по недѣлѣ, по двѣ проживала въ Петровскомъ, у княгини Горчаковой. Какъ мнѣ всегда бывало тяжело уѣзжать изъ Петровскаго и чѣмъ болѣе я приближалась къ Арбату, тѣмъ сильнѣе сжималось мое сердце и непріятная дрожь пробирала меня, когда я подъѣзжала къ нашему дому; входя въ его холодныя комнаты, я какъ будто разставалась съ жизнью, съ дневнымъ свѣтомъ, и опускалась во мракъ могилы.

Прасковья Васильевна гостила тогда у Марьи Васильевны, пріѣхавшей родить въ Москву. Болѣзнь ея была продолжительная и опасная и тогда уже мной рѣшительно никто не занимался. Я на свободѣ вы-

думывала и успѣвала подъ разными предлогами отпрашиваться въ Петровское и къ княжнѣ Еленѣ Трубецкой. Одинъ разъ я прогостила у княгини три недѣли, то-то повеселилась! Мы всякій день катались и въ экипажахъ и на лодкѣ, удили рыбу, ходили на скотный дворъ, сами снимали сливки и такъ вкусно завтракали въ саду!

Марья Васильевна, оправившись послѣ родовъ, уѣхала въ Петербургъ, а мы перебрались въ домъ бабушки Прасковьи Михайловны, съ которою жила Прасковья Васильевна со смерти своего отца. Тетка, какъ и прежде, мало занималась мной; я жила бѣзъ горя, но и безъ радости; она не угнетала меня, но и нисколько не заботилась обо мнѣ; хожу, бывало, оборванная, пока мать моя не пришлетъ мнѣ бѣлья и платьевъ.

Прасковья Васильевна была страстная охотница играть въ карты; каждый день въ первомъ часу уѣзжала она въ гости, возвращалась часа въ два ночи, спала до одиннадцати часовъ, передъ отъѣздомъ зайдетъ къ бабушкѣ поздороваться и разсказать, что видѣла, съ кѣмъ играла, а мнѣ задастъ урокъ (съ ней я дошла до французскихъ фразъ, которыя она сама писала мнѣ въ тетрадку), затѣмъ распрощается съ нами, да и была такова до другого дня. Въ молодости своей, она очень много читала, у нея были два огромные шкафа съ книгами; отъ нечего дѣлать, я принялась читать безъ выбора, безъ сознанія.

Вольтеръ, Руссо, Шатобріанъ, Мольеръ, прошли черезъ мои руки. Вѣрно я очень любила процессъ чтенія, потому что, не понимая философскихъ умствованій, я съ жадностью читала отъ доски до доски всякую попавшуюся мнѣ книгу. Мольера я больше всѣхъ

понимала, но не умѣла оцѣнить его; когда же я отъискала Paul et Virginie, да Mariage de Figaro, я чуть съ ума не сошла отъ радости; я плакала навзрыдъ надъ смертію Виргиніи, а во всѣхъ знакомыхъ мальчикахъ искала сходства съ Chérubin. Чтеніе этихъ двухъ книгъ объяснило мнѣ, что есть и веселыя книги, и я перевернула библіотеку верхъ дномъ и дорылась до романовъ г-жи Жанлисъ и г-жи Радклиффъ. Съ какимъ замираніемъ сердца я изучала теорію о привидѣніяхъ, — иногда мнѣ казалось, что и я ихъ вижу— они наводили на меня страхъ, но какой-то пріятный страхъ.

Изъ романовъ г-жи Жанлисъ болѣе всѣхъ я пристрастилась къ Адольфинѣ; я находила сходство между ею и мной — у нея была такая же добрая мать, какъ у меня, и такой же отецъ; очень нравились мнѣ разспросы Адольфины: зачѣмъ Богъ сотворилъ то и то? Одинъ разъ она спросила: «за чѣмъ Богъ далъ намъ глаза?» (она родилась въ подземельи) и спохватясь, продолжала: «знаю, чтобъ плакать!» Въ первомъ письмѣ своемъ къ матери я вклеила эту фразу: «у меня глаза для того только, чтобъ плакать о тебѣ!» Но мнѣ стало совѣстно и я больше не заимствовала фразъ изъ романовъ.

Бабушка Прасковья Михайловна была рѣдкая старушка, просто святая женщина; я съ ней сдружилась какъ съ ровестницей, отъ нея я ничего не скрывала, кромѣ моего чтенія. Въ 12-мъ году она ослѣпла; лишеніе зрѣнія развило въ ней до невѣроятія способность узнавать по голосу, какое чувство волновало говорящаго съ нею; ее невозможно было обмануть ни въ чемъ. Я проводила съ ней цѣлые дни; она учила меня разнымъ молитвамъ, разсказывала мнѣ священ-

ную исторію, лакомила меня, много разспрашивала о Знаменскомъ, о прабабушкѣ, о матери моей; съ ней я пускалась въ откровенности и ея выстрадавшее восьмидесятилѣтнее сердце горячо сочувствовало моему грустному прошедшему. Она научила меня прощать и молиться за обидѣвшихъ насъ, допускала, что я могла любить матушку больше, но должна тоже любить и отца. У нея была готова молитва на всякій случай; разговоръ нашъ, сначала грустный для меня, прерываемый рыданьями, кончался всегда тѣмъ, что она успѣвала укротить меня, успокоить и ободрить. Словомъ, она одна поняла меня и сколько разъ случалось мнѣ слышать, какъ она заступалась за меня! Трудно составить себѣ понятіе о ея кротости, добротѣ, смиреніи и покорности къ промыслу Божію. Она утратила все: родныхъ, богатство, здоровье, зрѣніе, а ни у кого я не видала такой ясной и успокоивающей улыбки, какъ у нея. И говорила-то она, кажется, только для того, чтобы утѣшить, наставить, заступиться и успокоить.

Когда она полагала, что осталась одна въ комнатѣ, то всегда принималась молиться, и какъ она молилась! Если бы мнѣ удалось хоть разъ въ жизни помолиться съ такимъ рвеніемъ и съ такой чистотой, я была бы, кажется, счастлива на всю жизнь.

Бабушку, Прасковью Михайловну, несмотря на ея слѣпоту, невозможно было обмануть. Вотъ одинъ примѣръ правдивости моихъ словъ: какъ-то удалось въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ скрывать отъ нея смерть брата ея, и тѣмъ легче было это сдѣлать, что онъ жилъ въ Петербургѣ, а она въ Москвѣ; ее увѣряли, что отъ него получаются письма, разсказывали, что онъ будто пишетъ то и то, и радовались, что отстра-

нили отъ нея лишнее горе. У бабушки было обыкновеніе, во дни именинъ или рожденья близкихъ ея, заказывать молебны и вынимать части за здравіе. Наканунѣ именинъ покойника, она, какъ и всегда бывало, приказала дѣвушкѣ своей сходить къ ранней обѣднѣ, отслужить молебенъ и принести ей просфору къ тому времени, какъ она проснется. Въ этотъ самый день, бабушка необыкновенно рано позвонила; когда къ ней вошла горничная, бѣдная старушка была вся въ слезахъ и сказала: «Не грѣхъ ли вамъ было такъ долго меня обманывать? я брата видѣла во снѣ и онъ сказалъ мнѣ: полно тебѣ молиться о моемъ здоровьѣ, помолись объ упокоеніи моей души; я умеръ въ такой-то день, въ такомъ-то часу».

Вотъ уже два года, какъ скончалась моя незамѣнимая бабушка; грустно мнѣ, что я не была при ея послѣднихъ минутахъ, не получила ея предсмертнаго благословенія. Ея кончина была кончиной праведницы. Дня два, три, она чувствовала большую слабость, послала за духовникомъ своимъ, умоляла его исповѣдать и пріобщить ее, хотя это было и не во время поста; священникъ конечно согласился, она была всегда готова пріобщаться святыхъ таинъ нашего Спасителя.

Когда священникъ поѣхалъ за запасными Дарами, она собрала въ это время всѣхъ родныхъ, просила у нихъ прощенія, благословила ихъ и простилась съ ними. Всѣ были удивлены, но не встревожены, потому что не находили видимой перемѣны въ ея здоровьѣ. Пріѣхалъ духовникъ, бабушка причастилась, попросила чаю и приказала, чтобы всѣ вышли изъ комнаты, пока чай не подадутъ. Когда чай былъ готовъ — вошли, — но бабушка уже скончалась! Правая рука ея была занесена ко лбу, она не кончила знаменія кре-

ста на землѣ, какъ душа ея, чистая и прекрасная, отлетѣла на небеса. Завидная смерть! и кто изъ насъ не согласится перенести всѣ житейскія испытанія, лишь бы удостоиться такой смерти!

Я душевно о ней горюю, молюсь не за нее, а ее молю: какъ здѣсь она была моей заступницей, такъ, надѣюсь, будетъ и тамъ и вымолитъ мнѣ лучшіе дни.

Съ какимъ чувствомъ повторяю я теперь стихи, которые мы съ Машенькой такъ часто твердили:

«Quoique jeune sur la terre
Je suis déjà solitaire
Parmi ceux de ma saison.
Et quand je dis en moi-même:
Où sont ceux que ton coeur aime?
Je regarde le gazon!»

Я забыла разсказать, какое развлеченіе я находила себѣ въ то время, какъ бабушка дремала. Я сидѣла не шевелясь и вытверживала почти наизусть имена иностранныхъ принцевъ въ календарѣ, отмѣчала крестиками тѣхъ, которые болѣе подходили ко мнѣ по лѣтамъ; начитавшись безъ разбору романовъ и комедій, я возмечтала, что когда-нибудь вдругъ предстанетъ передо мной принцъ — и я тоже сдѣлаюсь принцессой; стыдно признаться, что подобная фантазія занимала меня съ десятилѣтняго возраста до вступленія въ свѣтъ, и когда только я не думала о матери моей, то всей душой предавалась созерцанію моего принца: то представляла его бѣленькимъ, хорошенькимъ, то вдругъ являлся онъ мнѣ грознымъ, страшнымъ, убивалъ всѣхъ, щадилъ меня одну и увозилъ въ свое государство.

Въ половинѣ 1822 года, произошла опять перемѣна въ моей жизни, и не радостная перемѣна. Тетка

Марья Васильевна, лишившись единственнаго сына, выпросила меня у отца взамѣнъ этого ребенка, обѣщаясь замѣнить и мнѣ мать мою! Безсмысленное, пошлое выраженіе! Нѣтъ! никакая любовь не можетъ замѣнить намъ эту привязанность, эту нѣжность, эту предусмотрительность, которыми окружаетъ насъ наша мать. Не понимая всей силы этой святой привязанности, мы чувствуемъ ея благодать, и чѣмъ болѣе узнаемъ людей, чѣмъ глубже входимъ въ жизнь, тѣмъ незамѣнимѣе находимъ любовь матери; одна эта любовь свята, безпредѣльна и безъ примѣси самолюбиваго «я».

Много я плакала, прощаясь съ бабушкой, даже и со всѣми тѣми, которыхъ оставляла въ Москвѣ; я уже свыклась съ этой монотонной, почти уединенной жизнью, всякая перемѣна была бы мнѣ непріятна, эта же просто пугала меня, еще болѣе удаляя отъ матери и отъ всѣхъ ея родныхъ; дѣтское самолюбіе мое тоже страдало; какъ кочующій цыганъ, я не находила постояннаго крова и меня перебрасывали, точно мячикъ, съ одного конца Россіи на другой, а ужаснѣе всего то, что мной распоряжались безъ согласія и даже безъ вѣдома матери.

Противъ Марьи Васильевны я давно была предубѣждена: я знала, что она не любила мою мать и помнила ихъ бывалыя, частыя ссоры за шляпку, за цвѣтокъ, за всякій вздоръ; матушка была жертвой зависти ея; вина-ли ея, что она была и красивѣе, и умнѣе, и любезнѣе, и знатнѣе Марьи Васильевны.

Одинъ изъ братьевъ отца, только-что женившійся на очень милой и умной дѣвушкѣ, взялся довезти меня до Петербурга. Мы ѣхали на почтовыхъ, но дорога была такая ужасная, экипажъ вѣроятно былъ

еще хуже дороги и мы, выѣхавъ изъ Москвы 1 сентября, дотащились до Петербурга 20-го, къ именинамъ отца моей новой тетки.

Петербургъ! Магическое слово! Волшебный городъ, моя обѣтованная земля, мой теперешній рай! Петербургъ,—гдѣ я въ первый разъ полюбила, гдѣ хотѣлабы жить и умереть, какъ мало подѣйствовалъ ты на мое тогдашнее воображеніе! Я испугалась ширины и длины улицъ, огромности домовъ, необъятности площадей; я искренно жалѣла о Москвѣ, а еще больше о Пензѣ.

Новая тетка моя была добрая, образованная женщина и принадлежала къ высшему обществу; она мнѣ очень понравилась; она была такая тихая, кроткая, вѣжливая; большой ростъ ея напоминалъ мнѣ матушку. Я вездѣ отыскивала сходство съ ней; тутъ оно ограничивалось ростомъ, бѣлыми руками и воспитаніемъ.

Она очень ласково обращалась со мной и старалась доставить мнѣ всевозможныя удовольствія, сообразныя съ моими лѣтами: сзывала моихъ ровестницъ къ себѣ, возила меня гулять; одинъ разъ взяла для меня ложу въ балетѣ и такъ привязалась ко мнѣ, что не хотѣла отпускать къ Марьѣ Васильевнѣ и написала къ ней объ этомъ, но та осталась непреклонна и вмѣсто отвѣта прислала мужа своего за мною. Тетка Софья Дмитріевна меня очень ему расхвалила и при мнѣ-же прибавила по-французски: «особенно трогаетъ меня ея привязанность къ матери; она не наговорится о ней и всегда готова плакать при ея имени».

Дядя Николай Сергѣевичъ очень заботился обо мнѣ въ дорогѣ; онъ былъ неразговорчивъ и послѣ

обычныхъ вопросовъ: «не голодна ли ты? не хочется-ли спать?» примется за трубку, промолчитъ до слѣдующей станціи и потомъ возобновитъ тѣ-же вопросы.

Вообще разговоръ, да и самая жизнь дяди была однообразна до приторности. Дядя привезъ меня въ свою Псковскую деревню, въ четырехъ верстахъ отъ Острова. Тамъ былъ домъ каменный, старинный, прекрасной архитектуры, въ родѣ замка съ галереями и пристройками по бокамъ, на покатой, но высокой горѣ; глубокіе овраги по обѣимъ сторонамъ горы вели къ самой Великой, за оврагами прелестныя рощи; садъ былъ маленькій и только-что разводился.

Марья Васильевна принялась сама учить меня, безъ вокабуловъ и французскихъ разговоровъ дѣло не обошлось, а немного спустя она засадила меня переводить статьи изъ Leçons de littérature et de morale par Noël et Chapsal, что было не легкое дѣло: возвышенный языкъ Боссюэта и Массильона меня доводилъ частенько до слезъ.

Она собственноручно написала программу моихъ уроковъ; въ ней заключались: французскій и русскій языки, исторія, географія, миѳологія и музыка.

Съ французскимъ языкомъ Марья Васильевна умудрилась, какъ я уже объяснила; русскій языкъ, рѣшила она, и безъ того придетъ, нечего за нимъ время терять. Исторію лучше всего изучать по трагедіямъ, это занимательнѣе; для географіи я оказалась слишкомъ молода, и вотъ, все стараніе было приложено къ изученію миѳологіи, которую она особенно любила и изъ которой я всякій день выучивала по двѣ страницы наизусть. Трагедіи Расина, Корнеля и Вольтера не очень интересовали меня, и не мудрено! Не зная, кто были дѣйствующія лица, и не понимая,

за что́ они ссорятся, воюютъ, я иногда просила истолкованія у тетки, но сама она получила очень поверхностное воспитаніе и вопросы мои приводили ее въ смущеніе, она заминалась и отдѣлывалась этой обычной фразой: «когда ты будешь побольше, то сама все поймешь, не надо безпокоить вопросами старшихъ, неучтиво; а главное, ты этимъ показываешь, какая ты непонятливая; напротивъ, дѣлай видъ, что ты все знаешь».

Когда же, думала я, пойму я совершенно, кто были Эсеирь, Эдипъ, Андромаха, Заира; когда они родились, гдѣ жили, далеко ли отъ Россіи? и я возненавидѣла трагедіи, гдѣ люди являлись всегда вооруженными, злыми, убивали другъ друга, да и женщины были не лучше ихъ. Для меня сдѣлалось сущимъ наказаніемъ чтеніе вслухъ трагедій—и можно себѣ представить, какое я извлекла понятіе изъ нихъ объ исторіи.

Съ музыкой поступлено было тоже по единственной въ своемъ родѣ методѣ, собственнаго изобрѣтенія Марьи Васильевны. Сначала она выучила меня, какъ называются клавиши, потомъ кое-какъ растолковала ноты, не говоря, что́ есть четверти, восьмыя, бѣлыя, не объясняя, что такое пауза, дискантъ, басъ, тонъ, и все показывала съ рукъ и кое-какъ толковала, что *ре* на средней октавѣ пишется такъ, на нижней такъ, — кончалось всегда любимой фразой: «все это само собой придетъ, разбирай только побольше, такъ и привыкнешь читать ноты какъ книгу». Не имѣя ни малѣйшаго понятія о теоріи музыки, никогда я не видала и не трудилась надъ гаммами, а прямо засадили меня за пьесы Штейбельта и Фильда; мало кто повѣритъ истинѣ моихъ словъ, а оно было по несчастію такъ. На бѣду мою, я пристрастилась къ

музыкѣ, по четыре часа въ день занималась сю, но должна признаться, что никогда и никто не узналъ, что́ я барабаню, слышалось что-то такое знакомое, но изъ рукъ вонъ безобразное.

Когда же мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, отецъ взялъ мнѣ извѣстнаго Рейнгардта, для усовершенствованія меня въ музыкѣ. Онъ, бѣдный, бился со мною мѣсяцевъ пять, ему не пришло на умъ спросить меня о теоріи, потому что по навыку я бѣгло разбирала, бойко играла, прилежно твердила заданный урокъ, а выходило все не то, и Рейнгардтъ очень добросовѣстно поступилъ—отказался. Марья Васильевна меня же разбранила, а я, несчастная, по шести часовъ въ день просиживала за фортепьяно; это меня совершенно обезкуражило, музыка мнѣ опротивѣла, а отецъ и тетка все еще принуждали меня играть по цѣлымъ часамъ.

Мнѣ уже было лѣтъ двадцать, когда одинъ музыкантъ, полякъ, растолковалъ мнѣ, что въ музыкѣ моей не достаетъ самаго начала; я плакала, тужила о своемъ безалаберномъ воспитаніи, о потерянномъ времени, а духу не достало приняться серьезно за дѣло и я навсегда бросила музыку.—О! если у меня когда-нибудь будутъ дѣти, какъ я буду ими заниматься, сама буду учиться, лишь-бы имъ быть полезной. Я гдѣ-то читала, что, по бо́льшей части, должно поступать съ дѣтьми иначе, чѣмъ съ нами поступали, и нахожу, что это неоспоримая истина. И вотъ образчикъ воспитанія даннаго мнѣ Марьей Васильевной; а какъ она имъ гордилась, ежедневно колола мнѣ имъ глаза, приговаривая: «ну, что́-бы изъ тебя вышло безъ меня, всѣмъ ты мнѣ обязана, безъ меня ты-бы пропала, какъ былинка въ полѣ».

Я съ этимъ никогда не соглашалась и была увѣрена, что безъ ея вмѣшательства я была-бы гораздо лучше.

Мѣсяца черезъ три по пріѣздѣ моемъ къ теткѣ, дядя долженъ былъ ѣхать на выборы въ Псковъ. Меня отвезли въ Псковскую деревню, къ его дядѣ.

Марья Васильевна постаралась представить мнѣ этого старика какимъ-то пугаломъ, а сестру мужа своего, жившую у дяди, самой злой и капризной дѣвушкой. Съ замираніемъ сердца пріѣхала я къ нимъ и такъ была напугана теткой, что даже плакала объ ея отъѣздѣ. Ей вѣрно этого и хотѣлось. Что́-же вышло? Старикъ ласкалъ меня и баловалъ, какъ родную внучку, а добрая Юлія только и думала, какъ бы меня занять и полакомить.

Несмотря на доброе расположеніе ко мнѣ этого дяди, Алексѣя Андреевича Б—ва, я его очень боялась; онъ такой былъ сердитый съ людьми, за малѣйшую вещь колотилъ ихъ своей палкой, и тутъ же въ своей комнатѣ приказывалъ сѣчь виноватаго; если товарищъ наказаннаго не сильные давалъ удары, такъ и его сѣкли, чтобъ слѣпо исполнялъ барское приказаніе.

Ему услуживалъ болѣе всѣхъ его старый камердинеръ; не знаю почему, всѣ его величали бароцомъ, и первой забавой Алексѣя Андреевича было придираться къ барону и находить его виноватымъ въ одно время съ его сыномъ, десятилѣтнимъ мальчикомъ, и смотря по объему вины, ставилъ ихъ обоихъ въ уголъ, или на колѣни посреди комнаты, или привязывалъ веревкой къ стулу; наказанный мальчишка смѣялся, а отецъ горько плакалъ, ворча про себя: «вотъ до чего дожилъ!... съ сынишкой наказываютъ одинаково... ужъ лучше бы прибили меня!»

Алексѣй Андреевичъ былъ тогда неизлѣчимо боленъ; у него былъ ракъ на брови, обвязанное и покрытое пластырями лицо его приводило меня въ трепетъ, а онъ такъ привязался ко мнѣ, что почти не отпускалъ отъ себя и все ворчалъ на бѣдную тетку мою, Ульяну Сергѣевну Б—ву, за меня.

Обѣ мы не могли долго высиживать въ его комнатѣ, запахъ отъ раны, пластырей и мазей былъ нестерпимъ, къ тому же онъ имѣлъ странную привычку собирать всѣ сальные огарки въ селѣ и жадно слѣдилъ, какъ они догорая то тухли, то вспыхивали; чадъ такъ и душилъ насъ, и мы съ Ульяной Сергѣевной подъ разными предлогами спасались въ нашу комнату.

Юлія выучила меня вышивать по канвѣ, выметывать городки, дарила мнѣ разныя бездѣлицы, а главное, разспрашивала меня о моихъ милыхъ пензенскихъ друзьяхъ.

Марья Васильевна, возвратившись, удивилась и кажется непріятно удивилась, найдя меня съ старымъ дядей и съ Юліей какъ съ самыми близкими и дорогими родными; никакъ не хотѣла вѣрить, что мнѣ съ ними было весело и бранила меня, что я всякую дрянь готова любить, когда первая моя обязанность — любить ее одну. Юлія подарила мнѣ при разставаніи les Veillées du Château и Robinson Crusoé, единственныя книги, бывшія въ моемъ распоряженіи до шестнадцати лѣтъ.

Мы прожили четыре года въ деревнѣ, и мнѣ ни разу не случалось видѣть дѣвочки моихъ лѣтъ; сосѣдки наши были или взрослыя дѣвушки, или крошки пяти или шести лѣтъ; съ ними мнѣ было скучно, а съ первыми не позволялось долго бесѣдовать.

Въ 1823 году, весной, получила я извѣстіе о кончинѣ прабабушки; вскорѣ послѣ нея скончался и дѣдушка, князь Сергій Васильевичъ Долгорукій [1]); я еще больше грустила объ одиночествѣ матери моей. Въ концѣ года умеръ и Алексѣй Андреевичъ Б—въ.

Юлія переѣхала жить къ намъ, но много натерпѣлась она отъ своей невѣстки. Года полтора прожила она съ нами и наконецъ разсталась навсегда и съ ней и съ братомъ.

Какъ мнѣ доставалось за привязанность мою къ ней! Марья Васильевна, сознавая, что я не могла любить ее самую, не терпѣла, чтобъ я и другихъ любила; она, до самаго вступленія моего въ свѣтъ, никогда не доставляла мнѣ случая не только сближаться, но даже и видѣться съ ровесницами, говоря, что «этимъ сохраняетъ чистоту моей души».

Послѣ ея разрыва съ Юліей, мнѣ всего разъ привелось ее встрѣтить; какъ я ей обрадовалась; я ее еще больше прежняго полюбила; я смотрѣла на нее, какъ на товарища гоненія, несправедливости и ежедневныхъ придирокъ, которыми Марья Васильевна щедро осыпала всѣхъ, зависящихъ отъ нея.

Въ 1826 г., дядя мой Николай Сергѣевичъ Б—шевъ, какъ Островской предводитель дворянства, долженъ былъ по случаю коронаціи давать обѣды и балы; тетка хотѣла блеснуть своимъ и моимъ туалетами, и нарядила меня бѣдную, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, въ тюлевое платье, вышитое голубой синелью, бусами и шелкомъ съ букетами незабудокъ кругомъ; я была въ восхищеніи, не понимая какой смѣшной мог-

[1]) Родной дяди Анастасіи Павловны С—вой, матери составительницы записокъ.

ли найти меня всѣ здравомыслящіе люди, но таковыхъ не оказалось!... Другое мое платье было бѣлое дымковое, вышитое серебромъ и пунцовой синелью; словомъ, я донашивала залежалыя платья изъ ея приданаго.

Дорожный мой туалетъ былъ тоже очень оригиналенъ: у меня никогда до совершеннолѣтія не было манто, а мѣсто его исправлялъ тулупчикъ дядинъ на бѣлыхъ мерлушкахъ, ноги укутывались шалью и мериносовая шапочка на ватѣ довершала мой костюмъ.

Въ этотъ самый годъ поселился въ семи верстахъ отъ насъ одинъ молодой сосѣдъ, только-что вышедшій въ отставку изъ гвардіи. Какъ ни былъ онъ уродливъ собой и высокопаренъ въ разговорѣ, онъ обратилъ на себя мое вниманіе тѣмъ, что занимался мною исключительно; на балахъ для коронаціи просто ухаживалъ за мной и одинъ разъ, вмѣсто конфетнаго билетика, подалъ мнѣ мелко исписанное четверостишіе; я такъ перепугалась, что не прочтя его, разорвала на мелкіе куски при немъ-же. Это ухаживаніе льстило моему самолюбію, вѣрно потому только, что оно было самое первое; онъ танцовалъ со мной одной, чего прежде не дѣлалъ ни одинъ изъ порядочныхъ кавалеровъ, потому что я танцовать не умѣла, да и съ тактомъ была въ совершенномъ разладѣ. Вслѣдствіе всего этого, я начала призадумываться о молодомъ сосѣдѣ; когда-же мы собрались ѣхать въ Петербургъ и онъ провожалъ насъ до первой станціи, и съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ и слезами на глазахъ, сдѣлалъ мнѣ формальное предложеніе, я отвѣчала, что «я еще молода, но.... никогда не забуду его.... и..... со временемъ...»

Въ скоромъ времени мы переселились въ Петер-

бургъ; по неотступнымъ просьбамъ жены своей, дядя вступилъ въ гражданскую службу.

Марья Васильевна урывками продолжала заниматься со мною и я не знаю что́-бы изъ меня вышло, если бы кто-то изъ нашихъ знакомыхъ или родныхъ не надоумилъ ее взять мнѣ гувернантку. Къ счастію моему напали на добрую, образованную и добросовѣстную воспитательницу, мою милую Авдотью Ивановну Ѳомину [1]).

Она серьезно испугалась моему невѣжеству, растолковала мнѣ, какъ необходимо имѣть понятіе о многомъ, и съ утра до ночи занималась мною. Ея метода, а еще болѣе ея ласковое, учтивое и дружеское обращеніе со мною, ея искреннее участіе ко мнѣ, много способствовали моимъ успѣхамъ и моему развитію. Она неусыпно старалась выказывать меня со всѣхъ лучшихъ сторонъ; поворчитъ, бывало, когда мы съ ней наединѣ, но при третьемъ лицѣ всегда меня выхваляла и поощряла. Ея игривое воображеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокій умъ, начитанность, пылкое и ребячески-доброе сердце, имѣли благодѣтельное вліяніе на меня, и заглядывая въ прошедшее, я съ благодарностію и умиленіемъ сознаюсь, что ей одной я обязана тѣмъ, что поняла, чего недоставало мнѣ, и принялась заниматься серьезнымъ чтеніемъ, выписками изъ прочитываемыхъ книгъ, переводами, экстрактами. Да, слишкомъ много сдѣлала она для меня въ два съ половиной года, которые прожила у насъ. Она посовѣтовала мнѣ писать мой журналъ, сначала поправляла его, а потомъ я уже и не показывала его ей, и дала полную волю своей фантазіи. Сколько въ немъ было изліяній къ матушкѣ и бреду къ принцу-невидимкѣ!

[1]) Умерла около 1863 года въ Петербургѣ.

Отецъ мой тоже переселился въ Петербургъ; изъ Москвы онъ съѣздилъ въ Пензу, взялъ Лизу отъ матери и бабушки, хотѣлъ ее навязать Марьѣ Васильевнѣ, но та, по счастію, отозвалась, что устарѣла воспитывать дѣтей, и Лизу отдали въ Смольный монастырь, и потому ея воспитаніе по крайней мѣрѣ имѣло болѣе толку, чѣмъ мое.

Дядя и тетка жили открыто, но скучно: проживали много денегъ, но безъ удовольствія для себя и для другихъ. У нихъ было человѣкъ пятнадцать родныхъ и habitués, которые ежедневно могли являться къ обѣду, но въ числѣ ихъ не было ни одного замѣчательнаго лица, ни по уму, ни по образованію, ни по имени, ни даже по значенію въ свѣтѣ.

Карты были ихъ ежедневное занятіе; съ самаго обѣда до поздней ночи только и раздавались въ гостиной слова: «черви козыри, пять леве, вамъ сдавать», и т. д.

Безъ моего милаго дяди Николая Васильевича С—ва, который своей живостью, своимъ умомъ и неутомимой болтовней оживлялъ нашъ домъ, была бы нестерпимая скука мнѣ.

Дядя Николай Сергѣевичъ былъ также очень добръ ко мнѣ, и вотъ уже четырнадцать лѣтъ какъ я живу въ его домѣ и не слыхала отъ него грубаго слова, но также и не слыхала задушевнаго. Я увѣрена, что еслибы онъ не совершенно поддался подъ власть жены, то жизнь моя въ его домѣ была-бы не такъ невыносима. Онъ не смѣлъ ей противорѣчить ни въ одномъ словѣ; она распоряжалась всѣмъ—начиная съ него самого; чтобъ оставить ему призракъ власти, ему позволялось хранить деньги у себя, но давать ей полный отчетъ въ нихъ. Между собой они жили согласно, да иначе и

быть не могло, онъ во всемъ уступалъ ей; иногда-же, когда она совершенно выведетъ его изъ терпѣнія, онъ частенькими шагами выбѣжитъ изъ комнаты, захлопнетъ дверь за собой, уйдетъ въ кабинетъ и начнетъ раскладывать grand' patience.

Ни у кого я не видывала такой страсти къ этому занятію. Въ деревнѣ это было его единственное препровожденіе времени. Въ Петербургѣ, все время, свободное отъ службы, онъ посвящалъ раскладыванію картъ; при гостяхъ даже, подъ предлогомъ занятій, уединится въ кабинетъ, вынетъ изъ бюро завѣтную колоду и углубится въ симметрическое раскладываніе круговъ, четвероугольниковъ, пирамидъ изъ этихъ росписныхъ картинокъ, изобрѣтенныхъ для развлеченія помѣшаннаго Карла VI, а какъ подумаешь, сколько умныхъ людей пристрастились къ этимъ картинкамъ, такъ стыдно станетъ за нихъ.

Да, рѣдко встрѣтишь человѣка, котораго жизнь была-бы скучнѣе и монотоннѣе жизни Николая Сергѣевича. Говорятъ, по дѣламъ службы онъ былъ смышленый и способный человѣкъ, но мнѣ ни разу не случилось, въ теченіи столькихъ годовъ, замѣтить въ немъ ни проблеска ума, ни твердости характера. Добротою своею онъ иногда меня трогалъ, но къ чему ведетъ одна доброта безъ дѣйствій, безъ воли, безъ смысла! Видитъ, бывало, какъ несправедлива ко мнѣ Марья Васильевна, хотѣлъ-бы заступиться, да духу не хватаетъ, украдкой поцалуетъ меня, пожметъ руку, вытретъ слезу себѣ да мнѣ, скажетъ, что «Богъ милостивъ, все пройдетъ», да и только. Одинъ изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ написалъ на него слѣдующее четверостишіе:

«Я не люблю тебя, мой добрый человѣкъ,
«Хоть не за что тебя за то возненавидѣть:
«Что безъ добра и зла течетъ твой скучный вѣкъ
«И мухи съ умысломъ не можешь ты обидѣть».

Въ началѣ января 1828 года, дядю послали по службѣ въ Курскую губернію; теткѣ вздумалось ѣхать съ нимъ до Москвы и прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ; разумѣется, такъ все и сладилось. Матушка, узнавъ, что я такъ близко отъ нея, написала Маріѣ Васильевнѣ самое трогательное письмо и просила позволенія пріѣхать повидаться со мной. Ей дали это позволеніе и она, несмотря на тяжкую свою болѣзнь, собралась съ послѣдними силами и въ началѣ февраля пріѣхала ко мнѣ.

Никакое перо не можетъ выразить того счастія, которое преисполнило мое сердце, когда я бросилась въ ея объятія, послѣ семилѣтней разлуки!

Я не съумѣю говорить складно объ этихъ двухъ мѣсяцахъ, проведенныхъ съ нею; слезы душатъ меня, невольно падаютъ изъ глазъ и смываютъ то, что я пишу.

Я перешла жить въ ея комнату, мы ни на минуту не разлучались, мало спали по ночамъ—все говорили и не могли наговориться. Матушка очень измѣнилась; я ее оставила молодую, цвѣтущую, прекрасную и свидѣлась съ ней больной, изнуренной, состарѣвшейся; горе взяло свое! Отъ аневризма у нея было такое біеніе сердца и всѣхъ жилъ въ груди, что послѣдніе четыре года своей жизни она уже и не пробовала ложиться въ постель, а спала въ креслахъ сидя, а иногда даже стоя дремала въ уголку, опираясь на спинку стула. Чего не перенесла бѣдная моя мать, физически и морально, страшно подумать!

Тутъ я должна отдать справедливость теткамъ: онѣ неожиданно хорошо обходились съ ней; вѣрно видя ее такою слабою, больною, почти на краю гроба, онѣ не могли не упрекнуть себя, тѣмъ, что очень способствовали къ разрушенію счастья и здоровья этой несчастнѣйшей изъ женщинъ. Марья Васильевна взяла даже съ нее слово лѣтомъ пріѣхать къ ней въ ея псковскую деревню и поселиться тамъ навсегда.

Матушка была истинной христіанкой, простила врагамъ своимъ, смирилась предъ ними, и для меня приняла это предложеніе; какъ ни тяжело, вѣроятно, было оно для нея, но для материнской любви нѣтъ довольно жертвъ на землѣ.

Было рѣшено, что она по послѣднему пути возвратится въ Пензу, устроитъ всѣ дѣла свои, продастъ лишнее и въ іюнѣ пріѣдетъ прямо въ деревню. О, какъ радовалась я этой блаженной будущности, сколько плановъ составляли мы вмѣстѣ; «наконецъ-то судьба сжалилась надъ нами и улыбается намъ», говорили мы.

Матушка часто возила меня къ своимъ роднымъ; на одномъ обѣдѣ у кузины, графини А., я очень понравилась какому-то старому генералу; мнѣ еще не было шестнадцати лѣтъ, а ему было около шестидесяти. Онъ поручилъ кузинѣ поговорить о немъ съ матушкой и просить моей руки. Она посмѣялась и отказала на-отрѣзъ, какъ ни умоляла я ее согласиться поскорѣе, какъ на вѣрнѣйшій способъ не разлучаться съ ней и не быть больше ничѣмъ обязанной теткѣ; я не разсказывала ей однакоже, какъ дорого приходилось всѣмъ расплачиваться за ея благодѣянія.

— Да вѣдь ты его не любишь и не можешь любить.

— Я люблю тебя одну, отвѣчала я, и никого не

буду такъ любить; я буду счастлива съ нимъ, лишь бы онъ не разлучалъ меня съ тобою.

— «Мнѣ не долго остается жить, — проговорила она сквозь слезы, — зачѣмъ губить твою жизнь, твою молодость для нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и недѣль? Я рѣшительно ему откажу и прошу тебя, если и меня не станетъ, хорошенько обдумать, прежде чѣмъ рѣшиться на такой трудный шагъ въ жизни. Замужъ выйти легко, но и ошибиться въ выборѣ еще легче и тогда ты будешь несчастна до послѣдняго дня жизни».

Матери моей не трудно было меня убѣдить; я ей во всемъ слѣпо вѣрила; мы даже сговорились и не упоминать теткамъ о сватовствѣ генерала, чтобъ онѣ не нашли партію выгодною и не закабалили бы меня.

Снѣгъ сталъ сходить, а матушка сбираться въ дорогу. Горько, очень горько было мнѣ, но надежда на скорое свиданье свѣтила мнѣ яркимъ заревомъ, а іюнь мѣсяцъ, казалось, былъ такъ недалекъ!

Мы провели вмѣстѣ день моего рожденья, а на другой день она уѣхала..... Въ тотъ-же вечеръ я слегла въ постель; у меня сдѣлалась горячка съ сильнымъ бредомъ; въ жару я вскакивала съ постели и рвалась, чтобъ бѣжать въ ея комнату. Болѣзнь придавала мнѣ необыкновенную физическую силу—двѣ дѣвушки едва могли меня удержать; когда бредъ проходилъ, я впадала въ такое безсиліе, что не могла пошевелить рукой; въ глазахъ у меня мелькали то великаны, то карлики, одни дразнили меня, другіе душили и мнѣ становилось страшно, страшно; однако-же, по несчастію, я скоро оправилась.

Княгиня Варвара Юрьевна въ это-же время опасно заболѣла; я умоляла, чтобъ меня пустили къ ней,— мнѣ отказали. Наконецъ она скончалась; я опять про-

силась на похороны п — опять меня не пустили; я все настаивала на своемъ и наконецъ добилась позволенія. Я пріѣхала къ князю Юрію Владиміровичу именно въ тотъ день, какъ онъ раздавалъ всей роднѣ вещи покойницы и даже многимъ родственникамъ записалъ имѣнія. Онъ разбранилъ меня, что я не была отдать ей послѣдній долгъ, «а теперь, прибавилъ онъ, вотъ и явилась, какъ-бы не такъ!!!»

Мнѣ больно было слышать эти незаслуженные упреки. Когда же я, возвратясь домой, разсказала все теткамъ, онѣ тоже стали надо мной подсмѣиваться, говоря, что: «очень рады, что сіятельная родня такъ со мною обошлась и что я всегда и всѣмъ буду обязана только имъ».

Наконецъ насталъ май мѣсяцъ; мы стали сбираться въ деревню; я не помнила себя отъ радости, спѣшила отъѣздомъ, написала матушкѣ радостное, восторженное письмо и, вмѣсто ея отвѣта, получила извѣстіе о ея кончинѣ отъ дальней родственницы ея, но очень близкой ей по сердцу, Прасковьи Юрьевны Кологривовой.

Бываютъ такія минуты въ жизни, что удивляешься, какъ могла ихъ пережить и какъ не разорвалось сердце отъ горя и отчаянья!

Въ 1828 году, матушка скончалась 14-го мая, въ самый Духовъ день, въ деревнѣ Варвары Юрьевны Корчаковой. Я же въ этотъ самый день была на гуляньѣ на Прѣсненскихъ прудахъ, разряженная и веселая, а говорятъ, что есть предчувствіе!

Жизнь матери моей пресѣклась въ одну минуту: она собралась идти къ обѣднѣ, но почувствовала головокруженіе, попросила Прасковью Юрьевну не дожидаться ея и мимоходомъ приказать подать ей стаканъ

воды; когда же принесли воду, душа ея уже отлетѣла въ лучшій міръ.

Странно родилась бѣдная моя мать. Бабушка моя такъ страдала передъ тѣмъ, чтобъ разрѣшиться, что впала въ летаргію; три или четыре дня ее и младенца ея считали мертвыми; день, назначенный для похоронъ, наступилъ, она лежала уже въ гробу, ждали духовенство, псаломщикъ читалъ псалтырь, какъ вдругъ столъ подломился и гробъ упалъ; отъ сотрясенія бабушка очнулась и тутъ же въ гробу родила бѣдную мою мать; и точно, жизнь, начавшаяся такимъ ужаснымъ образомъ, тяготила ее до послѣдней минуты. Жизнь эту можно разсказать въ немногихъ словахъ: родилась въ гробу, пострадала весь свой вѣкъ и скончалась въ чужомъ домѣ, не имѣя никого изъ ближнихъ подлѣ себя, даже горничной своей, которая приняла бы ея послѣдній вздохъ, передала бы мнѣ ея послѣднее слово!

III.

Первый выѣздъ на балъ. — Выѣзды и успѣхи въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. — Поклонники. — Поѣздка въ Москву и пребываніе у другой тетки.

1828 — 1830.

J'ai longtems aimé notre monde,
Mon âme en tendresse profonde
Débordait sur tout l'univers,
Mais la froideur et l'ironie
L'ont refoulu et l'ont ternie.
Blanvallet.

По возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ, дядя Николай Васильевичъ позаботился оживить нашъ домъ. Мнѣ уже минуло шестнадцать лѣтъ, рѣшено было зи-

мой вывозить меня въ свѣтъ, и дядя сталъ изрѣдка приглашать къ намъ своихъ пріятелей и сослуживцевъ, которые всѣ принадлежали къ высшему кругу общества, но мнѣ не было весело съ ними: я черезъ-чуръ была дика и молчалива; сверхъ того, въ первой молодости нами овладѣваетъ какое-то непонятное чувство: это увѣренность, что всѣ глаза обращены на насъ, — а въ сущности никто и не замѣчаетъ насъ. Эта глупая, ни на чемъ неоснованная увѣренность такъ и охватываетъ васъ робостью и неловкостью, и чѣмъ болѣе хочешь поправиться, казаться смѣлымъ, тѣмъ болѣе запутываешься въ словахъ и даже не знаешь, куда руки дѣть;—такъ по крайней мѣрѣ бывало со мной, — но свѣтъ слишкомъ скоро научитъ и ловкости и находчивости.

Первый мой выѣздъ былъ на балъ къ Хвостовымъ. И теперь еще не могу безъ трепета вспомнить, какъ замирало мое бѣдное сердце во весь этотъ памятный для меня день, 1-го января 1829 года. Я провела его глядясь въ зеркало и любуясь первымъ своимъ бальнымъ нарядомъ; платье мое было бѣлое кисейное, обложенное сверхъ рубца à la grecque изъ узенькихъ атласныхъ руло, и съ огромнымъ бантомъ на груди; мнѣ казалось, что никто не могъ быть наряднѣе меня.

Войдя въ ярко освѣщенную залу, у меня потемнѣло въ глазахъ, зазвенѣло въ ушахъ; я вся дрожала. Хозяйка и дочь ея, старались ободрить меня своимъ ласковымъ пріемомъ и вниманіемъ. Когда же я усѣлась и окинула взоромъ залу, я готова была хоть сейчасъ уѣхать домой и даже съ радостью, я не знала ни одной изъ дамъ и изъ дѣвушекъ, а изъ знакомыхъ мужчинъ былъ только одинъ. «Протанцую, думала я, одинъ только танецъ, не промолвлю ни словечка, вотъ

и останется мнѣ лестное воспоминаніе о моемъ первомъ балѣ». Но боязнь эта скоро исчезла, дамы и дѣвушки заговорили со мной первыя (тогда еще не существовала въ свѣтѣ претензія говорить и танцовать только съ представленнымъ лицомъ), а кавалеры безпрестанно подбѣгали, расшаркивались и говорили: «la première, la seconde, la troisième contredanse». Добрый мой дядя, Николай, какъ нянька ухаживалъ за мною и радовался моимъ успѣхамъ. Первое мое явленіе въ свѣтъ было блистательно, меня замѣтили и не забыли. Всегда буду и я помнить, какъ единственный мой знакомый В. на этомъ балѣ, танцуя со мною кадриль, спросилъ меня: «танцуете вы мазурку?»—«Конечно», отвѣчала я отрывисто, обидясь, что онъ освѣдомляется, умѣю-ли я ее танцовать. Что же вышло? Заиграли мазурку, всѣ усѣлись попарно, а у меня нѣтъ кавалера; знакомый мой взбѣсился, подлетѣлъ ко мнѣ, говоря: «какъ же вы мнѣ сказали, что танцуете мазурку?»

— Да, отвѣчала я.

— Гдѣ же вашъ кавалеръ?

— Меня никто не позвалъ.

— Я звалъ васъ, а вы сказали, что танцуете.

— Ахъ, Боже мой, я сказала вамъ правду. Я умѣю танцовать мазурку!

Тутъ всѣ, окружающіе насъ, расхохотались. Восхищеніямъ моей наивности не было конца, и это было верхомъ моего тріумфа на этотъ вечеръ. У В. была уже дама и онъ подвелъ ко мнѣ сына хозяйки дома, который съ этой же минуты сдѣлался однимъ изъ пламенныхъ и вѣрнѣйшихъ моихъ обожателей[1]).

[1]) Это былъ А. В. Хвостовъ, который десять лѣтъ спустя и женился на составительницѣ записокъ.

2-е января тоже памятно для меня. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ habitués, Н. К., уѣзжалъ на турецкую войну, пришелъ къ намъ проститься и принесъ мнѣ прощальные стихи, первые въ моей жизни, написанные для меня. Я взяла ихъ съ трепетомъ, который можно было бы ощутить только при первомъ изъясненіи въ любви. Вотъ они, въ сущности очень слабые, плохіе, но не менѣе того заставившіе такъ самодовольно биться мое сердце при чтеніи ихъ:

Прости, цвѣточекъ молодой,
Прости, цвѣточекъ нѣжный, милый,
Хранимый небомъ и судьбой,
Цвѣти подъ сѣнію родной.
Прости! мое шумитъ вѣтрило
И мчится безпріютный челнъ,
Надеждъ коварное свѣтило
Едва мнѣ свѣтитъ, — грусти полнъ,
Я оставляю градъ чужбины,
Гдѣ молодость мою сгубилъ,
Гдѣ сердце съ счастьемъ схоронилъ!
Мнѣ въ путь ни сердца вздохъ единый
Не полетитъ; — слеза любви
Не канетъ въ горести унылой;
Хоть ты, цвѣточекъ нѣжно-милый,
Хоть ты мой путь благослови!

Конечно, единственное достоинство этихъ стиховъ заключалось только въ томъ, что они были посвящены мнѣ, мысль и даже риѳмы выкрадены изъ Пушкина — но несмотря ни на что это, они меня такъ внезапно расположили къ К., что я не на шутку грустила о немъ; сколько разъ со слезами молилась я за него, съ какой жадностью читала донесенія изъ Турціи, и, можетъ быть, успѣла бы увѣриться въ любви моей къ нему, если бы не проповѣди и не насмѣшки надо мною дяди Николая, отъ котораго ничто не скрывалось; а еще болѣе ежедневные балы, ухаживанье за

мною лучшихъ кавалеровъ не были противуядіемъ этой романической грусти.

Въ концѣ января, дядю Николая Сергѣевича откомандировали въ Витебскую губернію производить слѣдствіе объ убіеніи жидами христіанскаго ребенка; тетка до масляницы осталась въ Петербургѣ, а на первой недѣлѣ великаго поста отвезла меня съ Авдотьей Ивановной Ѳоминой въ деревню, сама же отправилась къ мужу.

Трудно представить себѣ рѣзкій переходъ отъ самой разсѣянной жизни, къ бесѣдѣ глазъ на глазъ съ Авдотьей Ивановной. Намъ строго было запрещено ѣздить къ сосѣдямъ и принимать ихъ у себя. Нѣмецъ-управитель съ женой, да капельмейстеръ полякъ, по воскресеньямъ приходили обѣдать къ намъ. Такое общество удвоивало мою скуку, а не разгоняло ее; къ тому-же у меня такъ болѣли глаза, что я не могла ни читать, ни писать.

Изрѣдка получаемыя письма изъ Петербурга перечитывались мною безпрестанно до полученія новаго письма, и тогда рой воспоминаній о раззолоченныхъ залахъ, чудныхъ кавалергардахъ, блестящихъ нарядахъ, возставалъ передо мной и томилъ меня сожалѣніями.

Въ іюлѣ, Марья Васильевна возвратилась изъ Велижа для празднованія своихъ именинъ. Этотъ день былъ эпохой во всей нашей губерніи. За три и даже за четыре дня до праздника, съѣзжались гости изъ Пскова, изъ другихъ уѣздовъ, и дальніе сосѣди, иногда ихъ набиралось до сорока человѣкъ; всѣмъ отводились квартиры: кого помѣстятъ во флигелѣ, кого въ оранжереѣ, банѣ; самыхъ важныхъ въ домѣ, молодыхъ дѣвушекъ въ моей комнатѣ на диванахъ, на кроватяхъ

и даже на полу; молодыхъ людей въ повалку въ танцовальной залѣ. Во все время пребыванія гостей, я должна была вставать рано, часовъ въ шесть, обойти всѣхъ дамъ по разнымъ ихъ спальнямъ, увѣриться, хорошъ ли имъ подали чай и кофе, а съ девяти часовъ предсѣдательствовать за чайнымъ столомъ въ гостинной. Распиваніе чая и кофе продолжалось часовъ до двѣнадцати; потомъ, всѣ гурьбой переходили въ столовую и принимались плотно завтракать. Никогда я не видѣла такихъ огромныхъ аппетитовъ, какъ у псковичей—у нихъ будто были запасные желудки для чужой ѣды.

Мужъ Марьи Васильевны, гдѣ бы онъ ни былъ, всегда отпрашивался въ отпускъ ко дню ея имянинъ и въ этотъ годъ прискакалъ изъ Велижа только на трое сутокъ. Торжественный этотъ день начинался поздравленіемъ хора музыкантовъ и, несмотря на несогласные звуки, растроганная помѣщица плакала отъ умиленія и удивленія къ таланту своихъ подданныхъ.

Съ двѣнадцати часовъ наѣзжали ближайшіе сосѣди. Въ четыре часа садились за обѣдъ въ садовой галлереѣ, уставленной цвѣтами, увѣшанной гирляндами, а на главной стѣнѣ красовался, сплетенный тоже изъ цвѣтовъ, вензель виновницы торжества; обѣденный столъ, для пущей важности, былъ накрытъ покоемъ, уставленъ фруктами въ вазахъ и ананасами въ горшкахъ; фигурное пирожное красовалось по срединѣ стола, а цвѣты и листочки розъ были разбросаны по всей скатерти. Музыка гремѣла, вилки и ножи бряцали, мужчины кричали, барыни помалчивали, а барышни шептались; въ критическую же минуту, когда пробки шампанскаго ударяли въ потолокъ, музыканты играли тушъ, управляющій выскакивалъ изъ-за стола къ две-

рямъ, махалъ носовымъ клѣтчатымъ платкомъ и раздавался залпъ четырехъ пушекъ; сосѣдки, въ ожиданіи этой минуты, затыкали себѣ уши заранѣе приготовленной хлопчатой бумагой, двѣ же менѣе храбрыя прятались подъ столъ.

Всякій годъ повторялось одно и тоже, но восторги сосѣдокъ не истощались и многія изъ нихъ, бѣдненькія, жили только воспоминаніемъ и ожиданіемъ этого дня. Дядя, пріѣзжая въ деревню передъ этимъ праздникомъ, обыкновенно запирался въ кабинетъ, для совѣщанія съ управителемъ, дворецкимъ и поварами, какой изготовить обѣдъ. Несмотря на долгія совѣщанія, нѣсколько лѣтъ съ ряду все была одна программа удовольствій и яствъ; онъ могъ бы поступить, какъ одна изъ моихъ родственницъ: аккуратно всякій день утромъ призывала она повара, толковала съ нимъ битый часъ и рѣшала тѣмъ, что на бумажкѣ напишетъ: «сегодня готовить тоже, что вчера». И это продолжалось цѣлые мѣсяцы, но совѣщанія не сокращались.

Въ сентябрѣ, я съ теткой поѣхала въ Велижъ. Семейный совѣтъ присудилъ, что Авдотья Ивановна не нужна болѣе для взрослой, совершенно образованной и свѣтской дѣвушки, и ее отправили въ Петербургъ. Много я плакала, прощаясь съ нею; письма ея, исполненныя искренности, дружбы, добрыхъ совѣтовъ и наставленій о чтеніи, были мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Тетка, взявъ меня съ собою въ Велижъ, имѣла въ виду жениха, флигель-адъютанта Ш. Онъ вмѣстѣ съ дядей производилъ слѣдствіе надъ жидами. Какъ на зло, Ш. влюбился въ меня, а мнѣ онъ очень, очень не понравился, но въ Велижѣ онъ былъ единственный порядочный кавалеръ и я очень благосклонно съ нимъ разговаривала, и на вечерахъ предпочитала танцовать

съ нимъ, чѣмъ съ засѣдателемъ, да почтеннымъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, нѣмцемъ-аптекаремъ, который одинъ разъ, галопируя со мной, споткнулся о неровную половицу, топнулъ, плюнулъ, закричалъ на всю комнату: «verflucht», и продолжалъ галопировать, какъ ни въ чемъ не бывало.

По первому пути, я съ теткой должна была возвратиться въ Петербургъ, а какъ наперекоръ мнѣ, до половины декабря, не устанавливалась зима. Я изнывала по обществу, по баламъ, по самому Петербургу; стыдно даже и теперь признаться, какимъ образомъ достигла я до цѣли своихъ желаній и ускорила нашъ отъѣздъ.

У насъ часто бывалъ Велижскій предводитель дворянства, князь Д. Онъ былъ очень молчаливъ и робокъ; какъ я ни была неопытна, я не сомнѣвалась въ его любви и преданности ко мнѣ; онъ вспыхивалъ при встрѣчѣ со мной, рука его дрожала, когда я подавала ему чашку чая, со всѣми другими онъ все-таки разговаривалъ, со мною же, съ перваго слова замнется, растеряется и поблѣднѣетъ съ досады. Онъ предупреждалъ всѣ мои желанія; ноты, цвѣты, конфекты безпрестанно присылались мнѣ отъ неизвѣстнаго, но посланный неизвѣстнаго былъ извѣстенъ нашимъ людямъ.

Робость князя и его покорность къ моимъ прихотямъ до того меня трогали, что я ни разу не имѣла духа посмѣяться надъ нимъ. Будучи увѣрена, что онъ все сдѣластъ мнѣ въ угодность, я стала совѣщаться съ вѣрной наперсницей своей, моей горничной Танюшей, а Танюшѣ не менѣе моего хотѣлось вырваться изъ Велижа; вотъ мы вдвоемъ и придумали, уговорить князя увѣрить тетку, что за двѣ станціи отъ города

много снѣгу и отличная санная дорога. Планъ этотъ показался обѣимъ намъ удивительнымъ, но какъ привести его въ исполненіе? Тутъ мы призадумались, потому что князь, хотя и часто навѣщаетъ насъ, но не говоритъ со мной, а только вздыхаетъ, блѣднѣетъ и теряется; чего добраго и не пойметъ моихъ словъ, заслушаясь голоса. Какъ быть, что дѣлать? «Да напишите ему, барышня», сказала Танюша. Я съ восторгомъ одобрила ея мысль, вырвала листокъ изъ тетради и наскоро написала невѣроятно глупую записку, которую какъ будто еще вижу передъ собой, вотъ она слово въ слово:

«Любезный князь!

«Я знаю, что вы меня любите, и потому хотите, чтобъ я васъ всегда помнила. Обѣщаю вамъ никогда не забыть васъ, если вы только прикажете въ почтовой конторѣ сказать завтра Марьѣ Васильевнѣ, когда придутъ отъ нея освѣдомиться: хороша ли дорога? чтобъ отвѣчали, что за двѣ станціи много снѣгу. Сдѣлайте это, любезный князь, для меня, увѣрю васъ, всегда буду вспоминать съ благодарностью о васъ и объ оказанной мнѣ услугѣ. Мнѣ такъ нужно и такъ хочется быть къ праздникамъ въ Петербургѣ».

«Остаюсь навсегда преданная и благодарная
Екатерина С....»

17-го декабря 1829 г.

И теперь еще, я всегда раскраснѣюсь со стыда, когда припомню эту продѣлку; хорошо, что князь былъ такой безсловесный, а другой бы насмѣялся надо мною; а какъ-бы мнѣ досталось отъ тетки, — страшно и подумать. Но удаль моя осталась навсегда тайной между мной, княземъ и Танюшей, которая передала записку мою князю.

На другой день, князь блѣдный и растроганный пріѣхалъ самъ извѣстить тетку, что дорога санная отличная и тяжелая почта пришла на полозьяхъ и такъ одушевился, что убѣдилъ Марью Васильевну назначить день отъѣзда своего 20-го числа, чтобы пріѣхать къ праздникамъ въ Петербургъ.

Милый князь! я готова была съ радости прыгнуть ему на шею, поблагодарить и разцаловать за такое примѣрное послушаніе, превышавшее мою просьбу И такъ, мы оставили Велижъ; князь провожалъ насъ до третьей станціи, дорога была адская; тетка пищала, визжала, призывала на помощь всѣхъ святыхъ, но всѣхъ окружающихъ бранила, а я просто ликовала, для меня нѣтъ дурныхъ дорогъ на свѣтѣ, а эта вела меня къ цѣли моихъ желаній, всѣхъ моихъ помышленій; никогда я такъ не стремилась въ Петербургъ.

Мы пріѣхали наконецъ туда въ самый сочельникъ. Черезъ два дня сдѣлали визиты и къ намъ посыпались приглашенія; балы были въ самомъ разгарѣ. Почти у всѣхъ знакомыхъ были положенные танцовальные вечера. Рѣшительно всѣ дни были разобраны кромѣ субботы, въ которую мы всѣ почили отъ дѣлъ своихъ и отдыхали; тогда мнѣ и этотъ одинъ день безъ танцевъ былъ тяжелъ и скученъ.

Я имѣю особенный даръ пристращаться ко всему; ничего не могу любить благоразумно, — даже танцы. Во время оно, у меня была цѣлая толпа поклонниковъ, но я не отличала ни одного; правда, болѣе чѣмъ съ другими, я любила танцовать съ дипломатомъ Хвостовымъ и кавалергардомъ Пестелемъ; оба они были одинаково умны, любезны и влюблены въ меня.

Не знаю, отчего многіе считали меня кокеткой, — это клевета, чистѣйшая клевета. Кокетка хочетъ нра-

виться всѣмъ безъ исключенія, и старому и молодому, и умному и глупому, и женатому и холостому, и къ тому-же старается удержать въ своихъ оковахъ всѣхъ плѣнныхъ, а я напротивъ, и танца бывало не дамъ тому, кто мнѣ ничѣмъ не нравился. До сихъ поръ я удивляюсь, до какой степени я была вѣтрена и необдуманна и какъ много себѣ позволяла; бывало, дома, распоряжусь съ кѣмъ танцовать, запишу себѣ въ книжечку и пріѣхавъ на балъ, не дожидаюсь приглашенія, а лишь только окружатъ меня мои вѣрные кавалеры, ждавшіе меня всегда у дверей, я какъ награды раздаю имъ поочередно танцы; они такъ къ этому привыкли, что встрѣчали меня принятой между ними фразой: «какой танецъ вы мнѣ сегодня назначили?» — Какъ не пришло въ голову, хоть одному изъ нихъ, проучить меня, — а нечего сказать, хорошо-бы сдѣлали.

Въ эту зиму я очень сдружилась съ моимъ cousin, княземъ Ростиславомъ Долгорукимъ. Онъ ухаживалъ за миленькой и хорошенькой Ольгой Б. и въ то самое время, какъ надѣялся на взаимность и уже объяснился съ нею, она неожиданно для всѣхъ и для себя, кажется, дала слово шестидесятилѣтнему генералъ-адъютанту. Бѣдный Ростиславъ очень грустилъ, повѣрялъ мнѣ свои мысли, чувства, жажду мщенія и разъ зашелъ такъ далеко, что предложилъ мнѣ жениться на мнѣ, лишь бы доказать Ольгѣ, что онъ и не думаетъ больше о ней. Я расхохоталась, поблагодарила его за завидную роль, которую въ своей запальчивости онъ возлагалъ на меня; онъ тоже расхохотался, поцаловалъ у меня руку и мы навсегда остались друзьями.

Когда я разсказала Марьѣ Васильевнѣ эту шутку, иначе я никогда не смотрѣла на нее, она назвала меня дурой, изъясняя, что вотъ именно такъ и ловятъ же-

ниховъ, а я напротивъ, выпускаю ихъ изъ рукъ. Вообще она очень была расположена къ Ростиславу и ухаживала за нимъ (отецъ его, министръ юстиціи, былъ начальникомъ дяди), но одинъ разъ она не на шутку разсердилась на него: онъ обѣдалъ у насъ и не сѣлъ играть съ нею въ карты, отговорясь тѣмъ, что ѣдетъ во французскій театръ и усѣлся подлѣ меня у рабочаго столика. Нѣсколько разъ тетка напоминала ему, что пора ѣхать въ театръ. «Я не хочу видѣть первую пьесу», отвѣчалъ онъ, я ее давно знаю.

— Что даютъ? спросила я.

— Ma tante Aurore et la fausse Agnès; certes si je viens, ce n'est pas pour la *tante*, mais bien pour la *nièce*.

Тетка вспылила и очень грозно возразила: «однакожъ, можно быть поучтивѣе къ хозяйкѣ дома». Но какъ же взбѣсилась она, когда маленькій С. въ своемъ глупомъ собраніи анекдотовъ, помѣстилъ и этотъ, а за умъ одного и глупость другого мнѣ же досталось и я порядочно поплатилась за нескромность издателя-грабителя.

Въ эту зиму были блистательные балы у генералъ-адъютанта Депрерадовича [1]), иногда даже удостоивался онъ посѣщеніемъ в. к. Михаила Павловича. Его высочество изволило меня замѣтить и отличить отъ другихъ сказавъ: «elle est charmante, elle a des manières si distinguées».

Никогда тетка не была такъ нѣжна ко мнѣ, какъ въ этотъ вечеръ, безпрестанно подбѣгала поправлять волосы, цвѣты, словомъ суетилась много, вѣроятно для того, чтобъ и ее замѣтилъ великій князь.

Когда же мы возвратились домой, она стала хва-

---

[1]) Бывшаго командиромъ кавалергардскаго полка.

лить, превозносить меня, по обыкновенію приговаривая: «а всѣмъ, рѣшительно всѣмъ ты мнѣ обязана, я одна тебя воспитала, тебя образовала, вотъ и пошла въ люди; еслибы не я, ты бы пропала какъ былиночка» (любимое сравненіе Марьи Васильевны).

Когда-же она сердилась, то сравнивала меня съ червякомъ, котораго всякій имѣетъ право раздавить. Она придиралась ко всякому удобному и неудобному случаю похвастаться передъ людьми своими благодѣяніями, а меня попрекать ими; я-бы терпѣливо сносила и попреки, и вычисленія ея милостей, если-бы она довольствовалась возвышать себя одну, но нѣтъ, — она унижала передо мной и передъ другими мать мою и тутъ я выходила изъ себя.

Такія сцены, почти ежедневно разъигрываемыя, все болѣе отчуждали насъ одну отъ другой и жизнь моя со дня на день становилась невыносимѣе. Даже въ минуты добраго расположенія, тетка была черезъ-чуръ деликатна: она приставала, чтобъ я съ ней согласилась, что во всемъ завишу отъ нея. «Не велю тебѣ дать ѣсть, ну скажи, пожалуйста, гдѣ ты возьмешь кусокъ хлѣба? Не велю людямъ и дѣвушкамъ служить тебѣ, ну кто-же тебя одѣнетъ? Я не попрекаю тебѣ, я хочу только растолковать тебѣ, какъ я добра и какъ ты должна мнѣ быть благодарна».

Можетъ быть, съ моей стороны было малодушно тяготиться этими благодѣяніями, но, признаюсь, онѣ мнѣ были тяжелы. Одинъ разъ я вздумала сказать: «вѣдь вы-же отняли меня у матери, ни она, ни я не просили васъ объ этомъ». И тутъ пошла цѣлая исторія и меня обвинили въ закоренѣлой неблагодарности, безчувствіи, злости и проч. и проч. А у меня былъ такой характеръ, что даже и Марья Васильевна съ

умѣньемъ и снисхожденіемъ могла-бы привязать меня къ себѣ, а она довольствовалась внушеніемъ страха и смѣшивала его съ уваженіемъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ тетка опять собралась въ Велижъ, а меня отправила въ Москву къ Прасковьѣ Васильевнѣ.

Я рада была отдохнуть отъ постояннаго невидимаго, но разсчитаннаго гоненія моей благодѣтельницы, и запастись терпѣніемъ въ ожиданіи неминуемыхъ осенних бурь при соединеніи съ нею.

Однако-же мнѣ грустно было ѣхать изъ Петербурга не простясь съ моей единственной тогдашней пріятельницей Катенькой К., хотя она къ намъ и не ѣздила. Я уже сказала, что Марья Васильевна не допускала возможности дружбы между мною и моими сверстницами. Одинъ разъ она хотѣла прочесть записку Катеньки, принесенную мнѣ ея отцомъ; въ запискѣ былъ намекъ на чувства Катеньки къ одному блѣдному адъютанту. Я всегда свято хранила секреты повѣряемые мнѣ, не хотѣла выдать теткѣ и этотъ, а она настаивала и стала отнимать у меня записку; я не поморщась проглотила ее и этимъ навлекла ея подозрѣнія и на Катеньку и на себя, и насъ разлучили навсегда.

Прасковья Васильевна приняла меня ласково. Зная необузданный характеръ сестры своей, она имѣла хотя поверхностное понятіе о моей мученической жизни, старалась меня ободрить и утѣшить, даже обѣщала письменно заступиться за меня, дать мнѣ что-то въ родѣ аттестата и растолковать сестрѣ, что ужъ я не ребенокъ.

Быть можетъ, ея доброе расположеніе ко мнѣ и продлилось бы вѣчно, безъ одного маловажнаго приключенія, но которое не менѣе того укоренило дремавшее въ ней убѣжденіе о скрытности и завистливости моего

характера. Это ложное и обидное для меня убѣжденіе и до сихъ поръ не совершенно изгладилось.

Прасковья Васильевна воспитывала и лелѣяла дочь брата своего, восьмилѣтнюю Варинькy; я очень ее полюбила, тѣмъ болѣе, что сочувствовала ея сиротству. Варинька была милый, умный ребенокъ и очень ко мнѣ привязалась. Ее, бѣдняжку, баловали на пропалую, все ей спускали; тетка, смотрѣвшая на все сквозь пальцы, да къ тому же близорукими глазами, не замѣчала, до какой степени была любопытна ея питомица. Сто́итъ, бывало, намъ, молодымъ, сойтись вдвоемъ или втроемъ, какъ Варинька ужъ и пробралась къ двери, и ну насъ подслушивать. Я замѣтила первая эту дурную привычку и, любя ее искренно, рѣшилась отбить у нее охоту насъ подслушивать и сговорилась предварительно съ кузиной и ея братомъ, что въ первый разъ лишь только почуемъ ее на часахъ у скважинки замка, порядкомъ проучить любопытную. Разумѣется, удобный случай не замедлилъ представиться: я съ однимъ изъ своихъ cousins сидѣла въ кабинетѣ, разсказывала ему о волшебномъ моемъ Петербургѣ, съ увлеченіемъ описывала блестящіе балы, гдѣ я такъ часто первенствовала, вспоминала вѣрныхъ своихъ кавалеровъ, какъ вдругъ послышались частенькіе шажки и шорохъ у дверей; мы перемигнулись и стали какъ будто продолжать уже начатой разговоръ.

— Да, говорила я, съ этой наклонностью къ любопытству, изъ Вариньки ничего не выйдетъ путнаго.

— Правда твоя, отвѣчалъ cousin, замѣтила ли ты, Cathérine, вѣдь она насъ почти всегда подслушиваетъ?

— Какъ не замѣтить! постараемся ее подкараулить и прищимемъ ей носъ или палецъ; это самое малое наказаніе для такой гадкой привычки; теперь она

любитъ подслушивать, потомъ полюбитъ пересказывать, сплетничать и кончитъ тѣмъ, что ее станутъ избѣгать и никто не будетъ любить ее. Признаться, я и сама любила ее больше, пока не замѣтила въ ней этой дурной наклонности.

Тутъ мы опять перемѣнили разговоръ и начали болтать о разныхъ разностяхъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ нагрянула на насъ разгнѣванная Прасковья Васильевна.

— Неблагодарная! кричала она мнѣ, за что ненавидишь ты ангела-Варинькy, этого чуднаго, кроткаго ребенка? За чѣмъ доводишь до слезъ это невинное созданіе? Смотри, радуйся, какъ плачетъ бѣдная крошка!

— Успокойтесь, милая тетушка; я понимаю въ чемъ дѣло и вы, выслушавъ меня хладнокровнѣе, тоже поймете и не будете на меня гнѣваться понапрасну. Мы нѣсколько разъ замѣчали, что Варинька насъ подслушиваетъ и сговорились ее проучить; вотъ и сейчасъ, едва успѣла она пробраться къ дверямъ, мы съ умысломъ перемѣнили разговоръ, спросите брата.

— Неужели правда, мой милый? спросила уже смягченнымъ голосомъ Прасковья Васильевна.

А мой милый братецъ, какъ на бѣду, замялся, пробормоталъ невнятно: «да, нѣтъ, да», и тутъ-то разразилась надъ бѣдной моей головой неожиданная гроза.

— Змѣя подколодная, гадъ мерзкій, кричала внѣ себя тетка, сама виляетъ и языкомъ и поступками, да еще и младшихъ тому-же учитъ. Да знаешь-ли, я прокляну тебя, я имѣю это право, какъ крестная мать твоя, какъ старшая въ родѣ, и не быть тебѣ счастливой ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ!

И вотъ по какой незначущей причинѣ, я утратила

на вѣки дружбу и этой тетки; да и Варинька, какъ ни была она мала, навсегда сохранила ко мнѣ непріязнь и недовѣрчивость.

Такова моя судьба; все обращается мнѣ во вредъ, какимъ-бы добрымъ намѣреніемъ я ни была увлечена. Прасковья Васильевна, по своей дальновидности, вообразила, что я завидую ея Варинькѣ; есть ли тутъ капля здраваго смысла? Ей было восемь, а мнѣ восемнадцать лѣтъ, и будь она геній по уму и богиня по красотѣ, никогда не могло быть у меня соперничества съ ней ни въ чемъ.

Многіе упрекаютъ меня въ сильной привязанности къ свѣту; да, я люблю его, я жажду баловъ, выѣздовъ, шума, толпы, но я люблю ихъ, какъ угаръ, какъ опьянѣніе, какъ свободу. Въ толпѣ мнѣ дышется свободнѣе, вы, всѣ вы, взлелѣянныя родительской нѣжностью, вы не поймете меня! Вы возвращаетесь домой весело, спокойно, есть кому порадоваться вашими успѣхами, есть вамъ съ кѣмъ посовѣтоваться, есть кому васъ приголубить, когда вы обманетесь въ надеждѣ, — а я дома болѣе одинока, чѣмъ въ свѣтѣ: за то, съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ я всегда возвращаюсь домой. Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, не завидуйте, а главное не осуждайте тѣхъ, которыя кажутся слишкомъ привязанными къ свѣту, — это вѣрная примѣта, что нѣтъ имъ отрады дома! Конечно, есть исключенія во всемъ. Но я, признаться, и сама иногда удивлялась тому благотворному вліянію, которое имѣло на меня многолюдное общество; бывало, дома грущу, плачу, терзаюсь, — а войду въ танцовальную залу и многое уже забыто; все угрюмое, все холодное осталось за порогомъ дома, и я становилась веселой, беззаботной, почти счастливой, хотя и была увѣрена, что за вся-

кій мигъ удовольствія, за каждый пріятный танецъ я расплачусь слезами, наслушаюсь горькихъ упрековъ и обидныхъ выраженій, и несмотря на это, я не пропускала ни одного бала, обѣда, вечера, гулянья, театра; съ восторгомъ принимала всѣ приглашенія, даже и на скучные карточные вечера, лишь бы не просидѣть дома, — въ семейномъ кругу.

Въ это самое время вошло въ моду заведеніе московскихъ искусственныхъ водъ. Прасковьѣ Васильевнѣ предписалъ докторъ пить какую-то воду; само собой разумѣется, что я всегда была готова сопровождать ее, какъ бы поздно ни легла наканунѣ, только бы не пропустить случая поглазѣть на толпу и себя показать. Несмотря на мое почти не учтивое равнодушіе къ московскимъ франтамъ, архивнымъ юношамъ и студентамъ, рой ихъ увивался около меня. Ни одного имени, ни одной физіономіи тогдашнихъ моихъ поклонниковъ не осталось въ моей памяти, одинъ только Николай А. зажился въ ней и то потому, что разъ за него мнѣ жутко пришлось отъ Прасковьи Васильевны. Какъ-то разъ за ужиномъ у тетки моей Хитрово, онъ мнѣ декламировалъ памфлетъ на водяное общество и умолялъ меня не выдавать его. «Я буду нѣма, какъ рыба», отвѣчала я.

Возвратясь домой, Прасковья Васильевна ужасно разбранила меня за это сравненіе. «Нѣма какъ рыба», повторяла она, расхаживая по комнатѣ, съ поникшею головой и опущенными руками: «да какъ ты могла такъ выразиться? что́ онъ о тебѣ подумаетъ! откуда ты набралась такихъ сравненій? она сравниваетъ себя съ рыбой! Какъ это мило, какъ благопристойно!»

Какъ ни ломала я свою боярскую голову, чтобъ понять, что́ есть предосудительнаго въ выраженіи мо-

емъ, быть безсловесной, какъ рыба, — рѣшительно не добилась.

Съ этого вечера, тетка запретила мнѣ пускаться въ длинныя разсужденія съ А. и даже танцовать съ нимъ; какъ ни представляла я ей, что не онъ, а сама я сравнила себя съ рыбой, все было напрасно и запрещеніе не снято. Что же придумала я? я очень близорука, но Прасковья Васильевна въ сравненіи со мною просто слѣпа, и какъ ни сильны стекла ея лорнета, онъ ей также полезенъ, какъ пятое колесо каретѣ, и вотъ на ея глазахъ, нисколько не стѣсняясь, я по три, по четыре танца въ вечеръ танцовала съ А. и когда, бывало, она подзоветъ меня къ себѣ и сдѣлаетъ узаконенный вопросъ: «съ кѣмъ ты танцуешь, душенька»? я не запинаясь, аккуратно всякій разъ давала своему неизмѣнному кавалеру другую фамилію; то величала его Ивановымъ, то производила въ Александровы, Платоновы, Ѳедоровы, однимъ словомъ весь календарь перешелъ въ его имя и она, вперя въ него свой тусклый взоръ и безполезный лорнетъ, говорила съ добродушной улыбкой: «онъ кажется очень порядочнымъ, какая разница съ этой дрянью А.»! А я, возвратясь къ нему и помирая со смѣха, поздравляла его съ лестной перемѣной мнѣнія о немъ тетки и съ новой его фамиліей.

Да, нечего сказать, была я вѣтрена и неосторожна, но меня такъ несправедливо угнетали и притѣсняли дома, что вырываясь на божій свѣтъ я веселилась, какъ сумасшедшая и подсмѣивалась надъ своими аргусами. Я воображала, что этимъ нашла вѣрное средство изобличать ихъ фальшивое обращеніе со мною, не размышляя, повредитъ ли мнѣ самой или нѣтъ моя необдуманность. А вѣдь мнѣ все равно доставалось до-

ма: была ли я весела — я кокетничала; задумчива — я прикидывалась несчастной, загнанной; пусть же повеселюсь, говорила я себѣ, да къ тому же посмѣюсь надъ ними!

IV.

Первое знакомство съ М. Ю. Лермонтовымъ. — Наружность его. — Его характеръ. — Шутки и забавы надъ нимъ. — Первыя стихотворенія Лермонтова, посвященныя Е. А. С. — Путешествіе на богомолье въ Троицкую Сергіеву лавру. — Слѣпой нищій и стихи Лермонтова. — Разговоръ о будущности поэта. — Экспромты и эпиграммы Лермонтова. — Любовь и ревность. — Разлука.

1830 г.

Въ Москвѣ я свела знакомство, а вскорѣ и дружбу съ Сашенькой Верещагиной[1]). Мы жили рядомъ на Молчановкѣ и почти съ первой встрѣчи сдѣлались неразлучны; на водахъ, на гуляньѣ, въ театрѣ, на вечерахъ, вездѣ и всегда вмѣстѣ. Александръ А. ухаживалъ за нею, а братъ его Николай за мною и мы шутя называли другъ друга belle soeur.

Меня охотно къ ней отпускали, но не для моего удовольствія, а по разсчету: ее хотѣли выдать замужъ за одного изъ моихъ дядей — вдовца, съ тремя почти взрослыми дѣтьми, и всякій разъ, отпуская меня къ ней, приказывали и просили расхваливать дядю и намекать ей о его любви.

Онъ для своихъ лѣтъ былъ еще хорошъ собою, любезенъ по-своему, то-есть шутникъ (чего я никогда не терпѣла ни въ комъ) и всячески старался плѣнить Сашеньку, слывшую богатой невѣстой; но обѣ мы тру-

[1]) Нынѣ замужемъ за баропомъ Гюгелемъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ королевствѣ Виртембергскомъ.

нили надъ старикомъ, какъ говорится, водили его за носъ, обѣ мы давали ему несбыточныя надежды на успѣхъ, она изъ кокетства, а я изъ опасенія, чтобъ меня не разлучили съ ней, и мы сообща всѣ проволочки, всѣ сомнѣнія, всѣ замедленія, сваливали на безсловесную старушку, мать ея.

У Сашеньки встрѣчала я въ это время ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой. Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ, но ученыя его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гуляньѣ и на вечерахъ; всѣ его называли просто Мишель и я также, какъ и всѣ, не заботясь ни мало о его фамиліи. Я прозвала его своимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ и отдавала ему на сбереженіе мою шляпу, мой зонтикъ, мои перчатки, но перчатки онъ часто затеривалъ и я грозила отрѣшить его отъ ввѣренной ему должности.

Одинъ разъ мы сидѣли вдвоемъ съ Сашенькой въ ея кабинетѣ, какъ вдругъ она сказала мнѣ: «какъ Лермонтовъ влюбленъ въ тебя»!

— Лермонтовъ! да я не знаю его и, что всего лучше, въ первый разъ слышу его фамилію.

— Перестань притворяться, перестань скрытничать, ты не знаешь Лермонтова? ты не догадалась, что онъ любитъ тебя?

— Право, Сашенька, ничего не знаю и въ глаза никогда не видала его, ни на яву, ни во снѣ.

— Мишель, закричала она, поди сюда, покажись, Cathérine утверждаетъ, что она тебя еще не разсмотрѣла, иди-же скорѣе къ намъ.

— Васъ я знаю, Мишель, и знаю довольно, чтобъ долго помнить васъ, сказала я вспыхнувшему отъ досады Лермонтову, но мнѣ ни разу не случилось слышать вашу фамилію, вотъ моя единственная вина, я считала васъ, по бабушкѣ, Арсеньевымъ.

— А его вина, подхватила немилосердно Сашенька, это красть перчатки петербургскихъ модницъ, вздыхать по нихъ, а онѣ даже и не позаботятся освѣдомиться объ его имени.

Мишель разсердился и на нее и на меня и опрометью побѣжалъ домой (онъ жилъ почти противъ Сашеньки); какъ мы его ни звали, какъ ни кричали ему въ окно:

Revenez donc, tantôt
Vous aurez du bonbon,

но онъ не возвращался. Прошло нѣсколько дней, а о Мишелѣ ни слуху, ни духу; я о немъ не спрашивала, мнѣ о немъ ничего не говорила Сашенька, да и я не любопытствовала разузнавать, дуется-ли онъ на меня или нѣтъ[1]).

День ото дня Москва пустѣла, всѣ разъѣзжались по деревнямъ и мы, слѣдуя за общимъ полетомъ, тоже собирались въ подмосковную, куда я стремилась съ нетерпѣніемъ, — такъ прискучили мнѣ однообразныя веселости Бѣлокаменной. Сашенька уѣхала уже въ деревню, которая находилась въ полутора верстахъ отъ нашего Большакова, а тетка ея Столыпина жила отъ

---

[1]) Напомнимъ здѣсь нѣкоторыя біографическія данныя о М. Ю. Лермонтовѣ. Онъ родился въ Москвѣ 3 октября 1814 г.; потерялъ мать въ 1817 г. и на третьемъ году жизни, оставшись сиротой, взятъ на воспитаніе бабушкой своей Е. А. Арсеньевой (рожд. Столыпиной). Съ 1826 по 1832 г. Лермонтовъ учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и въ московскомъ университетѣ.

насъ въ трехъ верстахъ, въ прекрасномъ своемъ Средниковѣ; у нея гостила Елизавета Алексѣевна Арсеньева съ внукомъ своимъ Лермонтовымъ. Такое пріятное сосѣдство сулило мнѣ много удовольствія, и на этотъ разъ я не ошиблась. Въ деревнѣ я наслаждалась полной свободой. Сашенька и я по нѣскольку разъ въ день ѣздили и ходили другъ къ другу, каждый день выдумывали разныя parties de plaisir: катанья, кавалькады, богомолья, то-то было мнѣ раздолье!

Въ это памятное для меня лѣто, я ознакомилась съ чудными окрестностями Москвы, побывала въ Сергіевской Лаврѣ, въ Новомъ Іерусалимѣ, въ Звенигородскомъ монастырѣ. Я всегда была набожна, и любимымъ моимъ воспоминаніемъ въ прошедшемъ остались эти религіозныя поѣздки, но впослѣдствіи примѣшалось къ нимъ, освѣтило ихъ и увѣковѣчило ихъ въ памяти сердца другое милое воспоминаніе, но объ этомъ послѣ...

По воскресеньямъ мы ѣзжали къ обѣднѣ въ Средниково и оставались на цѣлый день у Столыпиной. Въ чужѣ отрадно было видѣть, какъ старушка Арсеньева боготворила внука своего Лермонтова; бѣдная, она пережила всѣхъ своихъ и одинъ Мишель остался ей утѣшеніемъ и подпорою на старость; она жила имъ однимъ и для исполненія его прихотей; не нахвалится бывало имъ, не налюбуется на него; бабушка (мы всѣ ее такъ звали) любила очень меня, я предсказывала ей великаго человѣка въ косолапомъ и умномъ мальчикѣ.

Сашенька и я точно мы обращались съ Лермонтовымъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности, онъ домогался попасть въ юноши

въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродитъ, бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сантиментальныя сужденія! а мы, чтобъ подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться не понятымъ и не оцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ.

Еще очень подсмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ не разборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ, телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что пожалуй онъ современемъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжникъ. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія, онъ споривалъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса; мы побились объ закладъ, что уличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечь къ чаю булочекъ съ опилками! и что же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, съ жадностію принялись за чай, а нашъ-то гастрономъ Мишель не поморщась проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ и третью, но Сашенька и я, мы остановили его за руку, показывая въ тоже время на неудобосваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣжалъ отъ насъ и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже и не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ.

Между тѣмъ, его каникулы приходили къ концу и Елизавета Алексѣевна собиралась уѣхать въ Москву, не рѣшаясь разстаться съ своимъ Веньяминомъ. Вся молодежь и я въ томъ же числѣ, отправились провожать бабушку съ тѣмъ, чтобъ изъ Москвы отправиться пѣшкомъ въ Сергіевскую Лавру.

Наканунѣ отъѣзда я сидѣла съ Сашенькой въ саду; къ намъ подошелъ Мишель. Хотя онъ все еще продолжалъ дуться на насъ, но предстоящая разлука смягчила гнѣвъ его; обмѣнявшись нѣсколькими словами, онъ вдругъ опрометью убѣжалъ отъ насъ. Сашенька пустилась за нимъ, я тоже встала и тутъ увидѣла у ногъ своихъ не очень щегольскую бумажку, подняла ее, развернула, движимая наслѣдственнымъ любопытствомъ прародительницы. Это были первые стихи Лермонтова, поднесенные мнѣ такимъ оригинальнымъ образомъ.

ЧЕРНООКОЙ.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи.

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ-ли твой волшебный взоръ —
Не билось сердце у меня.
И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно можетъ быть
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.
Къ чему-жь разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! Зачѣмъ страдать?
Однакоже хоть день, хоть часъ
Желалъ бы дольше[1]) здѣсь пробыть

[1]) Въ изд. 1860 г. напечатано: «больше».

Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить[1]).

Средниково
12 августа 1830 года.

Я показала стихи возвратившейся Сашенькѣ и умоляла ее не трунить надъ отрокомъ-поэтомъ.

На другой день мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Москву. Лермонтовъ ни разу не взглянулъ на меня, не говорилъ со мною, какъ будто меня не было между ними, но не успѣла я войти въ Сашенькину комнату, какъ мнѣ подали другое стихотвореніе отъ него. Насмѣшкамъ Сашеньки не было конца, за то, что мнѣ дано свыше вдохновлять и образовывать поэтовъ.

БЛАГОДАРЮ!

Благодарю!... вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла;
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

* * *

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла,
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся на вѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

* * *

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

* * *

---

[1]) Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова стихотвореніе это напечатано въ т. II, стр. 85.

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ укажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю[1])!

Средниково
12 августа.

На слѣдующій день, до восхожденія солнца, мы встали и бодро отправились пѣшкомъ на богомолье; путевыхъ приключеній не было, всѣ мы были веселы, много болтали, еще болѣе смѣялись, а чему? Богъ знаетъ! Бабушка ѣхала впереди шагомъ, верстъ за пять до ночлега или до обѣденной станціи отправляли передового приготовлять заранѣе обѣдъ, чай или постели, смотря по времени. Чудная эта прогулка останется навсегда золотымъ для меня воспоминаніемъ.

На четвертый день мы пришли въ Лавру, изнуренные и голодные. Въ трактирѣ мы перемѣнили запыленныя платья, умылись и поспѣшили въ монастырь отслужить молебенъ. На паперти встрѣтили мы слѣпого нищаго. Онъ дряхлою, дрожащею рукою поднесъ намъ свою деревянную чашечку, всѣ мы надавали ему мелкихъ денегъ; услыша звукъ монетъ, бѣднякъ крестился, сталъ насъ благодарить, приговаривая: «пошли вамъ Богъ счастіе, добрые господа; а вотъ намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмѣялись надо мною: наложили полную чашечку камушковъ. Богъ съ ними!»

Помолясь святымъ угодникамъ, мы поспѣшно возвратились домой, чтобъ пообѣдать и отдохнуть. Всѣ мы суетились около стола, въ нетерпѣливомъ ожиданіи

---

[1]) Стихотвореніе это подъ заглавіемъ: «Благодарность» напечатано въ изданіи сочиненія Лермонтова, 1860 г. т. II, стр. 85—86.

обѣда, одинъ Лермонтовъ не принималъ участія въ нашихъ хлопотахъ; онъ стоялъ на колѣняхъ передъ стуломъ, карандашъ его быстро бѣгалъ по клочку сѣрой бумаги и онъ какъ будто не замѣчалъ насъ, не слышалъ, какъ мы шумѣли, усаживаясь за обѣдъ и принимаясь за ботвинью. Окончивъ писать, онъ вскочилъ, тряхнулъ головой, сѣлъ на оставшійся стулъ противъ меня и передалъ мнѣ ново-вышедшіе изъ-подъ его карандаша стихи:

У вратъ обители святой
Стоялъ просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой,
Отъ глада, жажды и страданья.

* * *

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

* * *

Такъ я молилъ твоей любви
Съ слезами горькими, съ тоскою,
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою[1])!

«Благодарю васъ, monsieur Michel, за ваше посвященіе и поздравляю васъ, съ какой скоростью изъ самыхъ ничтожныхъ словъ вы извлекаете милые экспромты, но не разсердитесь за совѣтъ: обдумывайте и обработывайте ваши стихи и со временемъ тѣ, которыхъ вы воспоете, будутъ гордиться вами».

---

[1]) Стихотвореніе это, безъ заглавія, напечатано въ изд. сочиненій Лермонтова. Спб. 1860 г. т. II, стр. 86—87.

— И сами собой, подхватила Сашенька, особливо первыя, которыя внушили тебѣ такія поэтическія сравненія. Браво, Мишель!

Лермонтовъ какъ будто не слышалъ ее и обратился ко мнѣ:

— А вы, будете ли гордиться тѣмъ, что вамъ первой я посвятилъ свои вдохновенія?

«Можетъ быть болѣе другихъ, но только со временемъ, когда изъ васъ выйдетъ настоящій поэтъ, и тогда я съ наслажденіемъ буду вспоминать, что ваши первыя вдохновенія были посвящены мнѣ, а теперь, monsieur Michel, пишите, но пока для себя одного; я знаю, какъ вы самолюбивы и потому даю вамъ этотъ совѣтъ, за него вы со временемъ будете меня благодарить.

— А теперь еще вы не гордитесь моими стихами?

«Конечно нѣтъ, сказала я смѣясь, а то я была бы похожа на тѣхъ матерей, которые въ первомъ лепетѣ своихъ птенцовъ находятъ и умъ, и смѣтливость, и характеръ, а согласитесь, что и вы и стихи ваши еще въ совершенномъ младенчествѣ.

— Какое странное удовольствіе вы находите такъ часто напоминать мнѣ, что я для васъ болѣе ничего, какъ ребенокъ.

«Да вѣдь это правда; мнѣ восемнадцать лѣтъ, я уже двѣ зимы выѣзжаю въ свѣтъ, а вы еще стоите на порогѣ этого свѣта и не такъ-то скоро его перешагнете».

— Но когда перешагну, подадите ли вы мнѣ руку помощи?

«Помощь моя будетъ вамъ лишняя и мнѣ сдается, что вашъ умъ и талантъ проложатъ вамъ широкую дорогу и тогда вы, можетъ быть, отречетесь не только

отъ теперешнихъ словъ вашихъ, но даже и отъ мысли, чтобъ я могла протянуть вамъ руку помощи.

— Отрекусь! какъ можетъ это быть! Вѣдь я знаю, я чувствую, я горжусь тѣмъ, что вы внушили мнѣ, любовью вашей къ поэзіи, желаніе писать стихи, желаніе ихъ вамъ посвящать и этимъ обратить на себя ваше вниманіе; позвольте мнѣ довѣрять вамъ все, что выльется изъ-подъ пера моего?

«Пожалуй, но и вы разрѣшите мнѣ говорить вамъ непріятное для васъ слово: благодарю?

— Вотъ вы и опять надо мной смѣетесь; по вашему тону я вижу, что стихи мои глупы, нелѣпы,—ихъ надо передѣлать, особливо въ послѣднемъ куплетѣ, я долженъ бы былъ молить васъ совсѣмъ о другомъ, передѣлайте же его сами не на словахъ, а на дѣлѣ, и тогда я пойму всю прелесть благодарности.

Онъ такъ на меня посмотрѣлъ, что я вспыхнула и не находя, что отвѣчать ему, обратилась къ бабушкѣ съ вопросомъ: какую карьеру изберетъ она для Михаила Юрьевича?

— А какую онъ хочетъ, матушка, лишь бы не былъ военнымъ.

Послѣ этого разговора я перемѣнила тонъ съ Лермонтовымъ, часто называла его Михаиломъ Юрьевичемъ, чему онъ очень радовался, слушала его разсказы, просила его читать мнѣ вслухъ и лишь тогда только подсмѣивалась надъ нимъ, когда онъ, бывало, увлекшись разговоромъ, съ жаромъ говорилъ, какъ сладостно любить въ первый разъ и что ничто въ мірѣ не можетъ изгнать изъ сердца образъ первой страсти, первыхъ вдохновеній. Тогда я очень серьезно спрашивала у Лермонтова, есть ли этому предмету лѣтъ десять и умѣетъ ли предметъ его вздоховъ читать хотя по складамъ его стихи?

— И сами собой, подхватила Сашенька, особливо первыя, которыя внушили тебѣ такія поэтическія сравненія. Браво, Мишель!

Лермонтовъ какъ будто не слышалъ ее и обратился ко мнѣ:

— А вы, будете ли гордиться тѣмъ, что вамъ первой я посвятилъ свои вдохновенія?

«Можетъ быть болѣе другихъ, но только со временемъ, когда изъ васъ выйдетъ настоящій поэтъ, и тогда я съ наслажденіемъ буду вспоминать, что ваши первыя вдохновенія были посвящены мнѣ, а теперь, monsieur Michel, пишите, но пока для себя одного; я знаю, какъ вы самолюбивы и потому даю вамъ этотъ совѣтъ, за него вы со временемъ будете меня благодарить.

— А теперь еще вы не гордитесь моими стихами?

«Конечно нѣтъ, сказала я смѣясь, а то я была бы похожа на тѣхъ матерей, которые въ первомъ лепетѣ своихъ птенцовъ находятъ и умъ, и смѣтливость, и характеръ, а согласитесь, что и вы и стихи ваши еще въ совершенномъ младенчествѣ.

— Какое странное удовольствіе вы находите такъ часто напоминать мнѣ, что я для васъ болѣе ничего, какъ ребенокъ.

«Да вѣдь это правда; мнѣ восемнадцать лѣтъ, я уже двѣ зимы выѣзжаю въ свѣтъ, а вы еще стоите на порогѣ этого свѣта и не такъ-то скоро его перешагнете».

— Но когда перешагну, подадите ли вы мнѣ руку помощи?

«Помощь моя будетъ вамъ лишняя и мнѣ сдается, что вашъ умъ и талантъ проложатъ вамъ широкую дорогу и тогда вы, можетъ быть, отречетесь не только

отъ теперешнихъ словъ вашихъ, но даже и отъ мысли, чтобъ я могла протянуть вамъ руку помощи.

— Отрекусь! какъ можетъ это быть! Вѣдь я знаю, я чувствую, я горжусь тѣмъ, что вы внушили мнѣ, любовью вашей къ поэзіи, желаніе писать стихи, желаніе ихъ вамъ посвящать и этимъ обратить на себя ваше вниманіе; позвольте мнѣ довѣрять вамъ все, что выльется изъ-подъ пера моего?

«Пожалуй, но и вы разрѣшите мнѣ говорить вамъ непріятное для васъ слово: благодарю?

— Вотъ вы и опять надо мной смѣетесь; по вашему тону я вижу, что стихи мои глупы, нелѣпы,—ихъ надо передѣлать, особливо въ послѣднемъ куплетѣ, я долженъ бы былъ молить васъ совсѣмъ о другомъ, передѣлайте же его сами не на словахъ, а на дѣлѣ, и тогда я пойму всю прелесть благодарности.

Онъ такъ на меня посмотрѣлъ, что я вспыхнула и не находя, что отвѣчать ему, обратилась къ бабушкѣ съ вопросомъ: какую карьеру изберетъ она для Михаила Юрьевича?

— А какую онъ хочетъ, матушка, лишь бы не былъ военнымъ.

Послѣ этого разговора я перемѣнила тонъ съ Лермонтовымъ, часто называла его Михаиломъ Юрьевичемъ, чему онъ очень радовался, слушала его разсказы, просила его читать мнѣ вслухъ и лишь тогда только подсмѣивалась надъ нимъ, когда онъ, бывало, увлекшись разговоромъ, съ жаромъ говорилъ, какъ сладостно любить въ первый разъ и что ничто въ мірѣ не можетъ изгнать изъ сердца образъ первой страсти, первыхъ вдохновеній. Тогда я очень серьезно спрашивала у Лермонтова, есть ли этому предмету лѣтъ десять и умѣетъ ли предметъ его вздоховъ читать хотя по складамъ его стихи?

Послѣ возвращенія нашего въ деревню изъ Москвы, прогулки, катанья, посѣщенія въ Средниково снова возобновились, все пошло по старому, но нельзя было не сознаться, что Мишель оживлялъ всѣ эти удовольствія и что безъ него не жилось такъ весело, какъ при немъ.

Онъ писалъ Сашенькѣ длинныя письма, обращался часто ко мнѣ съ вопросами и сужденіями и забавлялъ насъ анекдотами о двухъ братьяхъ Фее, и для отличія называлъ одного Fé-nez-long, а другого Fé-nez-court; бѣдный Фенелонъ былъ чѣмъ-то въ университетскомъ пансіонѣ и служилъ цѣлью эпиграммъ, сарказмовъ и каррикатуръ Мишеля.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ, онъ переслалъ мнѣ слѣдующіе стихи, достойные даже и теперь его имени:

По небу полуночи ангелъ летѣлъ (и проч.).

О, какъ я обрадовалась этимъ стихамъ, какая разница съ тремя первыми его произведеніями, въ этомъ ужъ просвѣчивалъ геній.

Сашенька и я, мы первыя преклонились предъ его талантомъ и пророчили ему, что онъ станетъ выше всѣхъ его современниковъ; съ этихъ поръ я стала много думать о немъ и объ его грядущей славѣ.

Въ Москвѣ тогда въ первый разъ появилась холера, всѣ перепугались, принимая ее за что-то въ родѣ чумы. Страхъ заразителенъ, вотъ и мы и сосѣди наши побоялись оставаться долѣе въ деревнѣ и всѣмъ караваномъ перебрались въ городъ, слѣдуя вѣроятно пословицѣ: на людяхъ смерть красна.

Бабушку Арсеньеву нашли въ горѣ; — ей только-что объявили о смерти брата ея Столыпина, кото-

рый служилъ въ персидскомъ посольствѣ и былъ убитъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ.

Прасковья Васильевна была сострадательна и охотно навѣщала больныхъ и тѣхъ, которые горевали и плакали. Я всегда была готова ее сопровождать къ бѣдной Елизаветѣ Алексѣевнѣ, поговорить съ Лермонтовымъ и повидаться съ Сашенькой и Дашенькой С., только что вышедшей замужъ. Я давно знала Дашеньку; она была двумя годами старше меня; я любила ее за ея доброту и наивность. Много ей бывало доставалось отъ насъ; она уже разъ была помолвлена за какого-то сосѣда по деревнѣ и была съ нимъ въ перепискѣ, а когда Катенька К., Додо [1]) и я просили ее показать намъ ея письма къ жениху и научить насъ, какъ пишутся такія письма, она очень откровенно призналась, что мать ея ихъ сочиняетъ, а она только старается ихъ безъ ошибокъ переписывать.

Свадьба эта разстроилась и теперь Дашенька была замужемъ за человѣкомъ почти втрое старше ея и очень гордилась многочисленными взрослыми племянниками и племянницами, дарованными ей этимъ неравнымъ бракомъ. Она требовала отъ нихъ предупредительности, почтенія, лобызанія ручекъ, а они, и я съ ними, безъ милосердія надъ нею подсмѣивались. Одинъ разъ, при ней, Лермонтовъ читалъ вслухъ «Кавказскаго плѣнника»; Дашенька слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ, когда-же онъ произнесъ:

Къ ея постели одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной.

[1]) Этой Додо Лермонтовымъ написано въ 1830 г. стихотвореніе, напечатанное въ изд. 1860 г. т. II, стр. 76. — «Додо» было уменьшительное имя графини Евдокіи Петровны Ростопчиной, рожд. Сушковой.

она вскричала со слезами на глазахъ: «чудесно, превосходно! ахъ, зачѣмъ я не могу болѣе этого сказать»! Мы всѣ расхохотались и какъ ни были мы невинны, мы понимали чутьемъ, что Даша клеветала на себя, бѣдная. Всякій вечеръ послѣ чтенія затѣвались игры, но не шумныя, чтобъ не обезпокоить бабушку. Тутъ-то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ предложилъ намъ сказать всякому изъ присутствующихъ, въ стихахъ или въ прозѣ, что-нибудь такое, что̀ бы приходилось кстати. У Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ и мы, хотя съ трепетомъ, но согласились выслушать его приговоры. Онъ началъ съ Сашеньки:

«Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже,
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все тоже».

Мы всѣ одобрили à propos и были одного мнѣнія съ Мишелемъ.

Потомъ дошла очередь до меня. У меня чудные волосы и я до сихъ поръ люблю ихъ выказывать; тогда я ихъ носила просто заплетенные въ одну огромную косу, которая два раза обвивала голову.

«Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила:
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, черпѣе ночи».

Мишель, почтительно поклонясь Дашенькѣ, сказалъ:

«Ужъ ты чего не говори,
Моя почтенная Darie,
Къ твоей постели одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной».

Къ обыкновенному нашему обществу присоединился въ этотъ вечеръ необыкновенный родственникъ Лермонтова. Его звали Иваномъ Яковлевичемъ; онъ былъ и глупъ и рыжъ и на свою же голову обидѣлся тѣмъ, что Лермонтовъ ничего ему не сказалъ. Не ходя въ карманъ за острымъ словцомъ, Мишель скороговоркой проговорилъ ему: «Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot et cependant vous n'êtes point Jean Jacques Rousseau.

Еще была тутъ одна барышня, сосѣдка Лермонтова по Чембарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для нея и для воспоминанія написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и чтобъ отдѣлаться отъ ея настойчивости сказалъ: «ну хорошо, дайте листъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка поспѣшно принесла бумагу и перо, онъ началъ:

«Три граціи.....»

Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула: «Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ, я правды хочу».

— Не тревожьтесь, будетъ правда, отвѣчалъ онъ и продолжалъ:

«Три граціи считались въ древнемъ мірѣ.
Родились вы... все три, а не четыре!»

За такую сцену можно было бы платить деньги; злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой и утѣшенія Jean Jacques, все представляло комическую картину...

Я до сихъ поръ не дозналась, Лермонтова ли эта эпиграмма или нѣтъ.

Я упрекнула его, что для такого случая онъ не потрудился выдумать ничего для меня, а заимствовался у Пушкина.

— И вы напрашиваетесь на правду? спросилъ онъ.

— И я, потому что люблю правду.

— Подождите до завтрашняго дня.

Рано утромъ мнѣ подали обыкновенную сѣренькую бумажку, сложенную запиской, запечатанную и съ надписью: «Ей, правда».

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей мѣстами
Чернѣетъ голая земля
И мгла ложится облаками
На полу-юныя поля,
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей,
Гляжу: природа молодѣетъ,
Не молодѣть[1]) лишь только ей.
Ланитъ спокойныхъ пламень алый
Съ годами время унесетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ![2])

Внизу очень мелко было написано карандашемъ, какъ будто противуядіе этой ѣдкой, по его мнѣнію, правдѣ:

Зови надежду — сновидѣньемъ,
Неправду—истиной зови.
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего,
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того![3])

[1]) Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 170 напечатано: «по молодѣть».

[2]) Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 170—171 стихотвореніе это напечатано подъ тремя звѣздочками, въ отдѣлѣ 1830—1831 гг.

[3]) Въ изданіи 1860 г. т. II, стр. 87.

Онъ непремѣнно добивался моего сознанія, что правда его была мнѣ непріятна.

«Отчего же, сказала я, это неоспоримая правда, въ ней нѣтъ ничего ни непріятнаго, ни обиднаго, ни непредвидѣннаго; и вы, и я, всѣ мы состарѣемся, сморщимся, это неминуемо, если еще доживемъ; да, право, я и не буду жалѣть о прекрасныхъ ланитахъ, но вѣроятно пожалѣю о вальсѣ, мазуркѣ, да еще какъ пожалѣю!

— А о стихахъ?

«У меня старые останутся, какъ воспоминаніе о лучшихъ дняхъ. Но мазурка — какъ жаль, что ее не танцуютъ старушки!

— Кстати о мазуркѣ, будете ли вы ее танцовать завтра со мной у тетушки Хитровой?

«Съ вами! Боже меня сохрани, я слишкомъ стара для васъ, да къ тому же, на всѣ длинные танцы у меня есть петербургскій кавалеръ.

— Онъ долженъ быть уменъ и милъ?

«Ну, точно смертный грѣхъ.

— Разговорчивъ?

«Да, имѣетъ большой навыкъ извиняться, въ каждомъ турѣ оборветъ мнѣ платье шпорами или наступитъ на ноги.

— Не умѣетъ ни говорить, ни танцовать; стало быть, онъ тронулъ васъ своими вздохами, страстными взглядами?

«Онъ такъ косъ, что не знаешь, куда онъ глядитъ и пыхтитъ на всю залу.

— За что же ваше предпочтеніе? Онъ богатъ?

«Я объ этомъ не справлялась, я его давно знаю, но въ Петербургѣ я съ нимъ ни разу не танцовала, здѣсь другое дѣло, онъ конногвардеецъ, а не студентъ и не архивецъ.

И въ самомъ дѣлѣ я имѣла неимовѣрную глупость прозѣвать съ этимъ конногвардейцемъ десять мазурокъ сряду, для того только, чтобъ мнѣ позавидовали московскія барышни. Извѣстно, какъ онѣ дорожатъ нашими гвардейцами; но на балѣ, данномъ въ собраніи по случаю пріѣзда в. к. Михаила Павловича, онъ чуть меня не уронилъ и я такъ на него разсердилась, что отказала на отрѣзъ мазурку и замѣнила его возвратившимся изъ деревни А., котораго для этого торжественнаго случая представили оффиціально Прасковьѣ Михайловнѣ подъ фирмою петербургскаго жителя и камеръ-юнкера.

Его высочество меня узналъ, танцовалъ со мною, въ мазуркѣ тоже выбиралъ два раза и смѣясь спросилъ: не забыла ли я Пестеля [1])?

Когда Лермонтову Сашенька сообщила о моихъ тріумфахъ въ собраніи, о шуткахъ великаго князя на счетъ Пестеля, я принуждена была разсказать имъ для поясненія о прежнемъ моемъ знакомствѣ съ Пестелемъ и его ухаживаніяхъ. Мишель то блѣднѣлъ, то багровѣлъ отъ ревности, и вотъ какъ онъ выразился:

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы лучшихъ дней.
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, — какъ прошлый часъ
На смѣхъ подосланный судьбой.
Надъ мною посмѣялась ты
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ,

[1]) Молодой человѣкъ, ухаживавшій за Е. А. въ петербургскомъ свѣтѣ.

Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ мнѣ подъ часъ:
«Я не могу любить другой!»
Но если первыя мечты
Служить не могутъ больше намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю —
А можетъ быть и въ небесахъ! [1])

Я не видала Лермонтова съ недѣлю, онъ накопилъ множество причинъ дуться на меня, онъ дулся за Пестеля, дулся кажется даже и за великаго князя, дулся за отказъ мазурки, а болѣе всего за то, что я безъ малѣйшей совѣсти хвасталась своими волосами. За ужиномъ у тетки Хитровой, я побилась объ закладъ съ добрымъ старичкомъ, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, о пудѣ конфектъ, за то, что у меня нѣтъ ни одного фальшиваго волоска на головѣ, и вотъ послѣ ужина всѣ барышни, въ надеждѣ уличить меня, принялись трепать мои волосы, дергать, мучить, колоть; я со спартанской твердостью вынесла всю эту пытку и предстала обществу покрытая съ головы до ногъ моей чудной косой. Всѣ ахали, всѣ удивлялись, одинъ Мишель пробормоталъ сквозь зубы: «какое кокетство!»

— Скажите лучше: какая жадность! Вѣдь дѣло идетъ о пудѣ конфектъ; утѣшьтесь, я подѣлюсь съ вами.

Насущные стихи, на другой день, грозно предвѣщали мнѣ будущее:

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ

[1]) Въ изд. соч. Лермонтова, 1860 г. т. II. стр. 87 — 88.

Передъ цол-міромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя; и вспомнишь ты.
Что при прощаньи я сказалъ.
Увы! то были не мечты!
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена,
То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена[1]).

Вечеромъ я получила записку отъ Сашеньки: она приглашала меня къ себѣ и умоляла меня простить раскаивающагося грѣшника и, въ доказательство истиннаго раскаянія, присылала новые стихи:

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей;
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ грусть — мой мрачный властелинъ
Все будитъ старину,
И я твержу вездѣ одинъ:
«Люблю тебя, люблю!»
И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ,
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Минувшимъ я гонимъ.
И гдѣ бъ ни вздумалъ я искать
Подъ небомъ тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
«Люблю ее одну»[2]).

Я отвѣчала Сашенькѣ, что записка ея для меня загадочна, что передо мной никто не виноватъ, ни

[1]) Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова, т. II, стр. 88 — 89.
[2]) Въ изд. 1860 г., мы не нашли этого стихотворенія.

въ чемъ не провинился и слѣдовательно мнѣ некого прощать.

На другой день я сидѣла у окошка, какъ вдругъ къ ногамъ моимъ упалъ букетъ изъ желтаго шиповника, а въ серединѣ торчала знакомая сѣрая бумажка, даже и шиповникъ-то былъ нарванъ у насъ въ саду.

Передо мной лежитъ листокъ
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой,
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать — какъ ужъ страдалъ! [1])

Изо всѣхъ поступковъ Лермонтова видно, какъ голова его была набита романическими идеями и какъ рано было развито въ немъ желаніе попасть въ герои и губители сердецъ. Да и я, нечего лукавить, стала его бояться, стала скрывать отъ Сашеньки его стихи и блаженствовала, когда мнѣ удавалось ее обмануть.

Въ то время былъ публичный экзаменъ въ университетскомъ пансіонѣ. Мишель за сочиненія и успѣхи въ исторіи получилъ первый призъ; весело было смотрѣть, какъ онъ былъ счастливъ, какъ торжествовалъ. Зная его чрезмѣрное самолюбіе, я ликовала за него. Съ молоду его грызла мысль, что онъ дуренъ, не складенъ, не знатнаго происхожденія, и въ минуты увлеченія онъ признавался мнѣ не разъ, какъ бы хотѣлось ему попасть въ люди, а главное, никому въ этомъ

---

[1]) Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова т. II, стр. 89.

не быть обязану кромѣ самого себя. Мечты его уже начали сбываться, долго, очень долго будетъ его имя жить въ русской литературѣ — и до гроба въ сердцахъ многихъ изъ его поклонницъ [1]).

Въ концѣ сентября, холера еще болѣе свирѣпствовала въ Москвѣ; тутъ окончательно ее приняли за чуму или общее отравленіе; страхъ овладѣлъ всѣми, балы, увеселенія прекратились, половина города была въ траурѣ, лица вытянулись, всѣ были въ ожиданіи горя или смерти, Лермонтовъ отъ этой тревоги вовсе не похорошѣлъ.

Отецъ мой прискакалъ за мною, чтобъ увезти меня изъ зачумленнаго города въ Петербургъ. Болѣе всего мнѣ было грустно разставаться съ Сашенькой, а главное, я привыкла къ золотой волюшкѣ, привыкла располагать своимъ временемъ — и вотъ опять должна возвратиться подъ тяжелое ярмо Марьи Васильевны!

Съ неимовѣрною тоскою простилась я съ бабушкой Прасковьей Петровной (это было мое послѣднее прощаніе съ ней), съ Сашенькой, съ Мишелемъ, грустно, тяжело было мнѣ! Не успѣла я зайти къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ Арсеньевой, что было поводомъ къ слѣдующимъ стихамъ:

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ — зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ, я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.

---

[1]) Эти строки написаны въ 1837 году, т. е. еще тогда, когда Лермонтовъ былъ живъ и имя его уже славилось во всей грамотной Россіи.

Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать,
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать![1])

1-го октября
1830 г.

Когда я уже усѣлась въ карету и дверцы захлопнулись, Сашенька бросила мнѣ въ окно вмѣстѣ съ цвѣтами и конфектами, исписанный клочекъ бумаги,—не помню я стиховъ вполнѣ:

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою
Прощай! шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ съ ея прекрасныхъ глазъ,
И можетъ быть... какъ знать... въ послѣдній разъ!

V.

Въ Петербургѣ. — Старый обожатель. — Смерть отца. — Альбомъ съ стихами Лермонтова. — Гаданье на новый годъ. — Сонъ въ руку. — На свадьбѣ въ Москвѣ. — Новый поклонникъ. — Опять Лермонтовъ и его стихи.

1830—1833 гг.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я очень холодно встрѣтилась съ Марьей Васильевной; дядя Николай Сергѣевичъ окончилъ слѣдствіе въ Велижѣ, такимъ образомъ мы всѣ съѣхались и жизнь наша пошла прежнимъ порядкомъ, однообразная, скучная, утромъ — слезы, вечеромъ — балъ.

[1]) Въ изд. 1860 г. соч. Лермонтова, т. II, стр. 89.

Флигель-адъютантъ Ш., произведенный въ генералы, тоже возвратился съ дядей и еще настойчивѣе сталъ за мною ухаживать, но я съ нимъ была гораздо суровѣе чѣмъ въ Велижѣ; тамъ онъ былъ одинъ, или почти одинъ, бѣдный князь стоялъ вдалекѣ, всегда безсловесный и разстроенный. На балахъ Ш. казался мнѣ смѣшнымъ вздыхателемъ съ своей лысиной, лоснящимся лицомъ, безпрестаннымъ дерганьемъ плечъ, украшенныхъ огромными эполетами, а главное, съ своими pas de pigeon въ мазуркѣ.

Мы смѣялись надъ нимъ и мнѣ удалось, по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, отдѣлаться отъ его преслѣдованій, когда онъ началъ свое объясненіе этой неумѣстной фразой: «знаете-ли, всѣ говорятъ, что я на васъ женюсь?»

— Какой вздоръ, отвѣчала я, развѣ не видятъ, что я обращаюсь съ вами, какъ съ дѣдушкой? А мнѣ право кажется, что вы однихъ лѣтъ съ дѣдушкой, оттого-то я и люблю съ вами говорить, даже и танцовать, потому что никому не придетъ въ голову выдавать меня за васъ, мой почтенный дѣдушка.

Я такъ ошеломила этимъ отвѣтомъ сѣдовласаго поклонника, что съ этого же вечера онъ пересталъ танцовать, а мнѣ этого только и надобно было. Онъ продолжалъ къ намъ ѣздить, говорилъ мнѣ о любви своей и, по стеченію разныхъ грустныхъ для меня обстоятельствъ, я почти дала ему слово, но въ это время мой отецъ умеръ скоропостижно. Его неожиданная, одинокая, несчастная кончина вѣроятно искупитъ передъ милосердымъ Господомъ много того, въ чемъ онъ былъ виноватъ передъ моею матерью; по крайней мѣрѣ я этого надѣюсь и объ этомъ молюсь.

Перескакиваю прямо въ деревню; и тутъ я попала

изъ огня въ пламя. Только-что избавилась отъ ухаживанія Ш., какъ начались опять подобныя преслѣдованія сосѣда нашего Л—го, того самаго, который танцовалъ со мною на балахъ и праздникахъ, данныхъ Островскимъ дворянствомъ по случаю коронаціи.

Но времена перемѣнились... Когда я съ нимъ познакомилась, мнѣ было четырнадцать лѣтъ и его вниманіе льстило моему самолюбію; но теперь я привыкла къ угожденіямъ и вниманію лучшихъ кавалеровъ и бѣдный сосѣдъ казался мнѣ смѣшнымъ съ своими высокопарными фразами и нижегородско-французскими отборными изреченіями. Онъ по̀ уши погрузился въ хозяйство, съ одушевленіемъ говорилъ объ удобреніи земли, съ восторгомъ объ уборкѣ хлѣба, почти съ слезами объ идилліяхъ M-me Deshouillères. Я выходила изъ себя всякій разъ, какъ онъ сватался за меня и изустно и письменно, въ стихахъ и въ прозѣ, черезъ сосѣдей и черезъ своихъ родныхъ, и всю губернію вмѣшалъ въ свое сватовство. Никогда не случалось мнѣ видѣть человѣка хуже его лицомъ и съ бо́льшими претензіями на туалетъ. Чего, бывало, не надѣнетъ онъ на себя: пестрый галстухъ, радужный жилетъ и все это прикроетъ гороховаго цвѣта шинелью съ безчисленнымъ множествомъ воротниковъ, отороченныхъ фіолетовымъ бархатомъ. Не могу удержаться, чтобъ не припомнить здѣсь нѣсколько строчекъ изъ его стиховъ:

Въ деревнѣ жить
Цвѣты садить
Въ поляхъ ходить—
Вотъ счастіе земное!
Любимымъ стать,
Своей назвать,
Руку снискать,
Вотъ это небылое!

Въ это время Сашенька прислала мнѣ въ подарокъ альбомъ, въ который всѣ мои московскія подруги написали увѣренія въ дружбѣ и любви. Конечно, дѣло не обошлось безъ Лермонтова. Вотъ его три стихотворенія:

Въ верху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Маитъ всегда.
Мои мечты
Она влечетъ
И съ высоты
Меня зоветъ!
Таковъ же былъ
Тотъ нѣжный взоръ,
Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ,
Какъ та звѣзда
Онъ былъ *высокъ* [1]).
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ
И безъ надеждъ
Къ нему взывалъ!

Я тогда имѣла привычку все смотрѣть въ верхъ и Лермонтовъ смѣялся надо мной и часто повторялъ, что сто́итъ быть у моихъ ногъ, чтобъ никогда не быть мной замѣчену.

Вотъ вторая его пьеса:

Я не люблю тебя! Страстей
И мукъ умчался прежній сонъ,
По образъ твой въ душѣ моей
Живетъ, хотя безсиленъ онъ.

Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть тебя не могъ,
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

На самомъ послѣднемъ листкѣ альбома было написано подражаніе Байрону:

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей,

---

[1]) Въ изд. 1860 г. т. II, стр. 101 напечатано: «далекъ».

Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой-нибудь остался слѣдъ.
Быть можетъ — нѣкогда случится,
Что всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: «онъ правъ!»
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца памятникъ могильный [1]). 1831 г.

Теперь я разскажу о моемъ гаданьѣ на новый 1832 годъ. Меня научили прочесть сорокъ разъ «Отче Нашъ» и положить сорокъ земныхъ поклоновъ, потомъ, ложась спать, сказать: «Суженый-ряженый, приснися мнѣ». Я все это исполнила и вотъ, что я видѣла во снѣ: я была на большомъ балѣ, танцовала, пріѣхали щегольскія маски, окружили меня; одна изъ нихъ, переодѣтая въ разносчика съ большимъ лоткомъ, меня ни на минуту не оставляла, все говорила о своей любви и передъ отъѣздомъ, взявъ съ лотка хрустальную собачку, державшую во рту письмо съ моимъ вензелемъ, подала мнѣ ее, сказавъ: «ne faites pas attention à ce petit cadeau, mais bien à son emblème».

Я разсказала многимъ этотъ сонъ, въ томъ числѣ и теткѣ, кончила разумѣется тѣмъ, что забыла про него. Осенью того же года, сталъ за мною неотступно ухаживать конногвардеецъ Г-нъ. Онъ былъ не дуренъ, не глупъ, славно танцовалъ, прекрасно говорилъ по-французски, былъ принятъ въ лучшемъ обществѣ, сло-

[1]) Въ изд. 1860 г., т. II, стр. 101—102, въ отдѣлѣ стихотвореній 1830—1831 гг.

вомъ былъ, какъ говорится въ свѣтѣ, для всякой дѣвушки выгодный женихъ, и всѣ маменьки ухаживали за нимъ и за его братьями. Марья Васильевна, напротивъ, была съ нимъ неучтива до дерзости, потому что онъ на первыхъ порахъ бальнаго знакомства не обратилъ на нее никакого вниманія и не убоялся ея суровыхъ взглядовъ, продолжая слѣдить за мною шагъ за шагомъ, не скрывая ни отъ кого своей страсти ко мнѣ. Я даже увѣрена, что имъ были подкуплены наши люди; онъ до малѣйшей подробности зналъ, что̀ дѣлалось у насъ, что̀ говорилось, кто чаще посѣщалъ насъ, куда мы ѣздили, поэтому я его встрѣчала по нѣскольку разъ въ день и безъ суровости къ нему Марьи Васильевны, такой настойчивости довольно было, чтобъ заинтересовать меня и расположить въ его пользу. Но я не любила его, даже онъ мнѣ нравился менѣе чѣмъ Пестель и Хвостовъ, который въ то время служилъ въ персидскомъ посольствѣ, но моя метода продолжалась: идти во всемъ наперекоръ теткѣ.

Г—нъ черезъ всѣхъ нашихъ общихъ знакомыхъ пытался попасть къ намъ въ домъ; но Марья Васильевна была злопамятна къ его невниманію и не соглашалась принять его; онъ не переставалъ настаивать. Такимъ образомъ наступилъ 1833 годъ. Мы встрѣтили его на балѣ Б., я обѣщала еще прежде танцовать мазурку съ Г—нымъ. Одинъ изъ его братьевъ предупредилъ меня, лишь только я пріѣхала, что можетъ быть братъ его немного опоздаетъ въ чемъ проситъ у меня извиненія и умоляетъ начать мазурку съ нимъ; я согласилась, но подставной мой кавалеръ надоѣдалъ мнѣ, расхваливая слишкомъ отсутствующаго, разсказывая мнѣ, какъ онъ любитъ меня, какъ былъ бы счастлпвъ, если бы я согласилась выйти за него

замужъ. Я догадалась, что онъ мнѣ говоритъ вытверженный урокъ и отшучивалась какъ могла. Вдругъ вошли маски; разносчикъ съ лоткомъ подбѣжалъ ко мнѣ и подалъ мнѣ точно такую хрустальную собачку, какую я видѣла во снѣ и повторилъ тѣ же самыя слова: «ne faites pas attention à ce petit cadeau, mais bien à son emblème». Маска не перемѣнила голоса, я съ перваго слова узнала Г—на, въ одну минуту припомнила свой сонъ до малѣйшей подробности, вообразила себѣ, что передо мной стоитъ мой суженый и дрожащею рукою взяла собачку, назвавъ разносчика по имени. Онъ видѣлъ мое смущеніе, и, какъ всѣ эти господа, перетолковалъ его въ свою пользу, схватилъ мою руку, увѣряя меня въ любви, преданности, вѣрности и просилъ позволенія объясниться съ родными. А я, потерявъ совершенно голову, просила его подождать, стараться понравиться Марьѣ Васильевнѣ, попытаться еще ѣздить къ намъ и послѣ, если онъ не измѣнитъ чувствъ своихъ ко мнѣ, просить моей руки. Все это такъ внезапно устроилось, что я была какъ въ чаду, говорила безъ сознанія, въ полной увѣренности, что Г—нъ предназначенъ мнѣ судьбою. А всему виной было гаданье и святочный мой сонъ.

Я разсказала его Г—ну и онъ раздѣлялъ мое убѣжденіе.

Возвратясь домой, я углубилась въ размышленія, анализировала свои чувства и не нашла въ сердцѣ своемъ и тѣни любви къ Г—ну. Мнѣ страшно было выходить замужъ безъ малѣйшаго призрака чувства, но я не имѣла никакой причины отвергнуть его предложеніе и, махнувъ рукой, успокоила себя страннымъ изреченіемъ: суженаго конемъ не объѣдешь.

Между тѣмъ онъ началъ увиваться около Марьи

Васильевны и даже на балахъ, замѣнивъ себя въ мазуркѣ однимъ изъ братьевъ своихъ, поигрывалъ въ вистъ съ нею; я ему подсказала, что это одна изъ ея слабѣйшихъ струнъ; но она все-таки не смягчилась и увѣнчала свое мщеніе тѣмъ, что, задавъ балъ, пригласила всѣхъ моихъ приверженцевъ, даже братьевъ Г-ныхъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Этимъ она въ одно время нанесла ударъ его самолюбію, а мнѣ окончательно доказала свое недоброжелательство и выиграла только то, что я не на шутку убѣдилась, что я — героиня романа, окруженная жестокими стражами, а Г-нъ — мученикъ любви; я преувеличивала себѣ его неловкое положеніе въ свѣтѣ, жалѣла о немъ, почти готова была полюбить его, лишь бы идти противъ Марьи Васильевны въ бой. Одно меня охлаждало: Г-нъ былъ рабомъ моимъ, а я искала въ мужчинѣ, котораго желала бы полюбить, которому хотѣла бы принадлежать, идеала, властелина, а не невольника, я хотѣла бы удивляться ему, унижаться передъ нимъ, смотрѣть его глазами, жить его умомъ, слѣпо вѣрить ему во всемъ,—но съ Г-нымъ мы были равны. На нашемъ балѣ я все танцовала съ его братьями, оба говорили мнѣ объ его отчаяніи отъ грубаго поступка Марьи Васильевны, представляли мнѣ, что въ сущности я не завишу отъ нея, что я должна рѣшиться бѣжать съ нимъ и тайно отъ тетки обвѣнчаться, что онъ все приготовитъ, лишь бы я только согласилась, и тотчасъ послѣ свадьбы уѣдетъ въ Москву на житье.

Первый разъ послѣ этого вечера, какъ я встрѣтилась съ Г-нымъ, онъ самъ старался убѣдить меня не подчиняться несправедливости родныхъ, когда дѣло шло о счастіи всей моей жизни, что съ нимъ я буду счастлива, что онъ мнѣ посвятитъ жизнь свою, что

въ его семействѣ я найду истинныхъ родныхъ и друзей, а если съ своими родными я разсорилась бы и навсегда, то судя по многому, потеря была бы не велика. Я не знала, что мнѣ дѣлать, онъ такъ страстно уговаривалъ меня, даже плакалъ, братья его умоляли меня о счастіи его, общіе друзья наши Р. и В. тоже мнѣ проповѣдовали, я просила его дать мнѣ двѣ недѣли на размышленіе, но ничего еще не обѣщала рѣшительнаго.

Боже мой! что я перечувствовала, что я выстрадала въ это время, я не могу описать! Всѣ почти ночи на пролетъ я ходила по комнатѣ; наконецъ я посовѣтовалась съ однимъ изъ моихъ cousins, Ростиславомъ Д-мъ. Онъ тоже самое мнѣ совѣтовалъ, то-есть: бѣжать съ Г-нымъ и скорѣе освободиться отъ моихъ гонителей. Я продолжала выѣзжать всюду и всѣхъ пугала своей блѣдностью и изнуреннымъ видомъ, но Г-нъ находилъ меня еще милѣе и былъ еще влюбленнѣе. Наконецъ я дала ему слово; назначено было съѣхаться у общей нашей повѣренной, куда бы пріѣхали и его свидѣтели и мой cousin; все было улажено, я все приготовила къ побѣгу, написала прощальное письмо Марьѣ Васильевнѣ. Насталъ этотъ день, и тутъ немного поздно, сознаюсь, я размыслила, сколько будетъ невыгодныхъ толковъ обо мнѣ, какъ неумолимый свѣтъ радъ будетъ припомнить всѣ прежнія исторіи нашего семейства, потревожитъ память усопшихъ; я думала обо всемъ этомъ, какъ настала рѣшительная минута. Я судорожно взяла клочекъ бумаги и написала Г-ну:

«Забудьте меня, разлюбите меня, но только не презирайте и не считайте меня кокеткой. У меня не достаетъ духу бѣжать и сдѣлать огласку. Можетъ

быть со временемъ вы бы меня упрекнули этимъ поступкомъ и тогда мы оба были бы несчастны, и навсегда несчастны. Будьте, будьте счастливы, а для себя я надѣюсь, что мнѣ не долго остается жить».

Всѣ наши повѣренные возстали на меня. Г-нъ перемѣнилъ службу и долженъ былъ оставить Петербургъ. Передъ его отъѣздомъ я встрѣтилась съ нимъ; онъ сказалъ мнѣ, что все по прежнему меня любитъ и не возвратитъ мнѣ даннаго ему слова прежде истеченія года и будетъ стараться отклонить всѣ преграды. Онъ былъ такъ искренно несчастливъ, что я обѣщала ему ни на что не рѣшаться до истеченія назначеннаго имъ срока. Онъ уѣхалъ.

Тутъ я стала душевно жалѣть о немъ, такъ что здоровье мое совершенно разстроилось, біеніе сердца мучило и истощало меня. Тетка не заботилась о моемъ здоровьѣ, а очень мило подсмѣивалась, что «внезапный отъѣздъ невѣрнаго причиною моей вымышленной болѣзни и вымышленной только для того, чтобъ до него дошли слухи, какъ я чахну по немъ». Я отвѣчала однимъ презрительнымъ молчаньемъ на всѣ ея выходки. Однако я видимо худѣла и блѣднѣла, меня увезли въ деревню, но не для подкрѣпленія здоровья, а по принятому обычаю оставлять весной Петербургъ.

Къ намъ въ деревню пріѣхалъ мой Велижскій обожатель, князь Д. и посватался за меня. Я конечно ему отказала, за что Марья Васильевна очень разгнѣвалась; робкій князь былъ ей по душѣ. Она непремѣнно желала, чтобъ я выбрала такого мужа, которымъ она могла бы командовать, какъ и мной, не заботясь, нравится-ли онъ мнѣ и буду-ли я съ нимъ счастлива. Князя нельзя было сравнить съ Г-нъ: это былъ необразованный помѣщикъ, хотя и добрый, че-

стный человѣкъ. Отказъ мой совершенно его уничтожилъ; онъ плакалъ, какъ дитя и чтобъ смягчить мой отказъ, я ему ввѣрила мои отношенія къ Г-ну, хотя и не скрыла, что не люблю его, а только предпочитала многимъ. Бѣдный князь уѣхалъ и полгода спустя умеръ въ сильнѣйшей чахоткѣ.

Долго упрекала я себя въ его смерти, но когда настала и мой часъ любить и любить безнадежно, совѣсть моя успокоилась и я по опыту узнала, что отъ любви и отъ отчаянья не умираютъ.

„Mais on ne meurt ni d'amour, ni de larmes,
„Car je l'ai tant aimé, car je l'ai tant pleuré!“

Теперь уже прошло болѣе трехъ лѣтъ послѣ разрыва съ Г-мъ и я часто удивляюсь, зачѣмъ я не вышла за него? Мнѣ бы должно было на одномъ изъ баловъ, просто на просто дать ему слово, да тутъ-же и представить его теткѣ, какъ жениха, но я такъ поддалась ея власти, такъ отупѣла, что мнѣ и на умъ не приходило идти явно противъ нея. Теперь-же день ото дня жизнь моя съ нею становится невыносимѣе и я предчувствую, что она доведетъ меня до отчаянія и я выйду за перваго встрѣчнаго.

Я съ нѣкотораго времени принялась курить трубку и сигары, но не по вкусу, а оттого, что отъ нихъ мнѣ дѣлается дурно, я докуриваюсь до безчувствія и тогда забываю свои душевныя страданья; а лишь только мнѣ сдѣлается легче, я опять принимаюсь за трубку и опять курю до дурноты. Однако я боюсь, чтобъ мнѣ не привыкнуть курить; бѣда, если это противное зелье потеряетъ надо мною свою силу; гдѣ мнѣ тогда искать забвенья всего, что было, что есть и чему, по несчастію, я не предвижу исхода?....

Въ маѣ мѣсяцѣ 1833 года, мы поѣхали въ Москву; одна изъ моихъ кузинъ[1]) выходила замужъ за очень богатаго и знатнаго человѣка.

Свадьба эта сладилась совершенно неожиданно для всѣхъ насъ и грустно удивила меня. Кузина, за недѣлю до рѣшенія своей судьбы, писала мнѣ и съ отчаяніемъ говорила о своей пламенной и неизмѣнной любви къ другому, даже умоляла Марью Васильевну употребить свое вліяніе на брата, чтобъ упрочить ея счастіе бракомъ, на который онъ не соглашался, потому что женихъ былъ бѣденъ. И вдругъ вслѣдъ за этимъ письмомъ, мы получаемъ другое письмо, съ извѣщеніемъ объ ея помолвкѣ съ богачемъ!

Грустно мнѣ было ѣхать въ Москву, гдѣ незадолго передъ этимъ скончалась бабушка Прасковья Михайловна. Первый мой выѣздъ былъ на ея могилу въ Дѣвичьемъ монастырѣ;—какъ горько я плакала, какъ усердно молилась, чтобъ Господь пресѣкъ и мою грустную жизнь; мнѣ некого было оставлять, некого жалѣть, одна лишь дружба Сашеньки блѣдно свѣтилась мнѣ въ будущемъ. О родныхъ же я не думала... Въ однихъ только молитвахъ я находила успокоеніе.

Я не боялась смерти для себя; мнѣ всегда казалось, что жизнь человѣка ограничена или по испытанію его, или по мѣрѣ пользы, которую онъ можетъ принести на землѣ; и если мое существованіе по предвидѣнію Бога не нужно для другихъ, то Онъ пресѣчетъ его. Я часто въ этомъ смыслѣ думаю о смерти и повторяю себѣ: «здѣсь кто-нибудь погруститъ обо мнѣ, а тамъ уже многіе ждутъ меня».

Съ волненіемъ, съ безпокойствомъ ждала я пер-

[1]) Евдокія Петровна Сушкова, вышедшая замужъ за графа А. Ѳ. Ростопчина.

вой встрѣчи съ кузиной; я не радовалась за нее, но оплакивала судьбу ея: я не понимала возможности выдти замужъ любя другого и такая свадьба мнѣ казалась мрачнѣе бала безъ кавалергардовъ,— сильнѣе этого сравненія я тогда не могла подобрать.

Но какъ выразить мое изумленіе, я не вѣрила глазамъ и ушамъ своимъ, когда меня встрѣтила кузина. не блѣдная, не исхудалая, не грустная, но веселая, цвѣтущая, счастливая! Первое ея восклицаніе было: «представь себѣ, Cathérine, вся Москва завидуетъ моей участи, моимъ брилліантамъ, а какой у меня будетъ кабинетъ! просто игрушечка; женихъ мой во всемъ совѣтуется со мной!»

И смотря на нее безсмысленными глазами, мнѣ въ первый разъ запала въ сердце безотрадная мысль: стало быть богатство и знатность могутъ замѣнить любовь? — Мнѣ сдѣлалось невыносимо грустно: неужели, думала я, и мнѣ суждено выдти замужъ по разсчету?

Свадьба была блистательная, молодые казались счастливыми, обѣды и балы обыкновенной чередой смѣнялись одинъ за другимъ. На прекрасномъ балѣ молодыхъ, мнѣ пришлось протанцовать раза три съ какимъ-то очень молодымъ человѣкомъ; мнѣ его представили, я не разслышала его фамиліи, да и не освѣдомилась о ней и послѣ продолжительной мазурки, хотя разговоръ моего кавалера нравился мнѣ проблесками чувства и наивнаго удивленія, внушеннаго ему мною.

Мнѣ грустно было не найти Сашеньки въ Москвѣ; частая переписка съ ней упрочила нашу дружбу; я знала однакоже, что она скоро пріѣдетъ и будетъ жить опять рядомъ со мной, у двоюроднаго брата своего

Леонида Ло—на; я знала его только по похваламъ, которыя она расточала ему въ своихъ письмахъ. Я ждала Сашеньку съ нетерпѣніемъ, заранѣе радуясь бесѣдамъ нашимъ втроемъ, предполагая, что Леонидъ замѣнитъ намъ Лермонтова, оканчивавшаго тогда свое воспитаніе въ Петербургѣ въ школѣ подпрапорщиковъ и юнкеровъ; вопреки опасеніямъ своей бабушки, онъ вступилъ въ военную службу.

Дня черезъ три послѣ свадьбы молодыхъ, мнѣ доложили о пріѣздѣ Леонида и что онъ дожидается меня въ гостинной съ письмомъ отъ Сашеньки. Я поспѣшила къ нему, и что-же? Это былъ мой мазуристъ, мой знакомый-незнакомецъ. Мы оба ахнули и вскрикнули вмѣстѣ: «Вы братъ Сашеньки»?—«Вы другъ Сашеньки»? и оба замолчали и растерялись.

— Я буду вѣрить въ предчувствіе, сказалъ онъ наконецъ.

Оправившись отъ глупаго замѣшательства, я какъ будто не разслышала его восклицанія и сказала ему:

— Вижу, что рекомендаціи Сашеньки я обязана тѣмъ, что имѣла кавалера въ незнакомомъ мнѣ обществѣ; согласитесь, вы по заказу танцовали со мной?

— Божусь, я не зналъ вашего имени; неужели бы я не поговорилъ съ вами о Сашенькѣ? Вѣрьте, всегда и вездѣ я бы отличилъ васъ безъ чужого вмѣшательства; теперь я не могу скрыть мою радость, узнавъ, что вы другъ ея и что я могу надѣяться васъ часто видѣть.

Торжественный входъ тетокъ прервалъ нашъ разговоръ; онѣ сурово взглянули на меня и при нихъ я, какъ улитка, вошла въ свою скорлупу, замолчала и усѣлась въ уголокъ. Леонидъ пробылъ у насъ цѣлый день; онъ съумѣлъ дать мнѣ почувствовать, что понялъ мою незавидную долю.

Послѣ этого перваго и продолжительнаго посѣщенія, Леонидъ находилъ случай бывать у насъ почти ежедневно; то принесетъ книжку, то обѣщаетъ ноты, то забудетъ свой хлыстикъ или тросточку. Часто мы имѣли случаи говорить наединѣ и тогда разговоры наши становились задушевными и сближали насъ почти безъ вѣдома нашего. Онъ какъ будто сговорился со мной, при теткахъ не обращалъ на меня никакого вниманія, разговаривалъ только съ ними, угождалъ имъ однѣмъ и этимъ равнодушіемъ отвлекалъ отъ меня выговоры, которыхъ иногда былъ свидѣтелемъ. И такъ, безъ лишнихъ словъ мы поняли и оцѣнили другъ друга и вѣрили взаимному нашему сочувствію. Какая-то непонятная симпатія связала насъ; послѣ первыхъ двухъ свиданій мы были какъ давнишніе, короткіе знакомые.

Вѣрь же послѣ этого симпатіи; она, какъ и многое другое въ свѣтѣ, ни чѣмъ не объясняется, ни къ чему не ведетъ!

Я считала Л—на другомъ и мысль, что онъ можетъ полюбить меня иначе, ни разу не пришла мнѣ въ голову.

Мнѣ съ нимъ было весело; живое его участіе мнѣ было пріятно; его ежеминутныя угожденія льстили моему самолюбію, но всѣ эти чувства были такъ тихи, такъ безмятежны, даже какъ-то успокоительны для меня, что отдаляли всякую мысль о любви, которую я всегда представляла себѣ огнемъ разрушительнымъ, но которой, однакоже, алкала моя пылкая душа.

«О, какъ бы я любила!»—говорила я себѣ,—«но кого же любить? Любовь и самоотверженіе вышли изъ моды, точно также, какъ и древнія монеты и древнія дорогія вещи; никому почти ихъ не нужно; гдѣ же и

я для моего сокровища найду знатока—антикварія,—подожду».

Кромѣ ежедневныхъ и продолжительныхъ посѣщеній Л—на, онъ слѣдилъ за нами, какъ тѣнь; куда бы мы ни поѣхали, въ церковь, на гулянье, въ театръ, на вечеръ,—онъ тутъ какъ тутъ. Наконецъ тетки замѣтили его ухаживанье, ихъ насмѣшкамъ и пересудамъ не было конца; особливо Марья Васильевна упрекала меня въ кокетствѣ, въ желаніи вскружить голову мальчишкѣ, у котораго, по ея словамъ, и молоко на губахъ не обсохло. Она кажется забыла, что кузина, недавно вышедшая замужъ, старѣе своего мужа тремя годами, а между мною и Леонидомъ не было и двухъ лѣтъ разницы; впрочемъ, не въ первый разъ Марья Васильевна старалась разстроить выгодную для меня партію.

Тутъ она перемѣнила обращеніе съ Л—хинымъ и онъ попалъ подъ одинаковую опалу съ Г—мъ.

Между тѣмъ, время шло своимъ чередомъ; каждый день начинался свиданіемъ съ Л—нымъ: всякое утро онъ ходилъ пѣшкомъ на должность мимо нашихъ оконъ и когда никого не бывало въ комнатѣ, то поговоритъ со мною, а при другихъ молча раскланяется. Наконецъ Алина возвратилась, мнѣ опять позволили проводить у нее цѣлые дни; родные мои были настойчивы и все еще надѣялись сосватать ее за дядю, какъ бы то ни было; я поддалась имъ, поддерживала эту несбыточную надежду. Дни, проведенные съ Сашенькой, были для меня днями счастія, потому что я искренно ее любила и слѣпо вѣрила ея дружбѣ; но скоро, слишкомъ скоро послѣдствія доказали, какъ много я въ ней ошиблась и сколько горя, слезъ и разочарованія принесла мнѣ ея лицемѣрная дружба, а можетъ быть и совсѣмъ сокрушила мою судьбу.

Мы всѣ дни проводили втроемъ, въ кабинетѣ Л—хина; читали, болтали, гуляли, катались, всегда вмѣстѣ. Изрѣдка, бывало, заглянетъ къ намъ старушка-мать Сашеньки, но избалованная дочка, безъ дальныхъ околичностей, спроваживала ее словами: «Maman, какія вы недогадливыя, сколько разъ повторяла я вамъ, что вы насъ женируете; пошли-бы къ себѣ на верхъ, вамъ тамъ спокойнѣе».

И бѣдная старушка, «лицо безъ рѣчей», безпрекословно повиновалась требованіямъ капризной и взыскательной своей дочки.

Въ этотъ годъ я замѣтила большую перемѣну въ Сашенькѣ, неровность въ характерѣ, несвойственную ей задумчивость; то черезъ-чуръ разболтается, то вдругъ замолкнетъ и слова не добьешься отъ нея. Я догадывалась, что она влюблена, но въ кого?

Много ломала я надъ этимъ вопросомъ свою голову, зорко смотрѣла на всѣхъ молодыхъ людей, но ни одного не находила достойнымъ внушить ей любовь.

Сашенька въ этотъ разъ удивляла своей настойчивостью дразнить меня страстью, которую я, по словамъ ея, внушала Лермонтову; всякій разъ, бывало, когда Л—хинъ оживится слишкомъ въ разговорѣ со мной, или призадумается глядя на меня, Сашенька совсѣмъ не кстати заговоритъ о влюбленномъ отрокѣ-поэтѣ, пустится разсказывать Л—хину, какъ любилъ онъ меня, какъ ревновалъ, какъ воспѣвалъ, какъ бѣсился на мое равнодушіе и къ довершенію продекламируетъ его стихи, посвященные мнѣ. Л—хинъ, повидимому, какъ бы не вслушивался въ эти разсказы, посвистываетъ себѣ французскіе водевильные куплеты, насупится и промолчитъ все остальное время нашей бесѣды, а иногда прежде окончанія ея разсказа совсѣмъ скроется.

Одинъ разъ послѣ подобной выходки, Сашенька, внимательно посмотрѣвъ на меня, сказала: «какъ тебя любитъ Л—хинъ!»

— Полно, Сашенька; ты во всѣхъ подозрѣваешь любовь ко мнѣ; Л—хинъ такъ холоденъ, такъ разсудителенъ, что вѣрно никого и никогда не полюбитъ.

— Онъ холоденъ? онъ не любитъ тебя? пожалуй, ты тоже не замѣтила, какъ онъ ревнуетъ тебя къ памяти Лермонтова. Одно имя нашего поэта выводитъ его изъ себя; съ какимъ волненіемъ тогда онъ смотритъ на тебя, съ какими пожирающими взорами слѣдитъ за каждымъ твоимъ движеніемъ; да, онъ любитъ тебя страстно и — ты это давно знаешь.

— Перестань, Сашенька; для меня главное достоинство Л—хина и Лермонтова то, что они твои братья и дружба моя къ тебѣ отражается въ непринужденномъ, дружескомъ моемъ обращеніи съ ними; особливо на Л—хина я смотрю какъ на хорошаго пріятеля и не имѣю притязаній на болѣе нѣжное чувство съ его стороны. Успокойся, ни тотъ, ни другой не могутъ полюбить меня, я старѣе ихъ почти двумя годами.

— А кузина твоя, развѣ не старѣе своего мужа? а ты гораздо ее моложавѣе; да это все пустыя отговорки, я стою на своемъ: Л—хинъ тебя любитъ, да и ты его любишь, можетъ быть ты еще не созналась и себѣ въ этомъ чувствѣ.

— Да кажется, я никогда не сознаюсь.

— Хорошо, только вѣрь моему предчувствію; вы полюбите другъ друга, или правильнѣе сказать, вы уже оба влюблены.

— Сашенька, по моему, любить и влюбиться двѣ разныя вещи; влюбляешься на время въ хорошенькое лицо, полюбуешься имъ, а потомъ и забудешь — а

любить, любить можно только разъ въ жизни, но любить безпредѣльно, безконечно, съ самозабвеніемъ, не разсчитывая на взаимность, не давая себѣ отчета почему и зачѣмъ любишь. Вотъ какъ я понимаю любовь, вотъ какъ я хочу любить.

Я не успѣла кончить послѣднихъ словъ, какъ вошелъ Л—хинъ. Я вспыхнула при мысли, не слыхалъ-ли онъ моихъ объясненій о любви и о влюбленности; мнѣ было неловко, я имѣла видъ виноватой.

Сашенька коварно улыбалась и, къ довершенію моего замѣшательства, ушла одѣваться, препоручивъ мнѣ продолжать съ Л—нымъ мои пренія о чувствахъ. Онъ смотрѣлъ на меня во всѣ глаза и рѣшительно не понималъ, отчего я такъ сконфузилась.

— Что съ вами спросилъ онъ съ безпокойнымъ участіемъ.

— Мнѣ грустно, отвѣчала я едва внятно и въ самомъ дѣлѣ слезы приступили мнѣ къ горлу и душили меня.

— Кабы вы знали, какъ мнѣ-то грустно; говорятъ — молодость счастье, нѣтъ! если-бы мнѣ было лѣтъ двадцать пять, я былъ-бы счастливѣе; отецъ не противился-бы моимъ желаньямъ, Сашенька не подшучивала-бы надо мною, а теперь всѣ меня попрекаютъ моими девятнадцатью годами. А вѣдь мнѣ скоро будетъ двадцать лѣтъ. Скажите, я еще очень молодъ?

— Какъ, развѣ вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— Нѣтъ, по несчастію, я знаю, что я молодъ, но слишкомъ-ли я молодъ, чтобъ жениться?

— Конечно.

— Но вѣдь многіе женятся въ мои лѣта, вотъ напримѣръ молодой, у котораго мы познакомились на балѣ.

— Онъ былъ такъ влюбленъ!

— А я развѣ не влюбленъ? развѣ я еще не могу любить? Неужели вы ничего не замѣтили?

Возвращеніе Сашеньки помѣшало Л—хину продолжать разговоръ.

Между тѣмъ Сашенька прямо заговорила о Лермонтовѣ и дала мнѣ двѣ его пьесы, которыя съ 1830 года хранились у нея.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ — и серебряный прахъ
Отъ нея разсыпаясь бѣжитъ.

* * *

Но поймать ты не льстись и ловить берегись—
Обманчивы лучъ и волна,
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойдетъ и заблещетъ она!

* * *

Свѣтлой радости такъ безкопечной призракъ
Насъ манитъ подъ холодною мглой,
Ты къ нему — онъ шутя убѣжитъ отъ тебя,
Ты обманутъ, — онъ вновь предъ тобой.

1830 г.

Л—хинъ читалъ стихи, Сашенька нѣсколько разъ повторила: «обманчивы лучъ и волна». Потомъ продекламировала сама слѣдующую пьесу съ большой напыщенностію, подчеркивая, если можно такъ сказать, нѣкоторыя выраженія:

РОМАНСЪ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.

* * *

Слеза по щекѣ огневая катится—
Она не изъ сердца идетъ:
Что̀ въ сердцѣ обманутомъ жизнью хранится,
То въ немъ и умретъ.

* * *

Не смѣйте искать въ той груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ:
Когда я свои презираю мученья,
Что̀ мнѣ до страданій чужихъ?

* * *

Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать:
Я-бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ.
А я не люблю вспоминать!

* * *

Намъ память являетъ ужасныя тѣни,
Кровавый былого призракъ,
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ.

* * *

Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ безъ надеждъ воротится,
Жалѣя о краѣ родномъ.

1831 г.

Сашенька обратилась ко мнѣ съ этими словами:

— Согласись, Catherine, что Лермонтовъ не только поэтъ, но даже пророкъ.

— Я не понимаю тебя.

— Видишь, онъ говоритъ объ умершей дѣвицѣ, а вѣдь ты для него точно умерла, никогда не говоришь о немъ, я это ему напишу.

— Напиши и поклонись ему отъ меня; ты пошлешь ему въ одно время и клевету и опроверженіе.

Намъ пришли сказать, что экипажи готовы, и мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Нескучное.

Погода была чудесная; театръ, устроенный въ саду подъ открытымъ небомъ, восхитилъ меня; декораціями служили вѣковыя деревья, журчащій ручеекъ, дерновыя скамьи и кусты махровыхъ розъ.

Во время антрактовъ дамы перебѣгали изъ ложи въ ложу, въ креслахъ тоже пестрѣли нарядныя дамскія шляпки, кавалеры подносили своимъ избраннымъ и ихъ безмолвнымъ и неулыбающимся тѣлохранительницамъ букеты, фрукты и мороженое. Л-хинъ конечно не забылъ меня; онъ далъ мнѣ букетъ изъ бѣлыхъ розъ и незабудокъ, а Марьѣ Васильевнѣ изо всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и травъ, и обѣ мы были довольны его выборомъ.

Нескучное очаровало меня и если-бы не Сашенька, которая своими насмѣшками о любви Л—хина привила мнѣ какую-то неловкость, принужденность и робость въ отношеніи моемъ съ нимъ, я бы всегда вспоминала объ этомъ вечерѣ, какъ объ одномъ изъ лучшихъ въ моей жизни.

Л—хинъ, видя, какъ мнѣ понравилось Нескучное, тутъ же предложилъ устроить пикникъ; даже и Марья Васильевна не возстала противъ этого намѣренія, кажется потому, что онъ ей первой сообщилъ о немъ. День пикника былъ назначенъ и всѣ присутствующіе приглашены. Я, царица торжества, чуть-чуть было не просидѣла дома, и вотъ по какой причинѣ: наканунѣ пикника былъ танцовальный вечеръ у тетки моей, Хитровой. Какой-то глупенькій Ваничка Т. удостоилъ меня своимъ вниманіемъ; это еще не бѣда и — скромность въ сторону—не новость; а вотъ въ чемъ бѣда: Ваничка, танцуя со мной мазурку и усаживаясь на стулъ, клалъ ногу на ногу и болталъ ею. Конечно, мнѣ досталось, зачѣмъ я позволила своему кавалеру

брать такія вольности, допустить до такого дерзкаго обращенія, и что еслибы я съ нимъ такъ охотно не разговаривала, онъ не посмѣлъ-бы такъ явно мнѣ манкировать. Я очень почтительно выслушала всѣ послѣдующія нравоученія, думая, что этимъ дѣло и кончится. Не тутъ-то было!

На другой день, за утреннимъ чаемъ, обычный семейный конгрессъ рѣшилъ, что если вчерашній неучъ будетъ на пикникѣ, меня подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ оставятъ дома. На счастье мое, къ вечеру Марья Васильевна устала, легла отдохнуть, а меня отправила къ Сашенькѣ съ Прасковьей Васильевной, наказывая ей, что если Ваничка будетъ въ числѣ приглашенныхъ, извиниться ея нездоровьемъ и увезти меня домой, чтобъ читать ей вслухъ какой-то новый романъ, — но если Ванички не будетъ на пикникѣ, то до пріѣзда Марьи Васильевны прямо въ Нескучное, препоручить меня покровительству Сашенькиной матери.

Легко угадать мое волненіе, но трудно представить себѣ то, что со мною было, когда первая особа, стремглавъ бросившаяся снимать мое манто, былъ этотъ противный Ваничка; но и тутъ близорукость Прасковьи Васильевны оказала мнѣ большую услугу: она не узнала его по обыкновенію и тотчасъ освѣдомилась объ имени этого блѣднаго незнакомца.

«Это нашъ петербургскій знакомый», отвѣчала я,—«но забыла его фамилію».

Такъ дѣло и обошлось. Ввѣряя меня Сашенькиной матери, тетка добродушно поздравила меня съ отсутствіемъ дерзкаго мальчишки.

Всѣ мы весело отправились въ Нескучное. Я разсказала Сашенькѣ и Л—хину, подъ какимъ глупымъ

предлогомъ меня не хотѣли пустить на ихъ пикникъ и смѣясь, мы всѣ вмѣстѣ благословляли близорукихъ. Когда-же пріѣхала Марья Васильевна, Л—хинъ поспѣшилъ сказать ей: «не вы однѣ пожаловали къ намъ прямо изъ дома, вотъ и Ваничка Т. тоже самое сдѣлалъ».

Мы пили чай, ѣли фрукты, мороженое, бѣгали въ горѣлки, долго гуляли всѣ вмѣстѣ, но кончилось какъ обыкновенно—всѣ разбрелись въ разныя стороны. Я шла подъ-руку съ Л—нымъ, дядя-женихъ велъ Сашеньку. Мы заговорились, отстали и очутились въ темной, неосвѣщенной аллеѣ; я замѣтила это первая и вздрогнула при мысли о насмѣшкахъ Сашеньки, о ворчаньи тетокъ и силой повлекла назадъ Л—хина, говоря ему: «вернемтесь скорѣе, ради Бога скорѣе, гдѣ же наши»?

— Не тревожьтесь; видите, вблизи мелькаютъ плошки, тамъ виднѣется главная аллея, мы догонимъ нашихъ, лишь только захотимъ этого.

— Да я сейчасъ хочу соединиться съ ними; вы знаете строгость тетокъ, а Сашенька-то? какъ она будетъ подсмѣиваться? что́ она скажетъ?

— Она, какъ и другіе, не замѣтитъ нашего отсутствія; я-же знаю, гдѣ стоятъ кареты; этой тропинкой мы дойдемъ до экипажей скорѣе всѣхъ, да еще будемъ подсмѣиваться надъ запоздалыми.

— Ахъ, мнѣ не до смѣха, пойдемте скорѣе!

— Еще, еще минуту; если бы вы знали, какъ я счастливъ, что вы теперь какъ будто подъ моимъ покровительствомъ! Вы опираетесь на мою руку! Неужели вы такъ скупы, что захотите отнять у меня и это невинное счастье?

— Мы съ вами часто были и будемъ вмѣстѣ.

— Но будемъ-ли еще разъ такъ совершенно одни,

какъ теперь? У меня толпятся столько мыслей, но я не нахожу словъ вамъ ихъ высказать, а здѣсь было-бы такъ хорошо! Никто, кромѣ Бога и васъ, не услыхалъ-бы ихъ и Сашенька не смѣялась-бы надо мною.

— Развѣ она и надъ вами смѣется? спросила я необдуманно.

— Такъ вы понимаете, о чемъ я хотѣлъ говорить?

— Нѣтъ, я не знаю, но Сашенька все смѣется надъ Лермонтовымъ — и я думала....

— Думайте, что хотите, но не забудьте этотъ разговоръ; если-бы я могъ, если-бы я смѣлъ, — продолжалъ онъ, оживляясь и сжавъ мою руку.

Я вздрогнула, Л—хинъ встревожился.

— Вамъ холодно? спросилъ онъ.

— Очень, очень холодно, отвѣчала я обрадовавшись, что разговоръ принялъ неожиданный оборотъ. Мы были ужъ у калитки; Л—хинъ побѣжалъ за моимъ манто и неловкими, трепещущими руками укутывалъ меня въ него.

— Этотъ вечеръ — первый счастливый въ моей жизни, сказалъ онъ.

— Да, кромѣ тѣхъ, которые ему предшествовали и за нимъ послѣдуютъ.

— Вы вправѣ мнѣ не вѣрить, вы еще меня мало знаете, но со временемъ я надѣюсь васъ убѣдить, вамъ доказать, что вы для меня. — Ни слова Сашенькѣ, продолжалъ онъ почти шепотомъ,—вотъ и она и все наше общество.

Я сказала теткѣ, что мнѣ сдѣлалось очень холодно, не смотря на іюльскую ночь; всѣ подумали, что я нездорова, стали ухаживать за мною; Л—хинъ совершенно растерялся, усадилъ меня въ карету и обернулъ мои ноги своимъ плащемъ. Я точно была похожа на боль-

ную; лицо и руки были какъ въ огнѣ, но вся внутренность дрожала, какъ въ лихорадкѣ; отъ такого волненія и голосъ мой почти пропалъ.

Возвратясь домой, меня уложили въ постель. Когда, наконецъ, меня оставили одну, я сѣла на кровать, облокотилась на столикъ и долго, долго плакала, не знаю о чемъ, потому-ли, что я чувствовала себя счастливой?

Я безпрестанно задавала себѣ вопросъ: «любитъ-ли онъ точно меня? Люблю-ли я его? и лидаже, будули когда любить его»? И я утвердительнѣе отвѣчала за него, чѣмъ за себя. Зачѣмъ-же, сказалъ онъ, безъ васъ Нескучное будетъ Прескучное?

Съ отъѣздомъ Сашеньки, наши долгія бесѣды прекратились; мы только видались дома да на танцовальныхъ вечерахъ у тетки Хитровой.

Сашенька звала меня къ себѣ въ деревню. Дядя Николай Васильевичъ очень желалъ, чтобъ я вышла за Л—хина и уговаривалъ тетку, чтобъ отпустила меня съ нимъ къ Сашенькѣ въ слѣдующее воскресенье. Тетка отказала, говоря, что въ этотъ день ни за что не пуститъ, потому что этотъ противный молокососъ Л—хинъ всѣ праздники проводитъ у нее.

Ахъ, милая Марья Васильевна, вы всегда давали мнѣ сами противъ себя оружіе; вы хотѣли, чтобъ я проскучала сутки въ деревнѣ; вы не знали, что каждое утро я имѣю случай говорить съ Леонидомъ и въ субботу онъ уже зналъ, что вторникъ будетъ нашъ день и что мы на свободѣ наговоримся!

Во вторникъ, по приказанію Марьи Васильевны, мы секретно съ дядей отправились къ Сашенькѣ, но дядя мнѣ сказалъ, что онъ предупредилъ Л—хина вчераже о нашемъ намѣреніи.

Верстъ за пять отъ города, Л—хинъ насъ обогналъ и потомъ то отставалъ, то обгонялъ и всякій разъ раскланивался и бросалъ намъ отрывистыя фразы. Мы провели день пріятно, гуляли, ѣздили въ Средниково; мнѣ было грустно на душѣ; воспоминаніе Лермонтова такъ и дышало, такъ и вѣяло вокругъ меня, а о немъ никто не говорилъ. Послѣ шутокъ Сашеньки на его счетъ, я не могла о немъ заговорить первая; зачѣмъ также огорчать Л—хина; онъ такъ былъ счастливъ этимъ нежданнымъ днемъ свободы и безпринужденности.

Передъ отъѣздомъ, покуда Сашенька наливала чай на балконѣ, я сошла съ Л—нымъ въ цвѣтникъ, нарвать букетъ для Марьи Васильевны.

— Мнѣ надобно вамъ что-то сообщить, — сказалъ онъ; я радъ случаю, что мы одни. Знаете-ли, я писалъ отцу о васъ и онъ очень желаетъ васъ видѣть.

— Вашъ отецъ очень добръ, но я боюсь, что оригиналъ не будетъ вѣренъ съ описаніемъ; я увѣрена, что я ему не понравлюсь, я всегда была такъ несчастлива, да притомъ всегда принужденна въ словахъ, въ движеніяхъ....

— Да, при теткахъ вашихъ, но кто не пойметъ ваше положеніе?

— Зачѣмъ вы писали отцу обо мнѣ?

— Правда, зачѣмъ...? онъ тоже говоритъ, что я еще очень молодъ.

Насъ позвали пить чай и онъ не имѣлъ случая больше высказаться.

12 іюля мы поѣхали въ деревню; Лиза съ Прасковьей Васильевной вскорѣ должна была отправиться къ дѣдушкѣ, князю Павлу Васильевичу Долгорукому въ Пензу, и потому осталась у нее.

Я грустно распрощалась съ Л—нымъ; онъ былъ жа-

локъ, такой блѣдный и унылый. Дорогой я негодовала на себя, что такъ мало грущу по немъ и мало вспоминаю.

Это лѣто въ деревнѣ я провела скучнѣе обыкновеннаго; сосѣди и сосѣдки почти всѣ были люди необразованные; даже и не было скучнаго моего преслѣдователя, неудавшагося поэта; онъ покатилъ за границу.

Мать его съ удивленіемъ мнѣ разсказала, что онъ теперь живетъ въ такой удивительной и ученой землѣ, что даже и мужики-то тамъ всѣ умѣютъ говорить понѣмецки, а нѣкоторые даже и читаютъ; конечно, я раздѣляла вполнѣ ея удивленіе и почти спорила, что этого не можетъ быть.

Вотъ и обращикъ образованности нашихъ сосѣдей. Другой нашъ сосѣдъ выходилъ изъ себя оттого, что онъ подписался на Энциклопедическій Лексиконъ, получилъ уже три тома, а все еще стоитъ на буквѣ а; «а кажется нашъ языкъ-то богатъ, есть слова и съ б и съ в, а они все заладили свое а да а; не лучше-ли имъ было начать съ слова Богъ; только морочатъ людей, да обираютъ денежки наши!»

Я мало занималась сосѣдями, запиралась на ключъ въ своей комнаткѣ и на просторѣ читала, переводила, писала и все болѣе и болѣе сознавалась, что ничего не знаю и что никогда не поздно учиться.

Осенью, возвратясь въ Петербургъ, я ужасно страдала біеніемъ сердца; были дни, что я не имѣла силы сдѣлать десяти шаговъ. У тетки обо всемъ были свои понятія: она не допускала возможности болѣзни у дѣвушки, не позволяла мнѣ лежать, одѣваться безъ корсета, а напротивъ, насильно вывозила меня на балы, разорялась на румяна, чтобы скрыть мою страшную

блѣдность, но я въ каретѣ тщательно вытирала свои щеки и являлась на балѣ блѣдною, какъ смерть, даже губы мои были совершенно бѣлыя. Марья Васильевна вѣрила, что моя блѣдность съѣдала румяны и не могла довольно надивиться такому чуду. Она приневоливала меня танцовать; я едва передвигала ноги; въ мазуркѣ, обыкновенно пропускала свой туръ, но чѣмъ болѣе я просилась домой, тѣмъ долѣе оставалась она на балѣ, говоря, что не нужно дать замѣтить мое изнуреніе—никогда не найду себѣ жениха.

Эта зима была для меня совершенною пыткой, а главное, Марья Васильевна хотѣла меня увѣрить, что все это дѣлалось для моего развлеченія. Наконецъ, я рѣшительно отказалась выѣзжать; я дошла до такого изнеможенія, что все время была какъ въ забытьи, все видѣла сквозь туманъ, часто не понимала, что дѣлалось и говорилось вокругъ меня и ничего не ѣла, кромѣ чаю, и то безъ хлѣба. Я просила позволеніе посовѣтоваться съ докторомъ, но не съ нашимъ домашнимъ, вѣчно-пьянымъ Ш.; мнѣ этого не позволили, а напротивъ позвали Ш.; онъ мнѣ предписалъ три пріема рвотнаго (его единственное леченіе), которое меня такъ взволновало, что право удивительно, какъ я еще осталась въ живыхъ.

Тутъ моя бывшая гувернантка, Авдотья Ивановна, явилась мнѣ еще разъ спасительницей; я открыла ей всю свою душу; я ничего не просила, лишь-бы меня оставили одну, позволили не одѣваться и лежать въ ожиданіи вѣчнаго успокоенія. Авдотья Ивановна такъ напугала тетку, такими живыми красками описала ей, какъ въ свѣтѣ ее будутъ упрекать, что она запустила мою болѣзнь, и отрекомендовала ей доктора, за которымъ тутъ-же и послали.

Этотъ почтенный и добрый человѣкъ, по имени Миллеръ, долго разспрашивалъ меня со всевозможной подробностью, осматривалъ, раздумывалъ, взялъ меня за руку и при теткѣ укололъ мнѣ палецъ: изъ него пошла чистая вода. Онъ сказалъ Марьѣ Васильевнѣ, что если-бы меня оставили еще недѣлю безъ помощи, то тогда уже нечего было-бы и дѣлать, а еще-бы разъ закатили рвотнаго, то я отъ усилій могла-бы тутъ же и умереть.

Онъ принялся лечить меня: ровно три мѣсяца я ничего не ѣла, питалась каплями, микстурами, пилюлями и зельтерской водой. Мнѣ позволили лежать, бросить корсетъ, и я вздохнула свободнѣе.

Тетка не на шутку ухаживала за мной, такъ боялась она приговора свѣта.

Г—нъ возвратился на зиму въ Петербургъ; онъ все по прежнему любилъ меня и былъ въ отчаяньи отъ моей болѣзни. Этой зимой онъ, можно сказать, силой ворвался въ нашъ домъ, и вотъ какъ онъ умудрился. Онъ былъ сослуживецъ одному моему дядѣ, который гостилъ тогда у Марьѣ Васильевнѣ. Въ одинъ вечеръ задумали взять молодежь въ театръ: меня тогда еще принуждали выѣзжать и предложили ѣхать съ дѣтьми; я-бы конечно не отказалась, если-бы давали хорошую пьесу, но въ этотъ день давали Русалку. Ни Тарабаръ, ни сама Русалка меня не интересовали и я осталась дома съ Марьей Васильевной и обоими дядями. Вдругъ, часу въ восьмомъ, кто-то позвонилъ, раздался стукъ шпоръ и передъ нами явился Г—нъ. Я ахнула отъ удивленія: онъ сослался на нужныя дѣла, которыя долженъ былъ сообщить дядѣ и просидѣлъ у насъ преспокойно весь вечеръ, заводилъ общій разговоръ и не взглянулъ на меня лишняго раза.

Я не ожидала отъ него такого удальства и конечно оно мнѣ было пріятно, и если-бъ я сказала противное,, мнѣ-бы не повѣрили.

Можно представить себѣ, какая произошла сцена, когда Г—нъ уѣхалъ! Марья Васильевна не хотѣла вѣрить, что мы не сговорились съ нимъ, повторяла, что она понимаетъ, отчего я отказалась отъ Русалки и взвела на меня какіе-то небывалые разговоры глазами. По несчастію, такой разговоръ никогда не существовалъ для меня, я такъ близорука. Если Г—нъ показалъ свою настойчивость, то и Марья Васильевна не уступила ему, и въ тотъ же вечеръ дала приказаніе не принимать его болѣе. Но я вскорѣ сдѣлалась такъ больна, что ни о комъ не думала и Г—нъ возвратился къ своей должности не простясь со мною.

Въ мартѣ мѣсяцѣ пріѣхалъ изъ Персіи самый первый мой обожатель Хвостовъ; онъ тоже не перемѣнился ко мнѣ, часто навѣщалъ насъ, читывалъ мнѣ вслухъ, подавалъ лекарства и въ это время я сошлась съ нимъ, какъ съ другомъ. Я еще не совсѣмъ оправилась, какъ его послали въ Америку; онъ клялся мнѣ въ вѣчной преданности; не знаю почему, но я ему вѣрила больше, чѣмъ другимъ и впослѣдствіи, когда я разочаровывалась, или ошибалась, или подмѣчала хвастовство въ своихъ поклонникахъ, я всегда говаривала: «Хвостовъ не поступилъ-бы такъ».

Но меня все это куреніе ѳиміама уже не веселило и въ эту зиму, ко всеобщему удивленію, я отказала одному старому генералъ-адъютанту; всѣ видѣли въ этой партіи блескъ и почетъ, а я, ничего другого, кромѣ лысой и даже не совсѣмъ здравой головы. Я ужъ искала чего-то серьезнѣе, прочнѣе въ жизни. «Господи! повторяла я себѣ съ отчаяніемъ, неужели я никогда не буду любить?»

Ровно годъ прошелъ послѣ знакомства моего съ Леонидомъ; я вспоминала о немъ съ удовольствіемъ, но безъ малѣйшаго сердечнаго трепета.

Съ начала нашей разлуки, Сашенька часто передавала мнѣ его поклоны, переслала мнѣ с[illegible]нную имъ любимую его пьесу Виктора Гюго «La prière pour tous». Потомъ она совсѣмъ перестала о немъ говорить. Я узнала, что отецъ его умеръ, что онъ отправился въ деревню и занимается приведеніемъ въ порядокъ огромнаго состоянія, но все это я узнавала случайно, черезъ другихъ; въ Сашенькиныхъ письмахъ уже не упоминалось о немъ ни слова. И я безъ горя, даже безъ сожалѣнія, покорилась этому прозаическому окончанію романа, почти на первой страницѣ своего существованія.

VI.

Сватовство. — Встрѣча на балѣ съ Лермонтовымъ. — Появленіе его на домашней вечеринкѣ. — Новыя его посѣщенія. — Поцѣлуй. — Балъ у адмирала А. С. Шишкова. — Опасеніе дуэли. — Пріѣздъ жениха. — Разочарованіе. — Новая любовь. — Балъ у генералъ-губернатора. — Вѣроломный другъ. — Страсть и признаніе въ ней Лермонтову.

1834 г.

L'élément de l'amour est la douleur, son atmosphère est l'orage.

D'Arlincourt.

Осенью 1834 г. мы ранѣе обыкновеннаго возвратились изъ деревни въ Петербургъ въ ожиданіи пріѣзда вѣчно кочующаго табора, т.-е. дяди Андрея Васильевича, Прасковьи Васильевны и ихъ ангела Вареньки.

Сестра Лиза пріѣхала тоже съ ними. Отрадны были первые дни моего соединенія съ нею. Она пріѣхала изъ Пензы; я съ жадностью слушала ея разсказы объ этомъ городѣ, о дѣдушкѣ, которому очень хотѣлось повидаться со мной, о благоговѣйномъ воспоминаніи, которое оставила мать моя всѣмъ и каждому. Наговорившись до сыта о прошедшемъ, помечтавъ объ осуществленіи нашего задушевнаго желанія побывать вмѣстѣ въ Пензѣ, мы перешли къ настоящему, и она мнѣ разсказала, какъ проѣздомъ черезъ Москву она часто видалась съ Сашенькой, сдружилась съ Вѣрой, сестрой Л—хина, какъ онъ всегда краснѣлъ, когда говорилъ обо мнѣ, и какъ Вѣра спросила ее: помню-ли я ея брата?

— Какъ и всѣхъ знакомыхъ, отвѣчала Лиза.

— Я надѣюсь, возразила Вѣра, что братъ мой не то, что всѣ для нея.

Черезъ нѣсколько времени я получила письмо отъ Сашеньки; она мнѣ писала, что имѣетъ мнѣ сообщить важную тайну, касающуюся собственно до меня, чтобъ я поспѣшила выслать ей вѣрный адресъ, для избѣжанія, чтобъ письмо ея не попало въ инквизиторскія руки моихъ тетокъ. Мы съ Лизой смекнули, что дѣло идетъ о Л—хинѣ.

Мнѣ-бы слѣдовало въ такомъ важномъ случаѣ посовѣтоваться съ вѣрнымъ другомъ моимъ, вѣчнымъ моимъ заступникомъ, дядей Николаемъ Васильевичемъ, но я не знаю, что́ меня отуманило и я ничего ему не сказала и послала не его адресъ, а адресъ моего двоюроднаго брата Дмитрія; вотъ моя ошибка и неумышленная вина противъ дяди, но за то, какъ я за нее поплатилась! Въ оправданіе мое передъ дядей, скажу однакоже, что Сашенька настаивала, чтобы рѣ-

шительно никто изъ нихъ не былъ вмѣшанъ въ это дѣло. Я не очень спѣшила дать ей требуемый адресъ, но наконецъ я его послала, отвѣтъ не замедлилъ придти, Сашенька мнѣ писала:

«То, что я должна тебѣ открыть, не удивитъ тебя; ты привыкла побѣждать сердца. Если-бы я тебѣ сказала, что тотъ молодой человѣкъ, о которомъ я буду говорить тебѣ, остался равнодушнымъ послѣ короткаго знакомства съ тобою — вотъ что могло-бы справедливо удивить тебя. Итакъ, скажу тебѣ, съ его согласія, что онъ любитъ тебя, что отъ тебя одной зависитъ его счастіе! Я не называю его; напиши мнѣ, что сердце твое его узнало, его назвало, онъ приметъ такой отвѣтъ за согласіе и въ декабрѣ пріѣдетъ въ Петербургъ, чтобъ объясниться съ твоими родными. Но, ради Бога, прежде чѣмъ ты увидишься съ нимъ, не говори ни слова роднымъ твоимъ о немъ, во-первыхъ: ты отъ нихъ не зависишь; во-вторыхъ: вспомни, какъ они здѣсь съ нимъ дурно обращались».

Въ отвѣтѣ моемъ я имѣла неимовѣрную глупость дать почти формальное согласіе, сказавъ, что сердце мое не ошибается, и трудно было бы ошибиться, когда я только съ однимъ молодымъ человѣкомъ была коротка въ Москвѣ и что я буду ждать его и молчать....

Трудно не подивиться моей сверхъестественной глупости; и тутъ еще я ничего не сказала дядѣ Николаю Васильевичу, когда до той поры ни въ чемъ не скрывалась отъ него; вѣрно не суждено было состояться этому браку и теперь, раздумавъ хладнокровно о прошедшемъ, я съ увѣренностью говорю, хотя и безъ сожалѣнія, что съ Л—хинымъ я была бы счастливѣе и отвѣчала бы за любовь его — преданностью.

Сашенька отвѣчала, что онъ счастливъ, благодаренъ, подтверждала хранить тайну, потому что и онъ никому изъ своихъ родныхъ ничего не откроетъ, до объясненія со мной. Я стала считать себя его невѣстой, успокоилась на счетъ своей будущности, старалась убѣдить себя, что я его люблю, принуждала себя безпрестанно думать о немъ—но любовь не зарождалась, а я все ждала ее. Лиза величала меня: Madame de L-ne. Мы устраивали будущую жизнь, я брала ее къ себѣ, въ воображеніи нашемъ мы уже посѣтили Пензу, свидѣлись съ дѣдушкой, поплакали на могилѣ матери нашей. Такимъ образомъ наступило 4-е декабря.

Живо я помню этотъ, вмѣстѣ и роковой и счастливый вечеръ; мы одѣвались на балъ къ госпожѣ К. Я была въ бѣломъ платьѣ, вышитомъ пунцовыми звѣздочками и съ пунцовыми гвоздиками въ волосахъ. Я была очень равнодушна къ моему туалету.

«Л—хинъ не увидитъ меня, думала, а для прочихъ я уже не существую».

Въ швейцарской снимали шубы и прямо входили въ танцовальную залу по прекрасной лѣстницѣ, убранной цвѣтами, увѣшанной зеркалами; зеркала были такъ размѣщены въ залѣ и на лѣстницѣ, что отражали въ одно время всѣхъ пріѣхавшихъ и пріѣзжающихъ; въ одну минуту можно было разглядѣть всѣхъ знакомыхъ. По близорукости своей и по равнодушію, я шла опустивъ голову, какъ вдругъ Лиза вскричала: «ахъ, Мишель Лермонтовъ здѣсь!»

— Какъ я рада, отвѣчала я; онъ намъ скажетъ, когда пріѣдетъ Л—хинъ.

Пока мы говорили, Мишель уже подбѣжалъ ко мнѣ, восхищенный, обрадованный этой встрѣчей, и сказалъ мнѣ:

— Я зналъ, что вы будете здѣсь, караулилъ васъ у дверей, чтобъ первому ангажировать васъ.

Я обѣщала ему двѣ кадрили и мазурку, обрадовалась ему, какъ умному человѣку, а еще болѣе, какъ другу Л—хина. Л—хинъ былъ моей первенствующей мыслью. Я не видала Лермонтова съ 30-го года; онъ почти не перемѣнился въ эти четыре года, возмужалъ немного, но не выросъ и не похорошѣлъ и почти все такой-же былъ неловкій и неуклюжій, но глаза его смотрѣли съ бо́льшею увѣренностію, нельзя было не смутиться, когда онъ устремлялъ ихъ съ какой-то неподвижностью.

— Меня только на дняхъ произвели въ офицеры, сказалъ онъ [1]); я поспѣшилъ похвастаться передъ вами моимъ гусарскимъ мундиромъ и моими эполетами; они даютъ мнѣ право танцовать съ вами мазурку; видите-ли, какъ я злопамятенъ, я не забылъ косого конно-гвардейца, оттого въ юнкерскомъ мундирѣ я избѣгалъ случая встрѣчать васъ; помню, какъ жестоко вы обращались со мной, когда я носилъ студенческую курточку.

— А ваша злопамятность и теперь доказываетъ, что вы сущій ребенокъ; но вы ошиблись, теперь и безъ вашихъ эполетъ я бы пошла танцовать съ вами.

— По зрѣлости моего ума?

— Нѣтъ, это въ сторону; во-первыхъ, я въ Петербургѣ не могу выбирать кавалеровъ, а во-вторыхъ, я перемѣнилась во многомъ.

— И этому причина любовь?

---

[1]) Въ 1832 г., Лермонтовъ, исключенный за шалость изъ московскаго университета, поступилъ въ юнкерскую школу въ Петербургѣ, откуда и выпущенъ въ 1834 году корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

— Да я и сама не знаю; скорѣе, мнѣ кажется, непростительное равнодушіе ко всему и ко всѣмъ.

— Къ окружающимъ — я думаю; къ отсутствующимъ — позвольте не вѣрить вамъ.

— Браво, monsieur Michel, вы кажется заочно меня изучали; смотрите, легко ошибиться.

— Тѣмъ лучше; посмотрите, изучилъ-ли я васъ или нѣтъ, но вы точно перемѣнились; вы какъ-будто находитесь подъ вліяніемъ чей-то власти, какъ-будто на васъ тяготѣетъ какая-то обязанность. отвѣтственность, правда-ли?

— Нѣтъ, пустяки, — оставимте настоящее и будущее, давайте вспоминать.

Тутъ мы стали болтать о Сашенькѣ. о Средниковѣ, о Троицкой Лаврѣ, — много смѣялись. но я не могла рѣшиться замолвить первая о Л—хинѣ.

Раздалась мазурка; едва мы усѣлись, какъ Лермонтовъ сказалъ мнѣ, смотря прямо мнѣ въ глаза:

— Знаете ли, на дняхъ сюда пріѣдетъ Л—хинъ.

Для избѣжанія утвердительнаго отвѣта я спросила:

— Такъ вы скоро его ждете?

Я чувствовала, какъ краснѣла отъ этого имени, отъ своего непонятнаго притворства, а главное, отъ испытующихъ взоровъ Мишеля.

— Какъ хорошо, какъ звучно называться Madame de L-ne, продолжалъ Мишель, не правда-ли? Согласились-бы вы принять это имя?

— Я соглашусь въ томъ, что есть много именъ лучше этого, — отвѣчала я отрывисто, раздосадованная на Л—хина, котораго я упрекала въ измѣнѣ; отъ меня требовалъ молчанія, а самъ, безъ моего согласія, повѣрялъ нашу тайну своимъ друзьямъ, а можетъ

быть и хвастается вліяніемъ своимъ на меня. Не помню теперь слово въ слово разговоръ мой съ Лермонтовымъ, но помню только, что я убѣдилась въ томъ, что ему все было извѣстно и что онъ въ безпрерывной перепискѣ съ Л—хинымъ; онъ распространялся о добротѣ его сердца, о ничтожности его ума, а болѣе всего напиралъ, съ колкостью, о его богатствѣ.

Лиза и я, мы сказали Лермонтову, что у насъ 6-го будутъ танцовать, и онъ намъ рѣшительно объявилъ, что пріѣдетъ къ намъ.

— Возможно-ли, вскричали мы въ одинъ голосъ: вы не знаете ни дядей, ни тетокъ?

— Что за дѣло? я пріѣду къ вамъ.

— Да мы не можемъ принять васъ, мы не принимаемъ никого.

— Пріѣду пораньше, велю доложить вамъ, вы меня и представите.

Мы были и испуганы и удивлены его удальствомъ, но зная его коротко, ожидали отъ него такого необдуманнаго поступка.

Мы начали ему представлять строгость тетокъ и сколько онъ намъ навлечетъ непріятныхъ хлопотъ.

— Во что-бы то ни стало, повторилъ онъ, я непремѣнно буду у васъ послѣ-завтра.

Возвратясь домой, мы много разсуждали съ сестрой о Лермонтовѣ, о Л—хинѣ и очень безпокоились, какъ сойдетъ намъ съ рукъ безразсудное посѣщеніе Лермонтова.

Наконецъ наступилъ страшный день 6-го декабря.

Съ утра у насъ была толпа поздравителей; къ обѣду, собралось человѣкъ сорокъ, всѣ родные, вся канцелярія и нѣкоторые изъ несносныхъ нашихъ обо-

жателей; по какому-то предчувствію, я отказала всѣмъ первую кадриль и мазурку, не говоря да и не зная навѣрное, съ кѣмъ придется ихъ танцовать; впрочемъ, лучшіе кавалеры должны были пріѣхать позднѣе и я могла всегда выбрать одного изъ нихъ.

Не позже семи часовъ, лакей пришелъ доложить сестрѣ и мнѣ, что какой-то маленькій офицеръ проситъ насъ обѣихъ выдти къ нему въ лакейскую.

— Что за вздоръ, вскричали мы въ одинъ голосъ; какъ это можетъ быть.

— Право, сударыни, какой-то маленькій гусаръ спрашиваетъ, здѣсь ли живутъ Екатерина Александровна и Елизавета Александровна Сушковы?

— Поди, спроси его имя.

Лакей возвратился и объявилъ, что Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ дѣвицамъ С—мъ.

— А, теперь я понимаю, сказала я; онъ у меня спрашивалъ адресъ брата Дмитрія и вѣроятно отыскиваетъ его.

Братъ Дмитрій пригодился намъ и могъ доставить истинное удовольствіе, представивъ въ нашъ домъ умнаго танцора, остраго разсказчика и сверхъ всего, моего милаго поэта. Мы съ сестрой увѣрили его, что бывшій его товарищъ по университетскому пансіону къ нему пріѣхалъ и дали ему мысль представить его Марьѣ Васильевнѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ; все обошлось какъ нельзя лучше.

Я отъ души смѣялась съ Лермонтовымъ...

Лермонтовъ самъ удивился, какъ все складно устроилось, а я просто не приходила въ себя отъ удивленія къ своей находчивости.

— Видите-ли, сказалъ онъ мнѣ, какъ легко достигнуть того, чего пламенно желаешь?

— Я-бы не тратила свои пламенныя желанія для одного танцовальнаго вечера больше или меньше въ зиму.

— Тутъ не о лишнемъ вечерѣ идетъ дѣло; я сдѣлалъ первый шагъ въ ваше общество и этого много для меня. Помните, я еще въ Москвѣ вамъ говорилъ объ этой мечтѣ, теперь только осуществившейся.

Онъ позвалъ меня на два сбереженные для него танца и былъ очень веселъ и милъ со всѣми, даже ни надъ кѣмъ не посмѣялся. Во время мазурки онъ началъ мнѣ говорить о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Москву.

— И скоро вы ѣдете?

— Къ праздникамъ или тотчасъ послѣ праздниковъ.

— Я вамъ завидую, вы увидите Сашеньку!

— Я-бы вамъ охотно уступилъ это счастіе, особенно вамъ, а не другому. Я ѣду не для удовольствія: меня тоже зависть гонитъ отсюда; я не хочу, я не могу быть свидѣтелемъ счастія другого, видѣть, что богатство доставляетъ все своимъ избраннымъ; — богатому лишнее имѣть умъ, душу, сердце, его и безъ этихъ прилагательныхъ полюбятъ, оцѣнятъ; для него не замѣтятъ искренней любви бѣдняка, а если и замѣтятъ, то прикинутся недогадливыми; не правда-ли, это часто случается?

— Я не знаю, я никогда не была въ такомъ положеніи; по моему мнѣнію, одно богатство безъ личныхъ достоинствъ ничего не значитъ.

— Поэтому, позвольте васъ спросить, что-же вы нашли въ Л—хинѣ?

— Я говорю вообще и не допускаю личностей.

— А я прямо говорю о немъ.

— О, если такъ, сказала я, стараясь выказать какъ можно больше одушевленія, такъ мнѣ кажется, что Л—хинъ имѣетъ все, чтобъ быть истинно любимымъ и безъ его богатства; онъ такъ добръ, такъ внимателенъ, такъ чистосердеченъ, такъ безкорыстенъ, что въ любви и въ дружбѣ можно положиться на него.

— А я увѣренъ, что если-бы отняли у него принадлежащія ему пять тысячъ душъ, то вы-бы первая и не взглянули на него.

— Могу васъ увѣрить, я не знала, богатъ или бѣденъ онъ, когда познакомилась съ нимъ въ Москвѣ, и долго спустя узнала, какъ отецъ его поступилъ благородно съ сестрой своей и, по неотступной просьбѣ Л—хина, уступилъ ей половину имѣнія, — а такіе примѣры рѣдки. Теперь я знаю, что онъ богатъ, но это не увеличило ни на волосъ моего хорошаго мнѣнія о немъ; для меня, богатство для человѣка все равно, что роскошный переплетъ для книги: глупой не придастъ занимательности, хорошей—не придастъ цѣны и своей мишурной позолотой.

— И вы всегда такъ думали?

— Всегда, и нѣсколько разъ доказывала это на дѣлѣ.

— Такъ ваше мнѣніе о Л—хинѣ?

— Самое лестное и непоколебимое.

— Да я зналъ и прежде, что вы въ Москвѣ очень благоволили къ нему, а онъ-то совсѣмъ растаялъ; я знаю все, помните-ли вы Нескучное, превратившееся безъ васъ въ Скучное, букетъ изъ незабудокъ, страстные стихи въ альбомѣ; да, я все тогда-же зналъ и теперь знаю, съ какими надеждами онъ сюда ѣдетъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ чернокнижникъ, но истощаете свое дарованіе на пустяки.

— О, если-бы я былъ точно чернокнижникъ! Но я просто другъ Л—хина и у него нѣтъ отъ меня ни одной скрытой мысли, ни одного задушевнаго желанія.

Мнѣ еще досаднѣе стало на Л—хина, зачѣмъ поставилъ онъ меня въ фальшивое положеніе передъ Мишелемъ, разболтавъ ему всѣ эти пустяки и наши планы на будущее.

Между тѣмъ мазурка кончилась; въ ожиданіи ужина Яковлевъ пѣлъ разные романсы и восхищалъ всѣхъ своимъ пріятнымъ голосомъ и чудной методой.

Когда онъ запѣлъ:

Я васъ любилъ, любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей погасла не совсѣмъ,—

Мишель шепнулъ мнѣ, что эти слова выражаютъ ясно его чувства въ настоящую минуту.

Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

— О нѣтъ, продолжалъ Лермонтовъ въ полголоса, пускай тревожитъ, это — вѣрнѣйшее средство не быть забыту.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ,

— Я не понимаю робости и безмолвія, шепталъ онъ, а безнадежность предоставляю женщинамъ.

Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ!

— Это совсѣмъ надо перемѣнить; естественно-ли желать счастія любимой женщинѣ, да еще съ другимъ? Нѣтъ, пусть она будетъ несчастлива; я такъ понимаю любовь, что предпочелъ-бы ея любовь — ея

счастію; несчастлива черезъ меня, это-бы связало ее на вѣкъ со мною! А вѣдь такія мелкія, сладкія натуры, какъ Л—хинъ, чего добраго, и пожелалъ-бы счастія своимъ предметамъ! А все-таки жаль, что я не написалъ эти стихи, только я-бы ихъ немного измѣнилъ. Впрочемъ, у Баратынскаго есть пьеса, которая мнѣ еще больше нравится, она еще вѣрнѣе обрисовываетъ мое прошедшее и настоящее. — и онъ началъ декламировать:

Нѣтъ; обманула васъ молва,
По прежнему я занятъ вами
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я ѳиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца,
Другимъ молился божествамъ,
Но съ безпокойствомъ старовѣрца!

— Вамъ, Михаилъ Юрьевичъ, нечего завидовать этимъ стихамъ, вы еще лучше выразились:

Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все Богъ!

— Вы помните мои стихи, вы сохранили ихъ? Ради Бога, отдайте мнѣ ихъ; я нѣкоторые забылъ, я передѣлаю ихъ получше и вамъ-же посвящу.

— Нѣтъ, ни за что не отдамъ, я ихъ предпочитаю какими они есть, съ ихъ ошибками, но съ свѣжестью чувства; они точно не полны, но если вы ихъ передѣлаете, они утратятъ свою неподдѣльность, оттого-то я и дорожу вашими первыми опытами.

Онъ настаивалъ, я защищала свое добро — и отстояла.

На другой день вечеромъ, мы сидѣли съ Лизой въ маленькой гостиной, и какъ обыкновенно случается послѣ

двухъ баловъ сряду, въ неглиже, усталыя, полусонныя и лѣниво читали вновь вышедшій романъ г-жи Дебордъ-Вальморъ: «l'Atelier d'un peintre». Марья Васильевна по обыкновенію играла въ карты въ большой пріемной, какъ вдругъ раздался шумъ сабли и шпоръ.

— Вѣрно Лермонтовъ, проговорила Лиза.

— Что за вздоръ, отвѣчала я, съ какой стати?

Тутъ раздались слова тетки: «мои племянницы въ той комнатѣ», и передъ нами вдругъ явился Лермонтовъ. Я оцѣпенѣла отъ удивленія.

— Какъ это можно, вскрикнула я, два дня сряду! и прежде никогда не бывали у насъ, какъ это вамъ не отказали! сегодня у насъ принимаютъ только самыхъ короткихъ.

— Да мнѣ и отказывали, но я настойчивъ.

— Какъ же васъ приняла тетка?

— Какъ видите, очень хорошо, нельзя лучше, потому что допустила до васъ.

— Это просто сумазбродство, monsieur Michel, c'est absurde, вы еще не имѣете ни малѣйшаго понятія о свѣтскихъ приличіяхъ.

Не долго я сердилась; онъ меня заговорилъ, развеселилъ, разсмѣшилъ разными разсказами. Потомъ мы пустились разсуждать о новомъ романѣ и, по просьбѣ его, я ему дала его прочитать съ уговоромъ, чтобъ онъ написалъ свои замѣчанія на тѣ мѣста, которыя мнѣ больше нравились и которыя, по Онѣгинской дурной привычкѣ, я отмѣчала карандашемъ или ногтемъ; онъ обѣщалъ исполнить уговоръ и взялъ книги.

Онъ предложилъ намъ гадать въ карты, и по праву чернокнижника, предсказать намъ будущность. Не мудрено было ему наговорить мнѣ много правды о

настоящемъ; до будущаго онъ не касался, говоря, что для этого нужны разныя приготовленія.

— Но по рукѣ я еще лучше гадаю, сказалъ онъ; дайте мнѣ вашу руку и увидите.

Я протянула ее и онъ серьезно и внимательно сталъ разсматривать всѣ черты на ладони, но молчалъ.

— Ну что же? спросила я.

— Эта рука обѣщаетъ много счастія тому, кто будетъ ею обладать и цѣловать ее, и потому я первый воспользуюсь.—Тутъ онъ съ жаромъ поцѣловалъ и пожалъ ее.

Я выдернула руку, сконфузилась, раскраснѣлась и убѣжала въ другую комнату. Что это былъ за поцѣлуй! Если я проживу и сто лѣтъ, то и тогда я не позабуду его; лишь только я теперь подумаю о немъ, то кажется, такъ и чувствую прикосновеніе его жаркихъ губъ; это воспоминаніе и теперь еще волнуетъ меня, но въ ту самую минуту со мной сдѣлался мгновенный, непостижимый переворотъ; сердце забилось, кровь такъ и переливалась съ быстротой, я чувствовала трепетаніе всякой жилки, душа ликовала. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ досадно было на Мишеля; я такъ была проникнута моими обязанностями къ Л—хину, что считала и этотъ невинный поцѣлуй измѣной съ моей стороны и вѣроломствомъ съ его.

Я была серьезна, задумчива, разсѣянна въ продолженіи всего вечера, но непомѣрно счастлива! Мнѣ все представлялось въ радужномъ сіяніи.

Всю ночь я не спала, думала о Л—хинѣ, но еще болѣе о Мишелѣ; признаться-ли, я цѣловала свою руку, сжимала ее и на другой день чуть не со слезами умыла ее: я боялась сгладить поцѣлуй, нѣтъ! онъ остался

въ памяти и въ сердцѣ, надолго, навсегда! Какъ хорошо, что воспоминаніе никто не можетъ похитить у насъ; оно одно остается намъ вѣрнымъ и всемогуществомъ своимъ воскрешаетъ прошедшее съ тѣми-же чувствами, съ тѣми-же ощущеніями, съ тѣмъ-же пыломъ, какъ и въ молодости. Да! я думаю, что и въ старости воспоминаніе остается молодымъ!

Во время безсонницы своей, я стала сравнивать Л—хина съ Лермонтовымъ; къ чему говорить, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ? Всѣ нападки Мишеля на умъ Л—хина, на его ничтожество въ обществѣ, все, выключая его богатства, было уже для меня доступно и даже казалось довольно основательнымъ; его-же довѣріе къ нему непростительно глупымъ и смѣшнымъ. Поэтому я уже не далеко была отъ измѣны, но еще совершенно не понимала состоянія моего сердца.

Въ среду мы поѣхали на балъ къ извѣстному адмиралу Шишкову; у него были положенные дни. Грустно было смотрѣть на бѣднаго старика, доживающаго свой вѣкъ! Онъ былъ очень добръ и ему доставляло удовольствіе окружать себя веселящеюся молодежью; онъ. бывало, со многими изъ насъ поговоритъ и часто спрашивалъ: на мѣстѣ-ли еще ретивое? У него были часто онѣмѣнія головы и тогда онъ тутъ-же въ залѣ ложился на диванъ и какая-то женщина растирала ему виски и темя; всѣ ее звали чесалкой, — она какъ тѣнь слѣдила за Александромъ Семеновичемъ, который едва передвигалъ ноги. Я любила ѣздить къ Шишкову и говорить съ нимъ; меня трогали его доброта и гостепріимство. Онъ иногда шутилъ со мною и говорилъ, что чувствуетъ, какъ молодѣетъ, глядя на меня.

Мишель взялъ у меня списокъ всѣхъ нашихъ зна-

комыхъ, чтобы со временемъ постараться познакомиться съ ними. Я не воображала, чтобъ онъ умѣлъ такъ скоро распорядиться, и очень удивилась, найдя его разговаривающимъ съ былой знаменитостью. Я чувствовала, что Мишель пріѣхалъ для меня; эта увѣренность заставила меня улыбнуться и покраснѣть.

Но я еще больше раскраснѣлась, когда Александръ Семеновичъ Шишковъ сказалъ мнѣ: «что, птичка, ретивое еще на мѣстѣ? смотри, держи обѣими руками; посмотри, какіе у меня сегодня славные новички». И онъ сталъ меня знакомить съ Лермонтовымъ; я такъ растерялась, что очень низко присѣла ему— тутъ мы оба расхохотались и полетѣли вальсировать.

Надобно-ли говорить, что мы почти всѣ танцы вмѣстѣ танцовали.

— Вы грустны сегодня, сказала я ему, видя что онъ безпрестанно задумывается.

— Не грустенъ, но золъ, отвѣчалъ онъ; золъ на судьбу, золъ на людей, а главное золъ на васъ.

— На меня? чѣмъ я провинилась?

— Тѣмъ, что вы губите себя; тѣмъ, что вы не цѣните себя; вы олицетворенная мечта поэта, съ пылкой душой, съ возвышеннымъ умомъ, — и вы заразились свѣтомъ! И вамъ необходимы поклонники, блескъ, шумъ, суета, богатство и для этой мишуры вы затаиваете, заглушаете ваши лучшія чувства, приносите ихъ въ жертву человѣку, неспособному васъ понять, вамъ сочувствовать, человѣку, котораго вы не любите и никогда не можете полюбить.

— Я васъ не понимаю, Михаилъ Юрьевичъ; какое право имѣете вы мнѣ все это говорить; знайте разъ навсегда, я не люблю ни проповѣдей, ни проповѣдниковъ.

— Нѣтъ, вы меня понимаете и очень хорошо. Но извольте, я выражусь просто: послѣ-завтра пріѣзжаетъ Л—хинъ; принадлежащія ему пять тысячъ душъ дѣлаютъ его самоувѣреннымъ, да въ чемъ же ему и сомнѣваться? Первый его намекъ поняли, онъ ѣдетъ не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ; увижу, придастъ-ли ему хоть эта увѣренность ума, а я такъ думаю и, признаюсь, желаю, чтобъ онъ потерялъ и то, чего никогда не имѣлъ; — то-то я поторжествую!

— Я думаю тоже, что ему нечего терять.

— Какъ? что вы сказали?

— Не вы же одни имѣете право говорить загадками.

— Нѣтъ, я не говорю загадками, но просто спрошу васъ: зачѣмъ вы идете за него замужъ; вѣдь вы его не любите?

— Я иду за него? вскричала я почти съ ужасомъ; о, это еще не рѣшено! Я вижу, что вы все знаете, но не знаю, какъ вамъ передали это обстоятельство. Такъ и быть, я сама вамъ все разскажу. Признаюсь, я сердита на Л—хина: чѣмъ онъ хвастается, въ чемъ такъ увѣренъ? Сашенька мнѣ писала по его просьбѣ, что если сердце мое узнаетъ и назоветъ того, кто безпрестанно думаетъ обо мнѣ, краснѣетъ при одномъ имени моемъ; что если я напишу ей, что угадала его имя, то онъ пріѣдетъ въ Петербургъ и будетъ просить моей руки,—вотъ и весь романъ; кто знаетъ, какая еще будетъ развязка? Да, я рѣшаюсь выдти за него безъ сильной любви, но съ увѣренностью, что буду съ нимъ счастлива, онъ такъ добръ, благороденъ, не глупъ, любитъ меня, а дома я такъ несчастлива. Я такъ хочу быть любимой!

— Боже мой! если бы вы только хотѣли дога-

даться, какъ васъ любятъ! Если-бы хотѣли только понять, съ какой пылкостью, съ какой покорностью, съ какимъ неистовствомъ васъ любитъ одинъ молодой человѣкъ моихъ лѣтъ.

— Я знаю, что вы опять говорите о Л—нѣ; я именно и ввѣряю ему свою судьбу, потому что увѣрена въ его любви, потому что я первая его страсть.

— Вотъ прекрасно, вы думаете, что я хлопочу за Л—хина?

— Если не о немъ, такъ о комъ-же вы говорите?

— Положимъ, что и о немъ. Но отвѣчайте мнѣ прежде на одинъ мой вопросъ: скажите, если бы васъ въ одно время любили два молодые человѣка, одинъ— пускай его будетъ Л—хинъ, онъ богатъ, счастливъ, все ему улыбается, все предъ нимъ преклоняется, все ему доступно, единственно потому только, что онъ богатъ! Другой-же молодой человѣкъ далеко не богатъ, не знатенъ, не хорошъ собой, но уменъ, но пылокъ, воспріимчивъ и глубоко несчастливъ; онъ стоитъ на краю пропасти, потому что никому и ни во что не вѣритъ, не знаетъ, что такое взаимность, что такое ласка матери, дружба сестры, и если-бы этотъ бѣднякъ рѣшился обратиться къ вамъ и сказать вамъ: спаси меня, я тебя боготворю, ты сдѣлаешь изъ меня великаго человѣка, полюби меня и я буду вѣрить въ Бога, ты одна можешь спасти мою душу. Скажите, что́ бы вы сдѣлали?

— Я надѣюсь не быть никогда въ такомъ затруднительномъ положеніи; судьба моя уже почти рѣшена, я любима и сама буду любить.

— Будете любить! пошлое выраженіе, впрочемъ доступное женщинамъ; любовь по приказанію, по долгу! желаю вамъ полнаго успѣха, но мнѣ что-то

не вѣрится, чтобъ вы полюбили Л—хина; да этого и не будетъ!

Возвратясь домой, я еще больше негодовала на Л—хина; вѣдь это его необдуманная откровенность навлекла мнѣ такіе неловкіе разговоры съ Лермонтовымъ, сблизила меня съ нимъ.

Проучу же я его, помучаю, раздумывала я. Понятно, что я, хотя безсознательно, но уже дѣйствовала, думала и руководствовалась внушеніями Мишеля. А между тѣмъ, всѣ мои помышленія были для Лермонтова. Я вспоминала малѣйшее его слово, вездѣ видѣла его жгучіе глаза, поцѣлуй его все еще звучалъ въ ушахъ и раздавался въ сердцѣ, но я не признавалась себѣ, что люблю его. Приѣдетъ Л—хинъ, разсуждала я сама съ собой, и все пойдетъ иначе; онъ любитъ меня, хотя и безъ волненія, но глубоко; участіе его успокоитъ меня, разгонитъ мои сомнѣнія, я ему разскажу подробно все, что мнѣ говорилъ Лермонтовъ; я не должна ничего отъ него скрывать. Такъ думала я, такъ хотѣла поступить, но вышло иначе.

Вечеромъ пріѣхалъ къ намъ Мишель, разстроенный, блѣдный; улучилъ минуту увѣдомить меня, что Л—хинъ пріѣхалъ, что онъ ревнуетъ, что встрѣча ихъ была какъ встрѣча двухъ враговъ и что Л—хинъ намекнулъ ему, что онъ знаетъ его ухаживанье за мной и что онъ не прочь и отъ дуэли, даже и съ роднымъ братомъ, если-бы тотъ задумалъ быть его соперникомъ.

— Видите-ли, продолжалъ Лермонтовъ, если любовь его къ вамъ не придала ему ума, то по крайней мѣрѣ придала ему догадливости; онъ еще не видалъ меня съ вами, а уже знаетъ, что я васъ люблю; да, я васъ люблю, повторилъ онъ съ какимъ-то

дикимъ выраженіемъ, и намъ съ Л—хинымъ тѣсно вдвоемъ на землѣ!

— Мишель, вскричала я внѣ себя, что же мнѣ дѣлать?

— Любить меня.

— Но Л—хинъ, но письмо мое, оно равняется согласію.

— Если не вы рѣшите, такъ предоставьте судьбѣ или правильнѣе сказать: пистолету.

— Неужели нѣтъ исхода? помогите мнѣ, я все сдѣлаю, но только откажитесь отъ дуэли, только живите оба, я уѣду въ Пензу къ дѣдушкѣ и вы оба меня скоро забудете.

— Послушайте; завтра пріѣдетъ къ вамъ Л—хинъ, лучше не говорите ему ни слова обо мнѣ, если онъ самъ не начнетъ этого разговора; примите его непринужденно, ничего не говорите роднымъ о его предложеніи; увидя васъ, онъ самъ догадается, что вы перемѣнились къ нему.

— Я не перемѣнилась, я все та же, и все люблю и уважаю его.

— Уважаете! это не любовь; я люблю васъ, да и вы меня любите, или это будетъ непремѣнно; бойтесь меня, я на все способенъ и никому васъ не уступлю, я хочу вашей любви. Будьте осторожны; двѣ жизни въ вашихъ рукахъ!

Онъ уѣхалъ, я осталась одна съ самыми грустными мыслями, съ самыми черными предчувствіями. Мнѣ все казалось, что Мишель лежитъ передо мной въ крови, раненый, умирающій; я старалась въ воображеніи моемъ замѣнить его трупъ трупомъ Л—хина; это мнѣ не удавалось и несмотря на мои старанія, Л—хинъ являлся передо мной бѣленькимъ, розовымъ, съ

свѣтлымъ взоромъ, съ самодовольной улыбкой. Я жмурила глаза, но обѣ эти картины не измѣнялись, не исчезали. Совѣсть уже мучила меня за Л—хина; сердце билось, замирало, жило однимъ только Лермонтовымъ.

На другой день, часовъ въ двѣнадцать, пріѣхалъ къ намъ Л—хинъ; это первое свиданіе было принужденно, тетка не отходила отъ насъ; она очень холодно и свысока приняла Л—хина, но по просьбѣ дяди Николая Васильевича пригласила его въ тотъ же день къ себѣ обѣдать. Дядя желалъ отъ души, чтобъ я вышла замужъ за Л—хина, и лишь только онъ уѣхалъ, онъ началъ мнѣ толковать о всѣхъ выгодахъ такой партіи, но и тутъ я ни въ чемъ не призналась ему: какъ ни добивался онъ откровенности, но на этотъ разъ я дѣйствовала уже по разсчету. Съ первыхъ моихъ словъ, онъ-бы выгналъ Лермонтова, все-бы высказалъ Л—хину и устроилъ-бы нашу свадьбу. А мнѣ уже казалось невозможнымъ отказаться отъ счастія видѣть Мишеля, говорить съ нимъ, танцовать съ нимъ.

За обѣдомъ Л—хинъ сидѣлъ подлѣ меня; онъ былъ веселѣе чѣмъ утромъ, говорилъ только со мною, вспоминалъ наше московское житье до малѣйшей подробности, освѣдомлялся о моихъ выѣздахъ, о моихъ занятіяхъ, о моихъ подругахъ.

Мнѣ было неловко съ нимъ. Я все боялась, что онъ вотъ сейчасъ заговоритъ о Мишелѣ; я сознавалась, что очень виновата предъ нимъ, разсудокъ говорилъ мнѣ: «съ нимъ ты будешь счастлива», — а сердце вступалось за Лермонтова и шептало мнѣ: «тотъ больше тебя любитъ!» Мы ушли въ мой кабинетъ, Л—хинъ тотчасъ-же спросилъ меня:

— Помните-ли, что вы писали Сашенькѣ въ отвѣтъ на ея письмо?

— Конечно, отвѣчала я, это было такъ недавно.

— А если-бы давно, то вы-бы забыли или перемѣнились?

— Не знаю и не понимаю, къ чему ведетъ этотъ допросъ.

— Могу-ли я объясниться съ вашими родными?

— Ради Бога, подождите, сказала я съ живостью.

— Зачѣмъ-же ждать, если вы согласны?

— Все лучше; постарайтесь понравиться Марьѣ Васильевнѣ, играйте съ ней въ вистъ и потомъ....

— Неужели она можетъ имѣть на васъ вліяніе? я стараюсь нравиться только вамъ, я васъ люблю болѣе жизни и клянусь все сдѣлать для вашего счастья, лишь-бы вы меня немного любили.

Я заплакала и готова была тутъ-же высказать все Л—хину, упрекнуть его въ неограниченно-неумѣстномъ довѣріи къ Лермонтову, сообщить ему всѣ наши разговоры, всѣ его увѣренія, просить его совѣта, его помощи. Едва я вымолвила первыя слова, какъ дядя Николай Сергѣевичъ пришелъ, предложилъ ему сигару и увелъ въ свой кабинетъ. Четверть часа прошло, а съ нимъ и мое благое намѣреніе; мнѣ опять представился Лермонтовъ съ своими угрозами и вооруженнымъ пистолетомъ.

Л—хинъ былъ очень веселъ, усѣлся за вистъ съ Марьей Васильевной; я взяла работу, подсѣла къ карточному столу; онъ часовъ до девяти пробылъ у насъ. уѣхалъ выпросивъ позволеніе пріѣхать на другой день посмотрѣть на мой туалетъ, — мы собирались на балъ къ генералъ-губернатору.

Лишь только Л—хинъ отъ насъ уѣхалъ, какъ влетѣлъ Лермонтовъ. Для избѣжанія задушевнаго разговора, я осталась у карточнаго стола; онъ надулся, гремѣлъ

саблей, острилъ безъ пощады, говорилъ вообще дурно о свѣтскихъ дѣвушкахъ и въ самыхъ язвительныхъ выраженіяхъ разсказывалъ громогласно, относя къ давно прошедшему, мои отношенія къ Л—хину, любовь свою ко мнѣ и мое кокетство съ обоими братьями.

Наконецъ эта пытка кончилась; взбѣшенный моимъ равнодушіемъ и невмѣшательствомъ моимъ въ разговоръ, онъ уѣхалъ, но однако-же, при всѣхъ пригласилъ меня на завтрашнюю мазурку.

Я задумала остаться дома, упрашивала объ этомъ, мнѣ не позволяли, называли меня капризной. Итакъ, все было противъ меня и противъ моего желанія остаться вѣрной Л—хину.

Собираясь на балъ, я очень обдумывала свой туалетъ; никогда я не желала казаться такой хорошенькой, какъ въ этотъ вечеръ; на мнѣ было бѣлое платье и вѣтки репейника на головѣ, такая же вѣтка у лифа. Л—хинъ пріѣхалъ, я вышла къ нему съ дядей Николаемъ Васильевичемъ, который очень любилъ выказывать меня. Л—хинъ пришелъ въ восторгъ отъ моего сіянья, какъ онъ выразился и поцѣловалъ мою руку; — какая разница съ поцѣлуемъ Лермонтова! Тотъ рѣшилъ судьбу мою, въ немъ была вся моя жизнь, и я-бы отдала всѣ предстоящіе мнѣ годы за другой такой-же поцѣлуй!

Мы усѣлись; онъ спросилъ меня, какъ я окончила вчерашній вечеръ?

— Скучно!

— Кто былъ у васъ?

— Никого кромѣ Лермонтова.

— Лермонтовъ былъ! невозможно!

— Что-же тутъ невозможнаго? онъ и третьяго дня былъ!

— Какъ! въ день моего пріѣзда?

— Да.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ.

— Да, и тысячу разъ да, отвѣчала я, обидѣвшись, что онъ мнѣ не вѣритъ.

Мы оба надулись и прохаживались по комнатѣ. Тутъ я ужъ ничего не понимала, отчего такъ убѣжденъ Л—хинъ въ невозможности посѣщеній Мишеля. Я предчувствовала какія-то козни, но я не пыталась отгадывать и даже боялась отгадать, кто ихъ устроиваетъ; я чувствовала себя опутанной, связанной по рукамъ и по ногамъ, но кѣмъ?...

Вошла Марья Васильевна и мы поѣхали на балъ.

Лермонтовъ ждалъ меня у дверей; протанцовалъ со мной двѣ первыя кадрили и, подъ предлогомъ какого-то скучнаго вечера, уѣхалъ, обѣщаясь возвратиться къ мазуркѣ. Съ его минутнымъ отсутствіемъ, какъ глубоко поняла я значеніе стиха графа Рессегье:

Le bal continuait, — la fête n'était plus!

Онъ сдержалъ слово и возвратился на балъ, когда усаживались къ мазуркѣ. Онъ былъ веселъ, шутливъ, говорилъ съ восторгомъ о своей неизмѣнной любви и повершилъ тѣмъ, что объявилъ, что онъ очень счастливъ.—А вы? спросилъ онъ меня.

— Я, такъ себѣ, по прежнему.

— Вы продолжаете начатое?

— Лучше сказать, я останавливаю не начатое.

Онъ улыбнулся и съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку въ турѣ.

— Что Л—хинъ? спросилъ онъ.

— Ждетъ! отвѣчала я. Но скажите-же, monsieur Michel, что мнѣ дѣлать? Я въ такомъ неловкомъ,

запутанномъ положеніи; ваши угрозы смутили меня, я не могу быть откровенна съ Л—хинымъ, все боюсь недосказать или высказаться, я безпрестанно противорѣчу себѣ, своимъ убѣжденіямъ. Признайтесь, его ревность, его намѣреніе стрѣляться съ вами, все это было въ вашемъ только воображеніи?

— О, я вижу, сказалъ онъ съ живостью, что ужъ успѣли мнѣ повредить въ вашемъ мнѣніи; вы мнѣ больше не вѣрите. Я вамъ говорилъ, что у меня есть враги, и вотъ они и постарались внушить вамъ подозрѣнія, и успѣли кажется: оттого-то вы мнѣ и не вѣрите.

— Вѣрю, божусь, вѣрю, но бѣдный Л—хинъ въ такомъ миролюбивомъ расположеніи, такъ увѣренъ во мнѣ, а—я, я, мнѣ кажется, его обманываю, поступаю съ нимъ неблагородно, мучу его и сама терзаюсь. Надо же положить всему этому конецъ!

— Ну что-же, выходите за него; онъ богатъ, онъ глупъ, вы будете его водить за носъ. Что вамъ до меня, что вамъ любовь моя?... я бѣденъ!... Пользуйтесь вашимъ положеніемъ, будьте счастливы, выходите за него, но на дорогѣ къ этому счастью, вы перешагнете черезъ мой или его трупъ, тѣмъ лучше! Какая слава для васъ, два брата, два друга за васъ сдѣлаются непримиримыми врагами, убійцами. Весь Петербургъ, вся Москва будутъ съ недѣлю говорить о васъ! довольно-ли этого для вашего ненасытнаго самолюбія, для вашего кокетства?

— Вы меня, Михаилъ Юрьевичъ, или не знаете, или презираете. Скажите, что я сдѣлала, чтобы заслужить такія колкія и дерзкія выраженія? Я согласилась на предложеніе Л—хина, прежде чѣмъ встрѣтилась съ вами; я не звала васъ къ намъ, вы ворвались

въ нашъ домъ почти силой, и съ тѣхъ поръ преслѣдуете меня вашими увѣреніями, угрозами и даже дерзостью. Я болѣе не допущу этого, я довольно настрадалась въ это время, и завтра же все покончу. Вотъ и теперь на балѣ, въ кругу блеска, золота, веселья, меня преслѣдуетъ вашъ образъ окровавленный, обезображенный, я вижу васъ умирающимъ, я страдаю за васъ, готова сейчасъ заплакать, а вы упрекаете меня въ кокетствѣ!

Мазурка кончилась, всѣ танцующіе сдѣлали большой туръ по всѣмъ комнатамъ, мы немного отстали и пробѣгая черезъ большую билліардную, Лермонтовъ нагнулся, поцѣловалъ мою руку, сжалъ ее крѣпко въ своей и шепнулъ мнѣ: «я счастливъ!»

Возвратясь въ большую залу, мы прямо усѣлись за столъ. Лермонтовъ, конечно, ужиналъ подлѣ меня; никогда не былъ онъ такъ веселъ, такъ оживленъ.

— Поздравьте меня, сказалъ онъ, я началъ славное дѣло, оно представляло затрудненія, но по началу, по завязкѣ, я надѣюсь на блестящее окончаніе.

— Вы пишите что-нибудь?

— Нѣтъ, но я на дѣлѣ заготовляю матеріалы для многихъ сочиненій: знаете-ли, вы будете почти вездѣ героиней.

— Ахъ, ради Бога, избавьте меня отъ такой гласности.

— Невозможно! первая любовь, первая мечта поэтовъ вездѣ вкрадывается въ ихъ сочиненіяхъ; знаете-ли, вы мнѣ сегодня дали мысль для одного стихотворенія?

— Мнѣ кажется, что у меня въ это время не было ни одной ясной мысли въ головѣ и вы мнѣ придаете свои.

— Нѣтъ, прекрасная мысль! Вы мнѣ съ такимъ увлеченіемъ сказали, что въ кругу блеска, шума, танцевъ, вы только видите меня, раненаго, умирающаго и въ эту минуту вы улыбались для толпы, но вашъ голосъ дрожалъ отъ волненія, но на глазахъ блестѣли слезы, и со временемъ я опишу это. Узнаете-ли вы себя въ моихъ произведеніяхъ?

— Если они не будутъ раскрашены вашимъ воображеніемъ, то останутся безцвѣтными и блѣдными, какъ я, и не многихъ заинтересуютъ.

— А были-ли вы сегодня блѣдны, когда Л—хинъ, провожая васъ на балъ, поцѣловалъ вашу руку?

— Вы шпіонъ?

— Нѣтъ, я просто повѣренный!

— Глупъ же Л—хинъ, что вамъ довѣряется; ваше поведеніе съ нимъ неблагородно.

— Въ войнѣ всѣ хитрости допускаются. Да и вы-то кажется переходите на непріятельскую сторону; прежде выхваляли его умъ, а теперь называете его глупцомъ.

— А вы забываете, что и умный человѣкъ можетъ быть глупо-довѣрчивъ и самая эта довѣрчивость говоритъ въ его пользу; онъ добръ и неспособенъ къ хитрости.

Я провела ужасныя двѣ недѣли между двумя этими страстями. Л—хинъ трогалъ меня своею преданностью, покорностью, смиреніемъ, но иногда у него проявлялись проблески ревности. Лермонтовъ-же поработилъ меня совершенно своей взыскательностью, своими капризами, онъ не молилъ, но требовалъ любви, онъ не преклонялся, какъ Л—хинъ, передъ моей волей, но налагалъ на меня свои тяжелыя оковы, говорилъ, что не понимаетъ ревности, но безпрестанно терзалъ меня сомнѣніемъ и насмѣшками.

Меня приводило въ большое недоумѣніе то, что они никогда не встрѣчались у насъ, а лишь только одинъ уѣдетъ, другой сейчасъ войдетъ. Когда-же ни одного изъ нихъ не было у меня на глазахъ, я просто не знала, куда дѣваться отъ мучительнаго безпокойства. Дуэль между ними была моей господствующей мыслію. Я высказала свои страданія Лермонтову и упросила его почаще проѣзжать мимо нашихъ оконъ: онъ жилъ дома за три отъ насъ. Я такъ привыкла къ скрипу его саней, къ крику его кучера, что не глядя въ окошко, знала его приближеніе и иногда, издали завидя развѣвающійся бѣлый султанъ и маханіе батистовымъ платкомъ, я успокоивалась на нѣсколько времени. Мнѣ казалось, что я такъ глубоко сохранила въ душѣ моей предпочтеніе къ нему подъ личиной равнодушія и насмѣшливости, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать это предпочтеніе, а между тѣмъ я высказывала ему свою душу безъ собственнаго сознанія и онъ узналъ прежде меня самой, что всѣ мои опасенія были для него одного.

Мнѣ было также непонятно ослѣпленіе всѣхъ родныхъ на его счетъ, особливо-же со стороны Марьи Васильевны. Она терпѣть не могла Лермонтова, но считала его ничтожнымъ и неопаснымъ мальчишкой, принимала его немножко свысока, но боясь его эпиграммъ, свободно допускала его разговаривать со мною; при Л—хинѣ она сторожила меня, не давала почти случая сказать двухъ словъ другъ другу, а съ Мишелемъ оставляла цѣлые вечера вдвоемъ! Теперь, когда я болѣе узнала жизнь и поняла людей, я еще благодарна Лермонтову, несмотря на то, что онъ убилъ во мнѣ сердце, душу, разрушилъ всѣ мечты, всѣ надежды, но онъ могъ и совершенно погубить меня и не сдѣлалъ этого.

Впослѣдствіи, одна изъ моихъ кузинъ, которой я разсказала всю эту эпоху съ малѣйшими подробностями, спросила одинъ разъ Мишеля, зачѣмъ онъ не поступилъ со мною, какъ и съ Любенькой Б. и съ хорошенькой дурочкой Т., онъ отвѣчалъ: «потому, что я ее любилъ искренно, хотя и не долго, она мнѣ была жалка и я увѣренъ, что никто и никогда такъ не любилъ и не полюбитъ меня, какъ она».

Онъ всѣми возможными, самыми ничтожными средствами тиранилъ меня; гладко зачесанные волосы не шли ко мнѣ; онъ требовалъ, чтобъ я всегда такъ чесалась; мнѣ сшили пунцовое платье съ золотой кордельерой и къ нему прибавили зеленый вѣнокъ съ золотыми желудями; для одного раза въ зиму этотъ нарядъ былъ хорошъ, но Лермонтовъ настаивалъ, чтобы я на всѣ балы надѣвала его — и несмотря на ворчанье Марьи Васильевны и пересуды моихъ пріятельницъ, я постоянно являлась въ этомъ театральномъ костюмѣ, движимая увѣреніями Мишеля, который повторялъ: «что вамъ до другихъ, если вы мнѣ такъ нравитесь?»

Однако-же онъ такъ началъ поступать послѣ 26 декабря, день, въ который я въ первый разъ призналась въ любви и дала торжественное обѣщаніе отдѣлаться отъ Л—хина. Это было на балѣ у генералъ-губернатора. Лермонтовъ пріѣхалъ къ самой мазуркѣ; я не помню ничего изъ нашего несвязнаго объясненія, но знаю, что счастье мое началось съ этого вечера. Онъ былъ такъ нѣженъ, такъ откровененъ, разсказывалъ мнѣ о своемъ дѣтствѣ, о бабушкѣ, о Чембарской деревнѣ, такими радужными красками описывалъ будущее житье наше въ деревнѣ, за границей, всегда вдвоемъ, всегда любящими и безконечно счастливыми,

молилъ отвѣта и рѣшенія его участи, такъ, что я не выдержала, измѣнила той холодной роли, которая давила меня, и, въ свою очередь, сказала ему, что люблю его больше жизни, больше чѣмъ любила мать свою и поклялась ему въ неизмѣнной вѣрности.

Онъ рѣшилъ, что прежде всего надо выпроводить Л—хина, потомъ понемногу уговаривать его бабушку согласиться на нашу свадьбу; о родныхъ моихъ и помину не было, мнѣ была опорой любовь Мишели и съ ней я никого не боялась, готова была открыто дѣйствовать, даже и — противъ Марьи Васильевны!

Въ этотъ вечеръ я всю свою душу открыла Мишелю, высказала ему свои задушевныя мечты, помышленія. Онъ увѣрился, что онъ давно былъ любимъ и любимъ свято, глубоко; онъ казался вполнѣ счастливымъ, но какъ будто боялся чего-то, — я обидѣлась, предполагая, что онъ сомнѣвается во мнѣ и лицо мое омрачилось.

— Я увѣренъ въ тебѣ, сказалъ онъ мнѣ, но у меня такъ много враговъ, они могутъ оклеветать меня, очернить, я такъ не привыкъ къ счастію, что и теперь, когда я увѣрился въ твоей любви, я счастливъ настоящимъ, но боюсь за будущее; да, я еще не зналъ, что и счастье заставляетъ грустно задумываться!

— Да, и такъ скоро раздумывать о завтрашнемъ днѣ, который уже можетъ сокрушить это счастье!

— Но кто-же мнѣ поручится, что завтра кто-нибудь не постарается словесно или письменно перетолковать вамъ мои чувства и дѣйствія?

— Повѣрьте, мнѣ никто и никогда не повредитъ въ моемъ мнѣніи о васъ, вообще я не руководствуюсь чужими толками.

— И потому ты вопреки всѣхъ и всегда будешь моей заступницей?

— Конечно. Къ чему объ этихъ предположеніяхъ такъ долго говорить; кому какое дѣло до насъ, до нашей любви? Посмотрите кругомъ, никто не занимается нами и кто скажетъ, сколько радостей и горя скрывается подъ этими блестящими нарядами; дай Богъ, чтобъ всѣ они были такъ счастливы, какъ я!

— Какъ мы, подтвердилъ Лермонтовъ; надо вамъ привыкать, думая о своемъ счастіи, помнить и обо мнѣ.

Я возвратилась домой совершенно перерожденная. Наконецъ-то я любила; мало того, я нашла идола, передъ которымъ не стыдно было преклоняться передъ цѣлымъ свѣтомъ, я могла гордиться своей любовью, а еще болѣе его любовью; мнѣ казалось, что я достигла цѣли всей своей жизни; я-бы съ радостью умерла, унеся съ собой на небо, какъ вѣнецъ безсмертія, клятву его любви и вѣру мою въ неизмѣнность этой любви. О! какъ счастливы тѣ, которые умираютъ не разочарованными! Измѣна хуже смерти; что за жизнь, когда никому не вѣришь и во всемъ сомнѣваешься!

На другой день Л—хинъ былъ у насъ; на обычный его вопросъ, съ кѣмъ я танцовала мазурку, я отвѣчала не запинаясь:

— Съ Лермонтовымъ.

— Опять! вскричалъ онъ.

— Развѣ я могла ему отказать?

— Я не объ этомъ говорю; мнѣ-бы хотѣлось навѣрное знать, съ кѣмъ вы танцовали?

— Я вамъ сказала.

— Но если я знаю, что это неправда.

— Такъ, стало быть, я лгу?

— Я этого не смѣю утверждать, но полагаю, что вамъ весело со мной кокетничать, меня помучить, раз-

вить мою ревность къ бѣдному Мишелю; все это, можетъ быть, очень мило, но не кстати; перестаньте шутить, мнѣ право тяжело; ну скажите же мнѣ, съ кѣмъ вы забывали меня въ мазуркѣ?

— Съ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ.

— Это ужъ черезъ-чуръ, вскричалъ Л—хинъ; какъ вы хотите, чтобы я вамъ повѣрилъ, когда я до двѣнадцати почти часовъ просидѣлъ у больного Лермонтова и оставилъ его въ постелѣ крѣпко заснувшаго!

— Ну что-жъ? Онъ послѣ вашего отъѣзда проснулся, выздоровѣлъ и пріѣхалъ на балъ прямо къ мазуркѣ.

— Пожалуйста, оставьте Лермонтова въ покоѣ; я прошу васъ назвать мнѣ вашего кавалера; замѣтьте, я прошу, я бы вѣдь могъ требовать.

— Требовать! вскричала я вспыхнувъ, какое же вы имѣете право? Что́ я вамъ обѣщала, увѣряла-ли васъ въ чемъ-нибудь? Слава Богу, вы ничего не можете требовать, а ваши безпрестанныя вспышки, всѣ эти сцены до того меня истерзали, измучили, истомили, что лучше намъ теперь-же положитье всему конецъ и врозь искать счастія.

Я не смѣла взглянуть на Л—хина и поспѣшила выдти изъ комнаты. Наединѣ я предалась отчаянію; я чувствовала себя кругомъ виноватой передъ Л—хинымъ; я сознавалась, что отталкивала вѣрное счастіе быть любимой, богатой, знатной, за невѣрный призракъ, за ненадежную любовь!

Притворная болѣзнь Лермонтова, умолчаніе со мной объ этой продѣлкѣ, чернымъ предчувствіемъ опутали всѣ мои мысли; мнѣ стало страшно за себя, я какъ будто чувствовала бездну подъ своими ногами, но я такъ его любила, что успокоила себя его-же парадок-

сомъ: «предпочитать страданіе и горе отъ любимаго человѣка — богатству и любви другого». «Будь что должно быть, сказала я себѣ, я поступила такъ, какъ онъ хотѣлъ, и такъ неожиданно скоро! Ему это будетъ пріятно, а мнѣ только этого и надобно».

VII.

Горькія предчувствія. — Предостереженіе друга. — Отъѣздъ бывшаго жениха. — Кольцо. — Анонимное письмо. — Семейная буря. — Обыскъ, допросъ, арестъ. — Исповѣдь. — Рѣшительное объясненіе съ Лермонтовымъ.

1834—1835 гг.

Въ первый разъ, когда я увидѣла Мишеля послѣ этого разрыва и когда онъ мнѣ сказалъ: tu es un ange, — я была вполнѣ вознаграждена; мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ то, что́ называлъ онъ моимъ жертвоприношеніемъ.

Я нашла почти жестокимъ съ его стороны, выставлять и толковать мнѣ, «какъ я необдуманно поступила отказавъ Л—хину, какая была-бы это для меня, бѣдной сироты, блестящая партія, какъ-бы я всегда была облита брилліантами, окутана шалями, окружена роскошью». Онъ какъ будто поддразнивалъ меня.

— Я поступила по собственному убѣжденію, а главное, по вашему желанію, и потому ни о чемъ не жалѣю.

— Неужели одна моя любовь можетъ все это замѣнить?

— Рѣшительно все.

— Но у меня дурной характеръ; я вспыльчивъ, золъ, ревнивъ; я долженъ служить, заниматься, вы всю жизнь проведете въ заперти съ моей бабушкой.

— Мы будемъ съ ней говорить о васъ, ожидать вашего возвращенія; намъ вмѣстѣ будетъ даже весело; моя пылкая любовь понимаетъ и цѣнитъ ея старческую привязанность.

Онъ пожалъ мнѣ руку, сказавъ:

— Съ моей стороны, это было маленькое испытаніе; я вѣрю вашей любви и готовности сдѣлать мое счастіе, и самъ я никогда не былъ такъ счастливъ, потому что никогда не былъ такъ любимъ. Но однако-же обдумайте все хорошо, не пожалѣете-ли вы когда о Л—хинѣ? Онъ добръ — я золъ, онъ богатъ — я бѣденъ; я не прощу вамъ ни сожалѣнія, ни сравненія, а теперь еще время не ушло и я еще могу помирить васъ съ Л—хинымъ и быть вашимъ шафероmъ.

— Мишель, неужели вы не понимаете, что вамъ жестоко подсмѣиваться теперь надо мной и уговаривать меня поступить противъ моего сердца и моей совѣсти? Я васъ люблю и для меня все кончено съ Л—хинымъ. Зачѣмъ вы мучите меня и выказываетесь хуже, чѣмъ вы есть?

— Чтобъ не поступить, какъ другіе; всѣ хотятъ казаться добряками и въ нихъ скоро разочаровываются, — я, можетъ быть, преувеличиваю свои недостатки и для васъ будетъ пріятный сюрпризъ найти меня лучше, чѣмъ вы ожидаете.

Трудно представить, какъ любовь Лермонтова возвысила меня въ моихъ собственныхъ глазахъ; я благоговѣла передъ нимъ, удивлялась ему; гляжу бывало на него и не нагляжусь, слушаю и не наслушаюсь. Я переходила черезъ всѣ фазы ревности, когда приѣзжали къ намъ молодыя дѣвушки (будь онѣ уроды), я каждую изъ нихъ ревновала, каждой изъ

нихъ завидовала, каждую ненавидѣла за одинъ его взглядъ, за самое его пошлое слово. Но отрадно мнѣ было при моихъ поклонникахъ; передъ ними я гордилась его любовью, была съ ними почти неучтива, едва отвѣчала на ихъ фразы, мнѣ такъ и хотѣлось сказать имъ: «оставьте меня, вамъ-ли тягаться съ нимъ? Вотъ мой алмазъ-регентъ, онъ обогатилъ, онъ украсилъ жизнь мою; вотъ мой кумиръ,—онъ вдохнулъ безсмертную любовь въ мою безсмертную душу».

Въ это время я жила полной, но тревожной жизнью сердца и воображенія и была счастлива до безконечности.

Помнишь-ли ты, Маша[1]), послѣдній нашъ балъ, на которомъ мы въ послѣдній разъ такъ весело танцовали вмѣстѣ, на которомъ однако-же я такъ разсердилась на тебя? Я познакомила тебя съ Лермонтовымъ и съ Л—нымъ и ты на мои пылкіе и страстные разсказы отвѣчала, покачавъ головой:

— Ты промѣняла кукушку на ястреба.

О, ты должна вѣрить, какъ искренно я тебя люблю, потому что я тебѣ простила это дерзкое сравненіе. Да, твоя дружба предугадала его измѣну, ты все проникла своимъ свѣтлымъ, спокойнымъ взоромъ и сказала мнѣ: «съ Л—нымъ ты будешь счастлива, а Лермонтовъ кромѣ горя и слезъ ничего не дастъ тебѣ». Да, ты была права;—но я, безразсудная, была въ чаду, въ угарѣ отъ его рукопожатій, нѣжныхъ словъ и страстныхъ взглядовъ.

---

[1]) Составительница записокъ въ этомъ мѣстѣ обращается къ своему другу М. С. Багговутъ, для которой собственно и были писаны эти записки.

Въ мазуркѣ я сѣла рядомъ съ тобой, предупредивъ Мишеля, что ты все знаешь и присутствіемъ твоимъ покровительствуешь намъ и что мы можемъ говорить, не стѣсняясь твоимъ сосѣдствомъ. Ты слышала, какъ увѣрялъ онъ меня, что дѣла наши подходятъ къ концу, что недѣли черезъ двѣ онъ объявитъ о нашей свадьбѣ, что бабушка согласна,—ты все это слышала и радовалась за меня. А я! о, какъ слѣпо я ему вѣрила, когда онъ клялся, что сталъ другимъ человѣкомъ, будто перерожденнымъ, вѣритъ въ Бога, въ любовь, въ дружбу, что все благородное, все высокое ему доступно и что это чудо совершила любовь моя; — какъ было не вскружиться моей бѣдной головѣ!

На этомъ балѣ Л—хинъ совершенно распрощался со мной, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву. Я рада была этому отъѣзду, мнѣ съ нимъ было такъ неловко и отчасти совѣстно передъ нимъ; къ тому-же и воображала, что присутствіе его мѣшаетъ Лермонтову просить моей руки.

На другой день этого бала, Мишель принесъ мнѣ кольцо, которое я храню какъ святыню, хотя слова, вырѣзанныя на этомъ кольцѣ, теперь можно принять за одну только насмѣшку [1]).

Мнѣ становится невыносимо тяжело писать; я подхожу къ перелому всей моей жизни, а до сихъ поръ я съ какой-то ребячливостью отталкивала и заглушала все, что мнѣ напоминало объ этомъ ужасномъ времени.

---

[1]) Кольцо это, къ сожалѣнію, не сохранилось въ семействѣ покойной Е. А. Хвостовой.

Одинъ разъ, вечеромъ, у насъ были гости, играли въ карты, я съ Лизой и дядей Николаемъ Сергѣевичемъ сидѣла въ кабинетѣ; она читала, я вышивала, онъ по обыкновенію раскладывалъ grand-patience. Лакей подалъ мнѣ письмо, полученное по городской почтѣ; я начала его читать и вѣроятно очень измѣнилась въ лицѣ, потому что дядя вырвалъ его у меня изъ рукъ и сталъ читать его вслухъ, не понимая ни слова, ни смысла, ни намековъ о Л—хинѣ, о Лермонтовѣ, и удивлялся, съ какой стати злой анонимъ такъ заботится о моей судьбѣ. Но для меня каждое слово этого рокового письма было пропитано ядомъ и сердце мое обливалось кровью. Но что́ я была принуждена вытерпѣть брани, колкостей, униженія, когда гости разъѣхались и Марья Васильевна прочла письмо, врученное ей покорнымъ супругомъ! Я и теперь еще краснѣю отъ негодованія, припоминая грубыя выраженія ея гнѣва.

Вотъ содержаніе письма, которое никогда мнѣ не было возвращено, но которое огненными словами запечатлѣлось въ моей памяти и въ моемъ сердцѣ:

«Милостивая государыня,
Екатерина Александровна!

«Позвольте человѣку, глубоко вамъ сочувствующему, уважающему васъ и умѣющему цѣнить ваше сердце и благородство, предупредить васъ, что вы стоите на краю пропасти, что любовь ваша къ нему (извѣстная всему Петербургу, кромѣ родныхъ вашихъ) погубитъ васъ. Вы и теперь уже много потеряли во мнѣніи свѣта, оттого что не умѣете и даже не хотите скрывать вашей страсти къ нему.

«Повѣрьте, онъ недостоинъ васъ. Для него нѣтъ

ничего святого, онъ никого не любитъ. Его господствующая страсть: господствовать надъ всѣми и не щадить никого для удовлетворенія своего самолюбія.

«Я зналъ его прежде, чѣмъ вы; онъ былъ тогда и моложе и неопытнѣе, что однако-же не помѣшало ему погубить дѣвушку, во всемъ равную вамъ и по уму и по красотѣ. Онъ увезъ ее отъ семейства и, натѣшившись ею, бросилъ.

«Опомнитесь, придите въ себя, увѣрьтесь, что и васъ ожидаетъ такая-же участь. На васъ въ чужѣ жаль смотрѣть. О зачѣмъ, зачѣмъ вы его такъ полюбили? Зачѣмъ принесли ему въ жертву сердце, преданное вамъ и достойное васъ.

«Одно участіе побудило меня писать къ вамъ; авось еще не поздно! Я ничего не имѣю противъ него, кромѣ презрѣнія, которое онъ вполнѣ заслуживаетъ. Онъ не женится на васъ, повѣрьте мнѣ; покажите ему это письмо, онъ прикинется невиннымъ, обиженнымъ, забросаетъ васъ страстными увѣреніями, потомъ объявитъ вамъ, что бабушка не даетъ ему согласія на бракъ; въ заключеніе прочтетъ вамъ длинную проповѣдь или просто признается, что онъ притворялся, да еще посмѣется надъ вами и — это лучшій исходъ, котораго вы можете надѣяться и котораго отъ души желаетъ вамъ:

Вамъ неизвѣстный, но преданный вамъ
другъ NN.[1])

Вообрази, какое волненіе произвело это письмо на весь семейный конгрессъ и какъ оно убило меня!

---

[1]) Въ составленіи этого письма Е. А., какъ сама впослѣдствіи разсказывала, подозрѣвала М. Ю. Лермонтова; — но это подозрѣніе родилось въ ней не вдругъ, а въ послѣдующіе уже годы ея жизни.

Но никто изъ родныхъ и не подозрѣвалъ, что дѣло шло о Лермонтовѣ и о Л—хинѣ; они судили, рядили, но не догадываясь, стали допрашивать меня. Тутъ я ожила и стала утверждать, что не понимаю, о комъ шла рѣчь въ письмѣ, что вѣроятно его написалъ изъ мести какой-нибудь отверженный поклонникъ, чтобъ навлечь мнѣ непріятность. Можетъ быть, все это и сошло-бы мнѣ съ рукъ; роднымъ мысль моя показалась правдоподобной, если-бы сестра моя, Лиза, не сочла нужнымъ сказать имъ, что въ письмѣ намекалось на Лермонтова, котораго я люблю, и на Л—хина, за котораго не пошла замужъ, по совѣту и по волѣ Мишеля.

Я не могу вспомнить, что я выстрадала отъ этого неожиданнаго заявленія, тѣмъ болѣе, что Лиза знала многіе мои разговоры съ Мишелемъ, и сама старалась воспламенить меня, отдавая продпочтеніе Мишелю надъ Л—нымъ.

..... Открыли мой столъ, перешарили все въ моей шкатулкѣ, перелистали всѣ мои книги и тетради, конечно ничего не нашли; мои дѣйствія, мои мысли, моя любовь были такъ чисты, что если я во время этого обыска и краснѣла, то только отъ негодованія, отъ стыда за ихъ поступки и ихъ подозрѣнія. Они поочередно допрашивали всѣхъ лакеевъ, всѣхъ дѣвушекъ, не была-ли я въ перепискѣ съ Лермонтовымъ, не цаловалась-ли съ нимъ, не имѣла-ли я съ нимъ тайнаго свиданія!?

Что за адское чувство страдать отъ напраслины, а главное, выслушивать, какъ обвиняютъ боготворимаго человѣка! Удивительно, какъ въ ту ночь я не выплакала все сердце и осталась въ своемъ умѣ.

Я была отвержена всѣмъ семействомъ: со мной не говорили, на меня не смотрѣли (хотя и зорко ка-

раулили), мнѣ даже не позволяли обѣдать за общимъ столомъ, какъ будто мое присутствіе могло осквернить и замарать ихъ! А Богъ видѣлъ, кто изъ насъ былъ чище и правѣе.

Моей единственной отрадой была мысль о любви Мишеля, она поддерживала меня, — но какъ ему дать знать все, что я терплю и какъ страдаю изъ любви къ нему? Я знала, что онъ два раза заѣзжалъ къ намъ, но ему отказывали.

Дня черезъ три послѣ анонимнаго письма и моей опалы, Мишель опять пріѣхалъ, его не велѣли принимать; онъ настаивалъ, шумѣлъ въ лакейской, говорилъ, что не уѣдетъ, не повидавшись со мной, и велѣлъ доложить объ этомъ. Марья Васильевна, не отличавшаяся храбростью, побаивалась Лермонтова, не рѣшалась выдти къ нему и упросила свою невѣстку, А. С. С—ву, принять его. Она не соглашалась выдти къ нему безъ меня, — за что я ей несказанно была благодарна. Марья Васильевна ухитрилась надѣть на меня шубу, какъ несомнѣнное доказательство тому, что мы ѣдемъ въ театръ, и потому только отказывала ему, чѣмъ она ясно доказала Мишелю, что боится не принимать его и прибѣгаетъ къ пошлымъ обманамъ. Я въ слезахъ, но съ восторгомъ выскочила къ Мишелю; добрая А. С. учтиво извинилась передъ нимъ и дала намъ свободу поговорить. На всѣ его распросы, я твердила ему безсвязно: «анонимное письмо,—меня мучатъ,—насъ разлучаютъ,—мы не ѣдемъ въ театръ,—я все таже и никогда не измѣнюсь».

— Какъ намъ видѣться? спросилъ онъ.

— На балахъ, когда выйду изъ домашняго ареста.

Тутъ онъ опять обратился къ А. С. и просилъ

передать роднымъ, что пріѣзжалъ объясниться съ ними обо мнѣ и не понимаетъ, почему они не хотятъ его видѣть, намѣренія его благородны и обдуманны. И онъ уѣхалъ—въ послѣдній разъ былъ онъ въ нашемъ домѣ.

Тутъ началась для меня самая грустная, самая пустая жизнь; мнѣ некого было ждать, не пріѣдетъ онъ больше къ намъ; — надежда на будущее становилась все блѣднѣе и неяснѣе. Мнѣ казалось невѣроятнымъ и невозможнымъ жить и не видѣть его, и давно-ли еще мы такъ часто бывали вмѣстѣ, просиживали вдвоемъ длинные вечера; уѣдетъ, бывало и, мнѣ останется отрадой припоминать всякое движеніе его руки, значеніе улыбки, выраженіе глазъ, повторять всякое его слово, обдумывать его. Провожу, бывало, его и съ нетерпѣніемъ возвращаюсь въ комнату, сажусь на то мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ, съ упоеніемъ допиваю неоконченную имъ чашку чая, перецѣлую все, что онъ держалъ въ рукахъ своихъ — и все это я дѣлала съ какимъ-то благоговѣніемъ.

Долго я не могла понять этой жестокой разлуки; самую смерть его, мнѣ казалось, я перенесла-бы съ бо́льшею покорностью, тутъ было-бы предопредѣленіе божіе; но эта разлука, наложенная ненавистными людьми, была мнѣ невыносима и я роптала на нихъ, даже проклинала ихъ.

«Какъ выдержитъ онъ это испытаніе? безпрестанно спрашивала я себя. Устоитъ-ли его постоянство? Преодолѣетъ-ли онъ всѣ препятствія? Что будетъ со мной, если деспотическое тиранство моихъ гонителей согласуется съ его тайнымъ желаніемъ отвязаться отъ моей пылкой и ревнивой страсти? Любитъ-ли еще онъ меня?» вскрикивала я съ отчаяніемъ

и не знала, что отвѣчать на всѣ это вопросы... Иногда я доходила до помѣшательства: я чувствовала, какъ мысли мои путались, сталкивались; я тогда много писала и не находила словъ для выраженія моихъ мыслей; по четверти часа я задумывалась, чтобъ припомнить самыя обыкновенныя слова. Иногда мнѣ приходило въ голову, что жизнь моя можетъ вдругъ пресѣчься и я обдумывала средство жить безъ самой жизни.

Да, страшное было то время для меня, но оно прошло, какъ и все проходитъ, не оставивъ слѣда ни на лицѣ моемъ, ни на окружающихъ предметахъ; но бѣдное мое сердце! Однако-же и въ самые эти дни испытанія и пытки душевной, я нашла истинное утѣшеніе, я пріобрѣла вѣрныхъ и надежныхъ друзей: А. С. показывала мнѣ большое участіе, хотя и не знала всей грустной драмы моей жизни, а только ободряла и утѣшала меня, видя недоброе расположеніе ко мнѣ Марьи Васильевны. Cousin мой, Долгорукій, съ грустью тоже смотрѣлъ на меня и даже вызвался доставить письмо Мишелю, и я всегда ему буду благодарна за этотъ добрый порывъ, но я не воспользовалась его предложеніемъ; моимъ первымъ желаніемъ было жить и дѣйствовать такъ, чтобы не заслужить ни малѣйшаго обвиненія, а сердце никто не можетъ упрекнуть, къ кому-бы оно ни привязалось: любить свято, глубоко, не краснѣть за свою любовь, хранить воспоминаніе этого чувства яснымъ, свѣтлымъ, это еще хорошій удѣлъ и данъ не многимъ.

Горничная моя, Танюша, тоже въ эти дни гоненія очень привязалась ко мнѣ; она считала себя кругомъ виноватою передо мной: во время обыска въ моихъ вещахъ родные такъ напугали ее обѣщаніемъ наказа-

нія, если она что-нибудь утаитъ, что она принесла имъ романъ: l'Atelier d'un peintre, божась, что больше никогда ничего не видала отъ Михаила Юрьевича въ моихъ рукахъ, какъ эти книжки, исписанныя на поляхъ его примѣчаніями, и прибавила, что я ихъ безпрестанно перечитываю и цалую. Какъ послѣ она горько плакала со мной, раскаявалась, что выдала имъ книжки: «хоть бы ихъ-то вы теперь читали, говорила она; настращали меня, я испугалась, отдала ихъ, думала, что и васъ оставятъ въ покоѣ; такъ ужъ я имъ клялась, что больше ничего не было у васъ отъ Михаила Юрьевича».

Мнѣ кажется, что это одно показаніе Танюши могло-бы ихъ убѣдить, какъ невинна была моя любовь. Нѣтъ, подозрѣніе и караулъ продолжались. Они стерли резинкой всѣ его замѣтки въ книжкахъ, но нѣкоторыя я еще помню. Тамъ гдѣ говорилось о любви, онъ подписалъ:

«Aimer plus que l'on est aimé — Malheur!
«Aimer moins que l'on est aimé — Dégout!
Choisir!!!

Я подписала внизу: «Mon Dieu, comment donc vous aimer, vous ne serez content d'aucun amour. On peut cependant aimer autant que l'on est aimé!»

Потомъ. что-то говорилось о мертвой головѣ; онъ подчеркнулъ и написалъ: une tête de mort — la seule qui ne mente pas!

Ses yeux remplis d'étoiles, — онъ опять подписалъ: «comme les vôtres, — je profiterai de cette comparaison».

Въ концѣ было: «On est si bien près de la bonté», онъ замѣтилъ: «это нравится Лизѣ и ея замѣтка не ваша».

По этимъ припискамъ тетка заключила, что «онъ меня не уважаетъ, считаетъ совершенно погибшей; что она давно знала, что во мнѣ пути не будетъ».... и тому подобныя вещи, я должна была выслушивать съ утра до ночи.

Еще одинъ молодой человѣкъ, Ю—чъ, въ это тяжелое время, доказалъ мнѣ свою неограниченную преданность и на дѣлѣ явилъ, что нераздѣленная, но истинная любовь можетъ обратиться въ искреннюю дружбу. Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ однимъ изъ нашихъ habitués и съ перваго времени знакомства влюбился въ меня. Онъ снискалъ мою благосклонность тѣмъ, что никогда не промолвился мнѣ о любви своей, однако-же повѣрялъ ее другимъ; онъ считалъ меня недосягаемой для него, но кажется, видя меня равнодушною ко всѣмъ, надѣялся на будущее. Онъ первый догадался о любви моей къ Лермонтову и съ этой самой минуты онъ началъ поступать такъ благородно, какъ рѣдко приходится видѣть тому примѣры; онъ безъ ревности, безъ всякаго выказыванія самопожертвованія покорился судьбѣ и всячески старался выставить меня передъ Лермонтовымъ, возвышалъ каждое мое слово, выхвалялъ каждый мой поступокъ. Въ этомъ-же ужасномъ переломѣ моей жизни, онъ явился настоящимъ моимъ ангеломъ-утѣшителемъ.

Видя, какъ я грустила и изнывала, не зная ничего о Мишелѣ, онъ, или собиралъ всюду о немъ извѣстія, или выдумывалъ ихъ, но раза три или четыре въ недѣлю, доносилъ мнѣ подробно, что̀ Мишель дѣлалъ, гдѣ былъ, съ кѣмъ танцовалъ. Отъ наблюдательности его, обогащенной еще намеками Марьи Васильевны на мой счетъ, ничего не скрылось изъ этихъ недавнихъ происшествій; мало-по-малу онъ мнѣ высказался и

увѣрилъ меня, что «все сдѣлаетъ въ угодность мнѣ и что мое счастіе будетъ всегда его счастіемъ».

«Я хочу только его видѣть», отвѣчала я, не цѣня тогда его самоотверженія;—такъ всякое глубокое чувство невольно заставляетъ насъ быть жестокими къ самымъ преданнымъ намъ людямъ.

На другой-же день, за обѣдомъ (мнѣ уже разрѣшили обѣдать вмѣстѣ со всѣми), Ю—чъ сказалъ мнѣ вполголоса, но такъ, чтобы всѣ могли его разслышать, что «въ городѣ удивляются, отчего я такъ давно не выѣзжаю и что сестру видятъ одну съ Марьей Васильевной, что даже упрекаютъ ее въ потворствѣ моимъ капризамъ, что находятъ страннымъ мое отчужденіе отъ свѣта, дѣлаютъ разныя предположенія, что все это не хорошо, и надо, чтобы толки обо мнѣ прекратились».

Слова эти были всѣми услышаны, но пропущены какъ-бы безъ вниманія; однакоже на той-же недѣлѣ меня повезли на вечеръ къ Л. и тамъ я въ первый разъ встрѣтилась съ Мишелемъ, послѣ отказа ему отъ нашего дома. Хотя я напередъ знала, что непремѣнно увижу его тамъ, и заранѣе старалась приготовиться къ этому счастію, но войдя въ комнату, такъ смутилась, увидя его послѣ двухъ-недѣльной разлуки, что вся задрожала, у меня потемнѣло въ глазахъ, я чуть не упала. Марья Васильевна ущипнула меня, сказавъ, что сейчасъ увезетъ меня, если я намѣрена разъигрывать комедію; эта угроза всего болѣе подѣйствовала на меня, обдавъ меня холодомъ дѣйствительной жизни, и я оправилась. Мазурку мнѣ запрещено было танцовать съ Лермонтовымъ, но мы усѣлись рядомъ и могли говорить сколько душѣ было угодно. Онъ мнѣ сказалъ, что все прошедшее не удивляетъ

его, что онъ давно предугадывалъ, что ему повредятъ во мнѣніи моихъ родныхъ, но что теперь ему все равно, потому что мое-то мнѣніе о немъ осталось непоколебимымъ. Вѣроятно любовь моя была такъ искренна, что не могла укрыться подъ личиной свѣтскаго равнодушія и тѣмъ возбудила почти общее сочувствіе; всѣ знакомые, какъ-бы сговорясь, охраняли ее и прикрывали отъ зоркихъ глазъ Марьи Васильевны. Она на вечерахъ всегда играла въ карты; тогда мы танцовали вмѣстѣ или уходили говорить въ другую комнату, но когда она кончала свою партію, многіе прибѣгали объявить мнѣ объ этомъ и толпой сопровождали меня въ залу.

Такимъ образомъ я прозябала отъ вечера до вечера и считала жизнію только тѣ минуты, въ которыя видала Мишеля. Онъ старался поддержать во мнѣ надежду, обдумывалъ средство войти опять въ нашъ домъ, но больше уговаривалъ о побѣгѣ, о тайномъ бракѣ. Я возставала противъ этой мысли, говоря, что у меня достанетъ твердости объявить роднымъ, что и безъ ихъ согласія я выйду за него; эти споры все болѣе и болѣе разрушали мою надежду въ счастіе и терзали мое сердце.

Потомъ я видѣла его рѣже. На страстной недѣлѣ я говѣла; всю душу свою излила я передъ почтеннымъ духовникомъ своимъ, Петромъ Борисовичемъ Вигилянскимъ. Онъ одобрилъ мой отказъ бѣжать съ Лермонтовымъ, старался доказать мнѣ, что «онъ меня не искренно любитъ и совѣтовалъ выйти за кого другого, котораго я-бы могла уважать, и тогда, сказалъ онъ: строгое исполненіе вашихъ обязанностей, забота о счастіи человѣка, ввѣрившаго вамъ свое имя, мало-по-малу заглушатъ вашу любовь, а душевное спокой-

ствіе и сознаніе, что вы свято исполнили обязанности жены и матери, замѣнятъ счастіе».

Въ этотъ годъ Святая была довольно поздно. За заутреней, когда все ликовало и радовалось вокругъ меня, я такъ горько плакала, такъ судорожно рыдала во время всей службы, что возбудила общее участіе, даже и родные похристосовались со мною благосклонно и обѣщали возвратить прежнюю пріязнь и хорошее мнѣніе, съ уговоромъ, что я забуду Лермонтова!

Въ самый первый день Христова Воскресенія была такая вьюга, такая мятель, что десятки людей погибли на улицахъ, занесенные снѣгомъ; я такъ была настроена, что во всемъ этомъ видѣла грустное предзнаменованіе для меня.

Я съ особенной радостью и живѣйшимъ нетерпѣніемъ собиралась въ слѣдующую среду на балъ; такъ давно не видалась я съ Мишелемъ, и, вопреки всѣхъ и вся, рѣшила въ умѣ своемъ танцовать съ нимъ мазурку.

Пріѣзжаемъ на балъ, — его еще тамъ не было....

Не знаю, достанетъ-ли у меня силъ разсказать все, что̀ я выстрадала въ этотъ вечеръ. Вообще я пишу вкратцѣ, выпускаю многіе разговоры, но у меня есть завѣтная тетрадка, въ которую я вписывала, по нѣскольку разъ въ день, всѣ его слова, все, что̀ я слышала о немъ; мнѣ тяжело вторично воспоминаніемъ перечувствовать былое и я спѣшу только довести до конца главные факты этого переворота въ моей жизни [1]).

Я танцовала, когда Мишель пріѣхалъ; какъ стук-

[1]) Тетрадка эта была, какъ говорится, зачитана у Е. А. однимъ изъ ея родственниковъ, нѣсколько лѣтъ спустя, и такимъ образомъ, безъ сомнѣнія, пропала безвозвратно.

нуло мнѣ въ сердце, когда онъ прошелъ мимо меня и ..... не замѣтилъ меня! Я не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ и подумала, что онъ дѣйствительно проглядѣлъ меня. Кончивъ танцовать, я сѣла на самое видное мѣсто и стала пожирать его глазами, онъ и не смотритъ въ мою сторону; глаза наши встрѣтились, я улыбнулась, — онъ отворотился. Что́ было со мной, я не знаю и не могу передать всей горечи моихъ ощущеній; голова пошла кругомъ, сердце замерло, въ ушахъ зашумѣло, я предчувствовала что-то не доброе, я готова была заплакать, но толпа окружала меня, музыка гремѣла, зала блистала огнемъ, нарядами, всѣ казались веселыми, счастливыми..... Вотъ тутъ-то въ первый разъ поняла я, какъ тяжело притворяться и стараться сохранить безпечно-равнодушный видъ; однакоже, это мнѣ удалось, но Боже мой! чего мнѣ стоило это притворство! Не всѣхъ я успѣла обмануть; я на нѣсколько минутъ ушла въ уборную, чтобъ тамъ свободно вздохнуть; за мной послѣдовали мои милыя бальныя пріятельницы, Лиза Б. и Сашенька Ж.

— Что съ тобой? Что съ вами обоими сдѣлалось? приставали онѣ ко мнѣ.

— Не знаю, отвѣчала я и зарыдала передъ ними.

— Я улажу все дѣло, сказала Сашенька.

— И я буду о томъ-же стараться, подхватила Лиза.

И въ самомъ дѣлѣ, въ мазуркѣ онѣ безпрестанно подводили ко мнѣ Мишеля. Особливо цѣнила я эту жертву со стороны Лизы. Она сама страстно любила Лермонтова, однакоже уступала мнѣ свою очередь протанцовать съ нимъ, не принимала передо мною торжествующаго вида, но сочувствовала моему отчаянію и просила прощенія за то, что въ этотъ вечеръ онъ за ней ухаживалъ болѣе, чѣмъ за другими,—она

поневолѣ сдѣлалась моей соперницей. За то теперь, когда бѣдная Лиза сгубила себя для него, потеряна для родныхъ и для свѣта, какъ-бы я была счастлива, еслибы мнѣ привелось случайно ее встрѣтить, пожать ей руку, показать ей мое живѣйшее участіе не въ одномъ разочарованіи, но въ истинномъ бѣдствіи. Бѣдная Лиза! не было у нея довольно силы характера, чтобы противостоять ему—и она погибла!

Когда въ фигурѣ названій Лермонтовъ подошелъ ко мнѣ съ двумя товарищами и, зло улыбаясь и холодно смотря на меня, сказалъ: haine, mépris et vengeance, я, конечно, выбрала vengeance, какъ благороднѣйшее изъ этихъ ужасныхъ чувствъ.

«Вы несправедливы и жестоки, сказала я ему.

— Я теперь такой-же, какъ былъ всегда.

«Неужели вы всегда меня ненавидѣли, презирали? за что вамъ мстить мнѣ?

— Вы ошибаетесь, я не перемѣнился, да и къ чему было мѣняться; напыщенныя роли тяжелы и не подъ силу мнѣ; я дѣйствовалъ откровенно, но вы такъ охраняемы родными, такъ недоступны, такъ изучили теорію любить съ ихъ дозволенія, что мнѣ нечего дѣлать, когда меня не принимаютъ.

«Неужели вы сомнѣваетесь въ моей любви?

— Благодарю за такую любовь!

Онъ довелъ меня до мѣста и, кланяясь, шепнулъ мнѣ:

— Но лишній плѣнникъ вамъ дороже!

Въ мою очередь я подвела ему двухъ дамъ и сказала: pardon, dévouement, résignation.

Онъ выбралъ résignation, т.-е. меня. И, язвительно улыбаясь, сказалъ:

— Какъ скоро вы покоряетесь судьбѣ, вы будете очень счастливы!

«Мишель, не мучьте меня, скажите прямо, за что̀ вы сердитесь?

— Имѣю-ли я право сердиться на васъ? я доволенъ всѣмъ и всѣми и даже благодаренъ вамъ; — за все благодаренъ.

Онъ ужъ больше не говорилъ со мной въ этотъ вечеръ. Я не могу дать и малѣйшаго понятія о тогдашнихъ моихъ страданіяхъ; въ одинъ мигъ я утратила все и утратила такъ неожиданно, такъ незаслуженно! Онъ зналъ, какъ глубоко, какъ горячо я его любила; къ чему-же мучить меня недовѣріемъ, упрекать въ кокетствѣ? не по его-ли совѣтамъ я дѣйствовала, поссорясь съ Л—хинымъ? Съ той самой минуты, какъ сердце мое отдалось Мишелю, я жила имъ однимъ, или воспоминаніемъ о немъ, все вокругъ меня сіяло въ его присутствіи и меркло безъ него.

Въ эту грустную ночь я не могла ни на минуту сомкнуть глазъ. Я истощила всѣ средства, чтобъ найти причины его перемѣны, его раздражительности—и не находила.

«Ужъ не испытаніе-ли это?» мелькнуло у меня въ головѣ и благодатная эта мысль нѣсколько успокоила меня. «Пускай испытываетъ меня сколько хочетъ, сказала я себѣ; не боюсь; при первомъ-же свиданіи я разскажу ему, какъ я страдала, какъ терзалась, но скоро отгадала его злое намѣреніе испытанія и что ни холодность его, ни даже дерзость его не могли ни на минуту измѣнить моихъ чувствъ къ нему».

Какъ я переродилась; куда дѣвалась моя гордость, моя самоувѣренность, моя насмѣшливость! Я готова была стать передъ нимъ на колѣни, лишь-бы онъ ласково взглянулъ на меня!

Долго ждала я желаемой встрѣчи и дождалась, но

онъ все не глядѣлъ и не смотрѣлъ на меня, — не было возможности заговорить съ нимъ. Такъ прошло нѣсколько скучныхъ вечеровъ, наконецъ выпалъ удобный случай и я спросила его:

«Ради Бога, разрѣшите мое сомнѣніе, скажите, за что̀ вы сердитесь? Я готова просить у васъ прощенія, но выносить эту пытку и не знать за что̀ — это невыносимо. Отвѣчайте, успокойте меня!»

— Я ничего не имѣю противъ васъ; что прошло, того не воротишь, да я ничего ужъ и не требую; словомъ, я васъ больше не люблю, да, кажется, и никогда не любилъ.

«Вы жестоки, Михаилъ Юрьевичъ; отнимайте у меня настоящее и будущее, но прошедшее мое, оно одно мнѣ осталось и никому не удастся отнять у меня воспоминаніе; оно моя собственность, — я дорого заплатила за него.

Мы хо̀лодно разстались..... И вотъ я опять вступила въ грустную, одинокую жизнь, болѣе грустную и холодную, чѣмъ была она прежде; — тогда я еще надѣялась, жаждала любви, а тутъ ужъ и надежды не было, и любовь моя, схороненная въ глубинѣ сердца, мучила и терзала меня. Все мнѣ надоѣло, всѣ окружающіе меня сдѣлались мнѣ несносны, противны, я рада была скорому отъѣзду въ деревню....

Село Ѳедосьино, 1837 г.

Извѣстіемъ объ отъѣздѣ въ деревню оканчиваются записки Екатерины Александровны Сушковой, впослѣдствіи Хвостовой; далѣе слѣдуютъ двѣ-три странички разсказа объ отъѣздѣ ея въ Псковскую деревню и о новыхъ ухаживаніяхъ одного изъ ея сосѣдей; затѣмъ говорится о выходѣ замужъ ея родной сестры Елизаветы Александровны. Эти подробности не представляютъ, по содержанію своему, никакого общаго интереса, а потому здѣсь и опущены.

Такимъ образомъ, катастрофой разрыва съ М. Ю. Лермонтовымъ исчерпывается весь разсказъ Е. А. Года два спустя послѣ этого событія, является изъ Америки ея давнишній поклонникъ А. В. Хвостовъ; онъ дѣлаетъ ей предложеніе и получаетъ согласіе. Бракосочетаніе молодой четы было въ Петербургѣ, и обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ въ церкви св. Симеона; народу въ церкви было очень много и въ толпѣ публики былъ замѣтенъ Лермонтовъ; онъ, если не ошибаюсь, не задолго передъ тѣмъ вернулся съ Кавказа, изъ ссылки, и вновь поступилъ въ гвардію. Намъ разсказывали, будто Лермонтовъ усиленно просился быть шаферомъ у Е. А., и будто-бы не получивъ на то согласія, все-таки присутствовалъ при обрядѣ вѣнчанія и, будто-бы, плакалъ.

Въ какой степени это вѣрно и въ какой степени соотвѣтствуетъ характеру Лермонтова, мы не беремся

рѣшить. Съ другой стороны разсказываютъ, что изъ церкви, Лермонтовъ поспѣшилъ прежде молодыхъ въ домъ жениха и здѣсь, въ суетѣ пріема молодыхъ, сдѣлалъ оригинальную шалость: онъ взялъ солонку и разсыпалъ соль по полу. «Пусть молодые новобрачные ссорятся и враждуютъ всю жизнь», сказалъ Лермонтовъ тѣмъ, которые обратили вниманіе на эту умышленную неловкость.

Въ началѣ 1840 года дуэль Лермонтова съ Барантомъ была причиною вторичной ссылки его на Кавказъ; сюда-же въ Тифлисъ явилась и Екатерина Александровна съ мужемъ, имѣвшимъ постъ директора дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ кавказскаго края. Разсказываютъ, что именно въ это время, Лермонтовъ прислалъ Е. А. Хвостовой свой живописный очень хорошій портретъ. Увѣряютъ, что она, не принявъ этого портрета, отправила его назадъ. Лермонтовъ, будто-бы, въ величайшей досадѣ, изрѣзалъ портретъ въ куски и бросилъ его въ печку: «Если не ей, — будто-бы сказалъ при этомъ поэтъ, — то пусть никому не достается этотъ портретъ».

15-го іюля 1841 г., пуля офицера Николая Соломоновича Мартынова поразила на смерть молодого поэта.

«Еслибъ я могла хотя предчувствовать эту трагическую, столь преждевременную кончину Лермонтова, говорила впослѣдствіи г-жа Хвостова, то ужъ разумѣется и въ мысляхъ моихъ не было-бы сдѣлать такую глупость, какую я сдѣлала съ его портретомъ!»

Въ семействѣ Е. А. сохранился другой, маленькій портретъ Лермонтова; это копія съ акварельнаго портрета. На этомъ портретѣ Лермонтовъ изображенъ въ статскомъ платьѣ, въ довольно ранній возрастъ юности, курносый, съ фигурой весьма не-

представительной, но съ выразительными глазами, словомъ, наружность его здѣсь именно такова, какъ она описывается въ этихъ запискахъ. Г-жа Хвостова увѣряла, что этотъ портретъ чрезвычайно похожъ, и на оборотъ, совершенно не похожъ тотъ портретъ Лермонтова, который обыкновенно прикладывается къ его сочиненіямъ и приложенъ къ послѣднему изданію, а именно, гдѣ онъ изображенъ въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ и съ шашкой. Въ семействѣ-же госпожи Хвостовой какъ святыня хранится тотъ французскій романъ, о которомъ она упоминаетъ въ своихъ запискахъ, и поля котораго были испещрены остроумными замѣчаніями Михаила Юрьевича Лермонтова; но увы! всѣ эти замѣчанія, какъ выше разсказано, вытерты еще въ 1835 г.

Возвратимся къ Лермонтову. Въ запискахъ г-жи Хвостовой, при всемъ ея весьма понятномъ нежеланіи отнестись недружелюбно къ личности нѣкогда горячо ею любимой, эта личность все-таки, съ нравственной стороны, обрисовывается не совсѣмъ въ привлекательномъ видѣ. Лермонтовъ увлекаетъ дѣвушку, весьма искусно разыгрываетъ роль человѣка страстно влюбленнаго, энергически преодолѣваетъ препятствія, встрѣчаемыя имъ къ достиженію желаемой цѣли, не стѣсняется при этомъ никакими средствами, вѣроломно обманываетъ человѣка, считавшаго его своимъ искреннимъ другомъ и довѣрчиво открывавшаго Лермонтову свои задушевныя тайны. При этомъ, мороча довѣрчиваго пріятеля, Лермонтовъ являетъ полную готовность вытянуть его въ крайнемъ случаѣ на барьеръ, подъ выстрѣлъ пистолета. Наконецъ, когда цѣль достигнута, то-есть когда героиня разыгрываемаго въ лицахъ романа страстно влюбляется въ героя,

этотъ герой довольно рѣзко объявляетъ ей, что все происшедшее было не болѣе какъ шутка, какъ фарсъ, которымъ онъ тѣшилъ только свое самолюбіе и тщеславіе. Таковъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ его послѣднихъ и рѣшительныхъ объясненій съ составительницей записокъ.

Впрочемъ и сама г-жа Хвостова, на одной изъ страницъ своихъ воспоминаній, дѣлаетъ слѣдующаго рода обращеніе къ личности Лермонтова, обращеніе подтверждающее справедливость нашего замѣчанія. «Цѣлые дни, — писала она въ 1837 году, — бьюсь и на силу соберу въ памяти что-то напоминающее лицо Лермонтова... Помню только выраженіе глазъ и всегда чувствую пожатіе руки, когда въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ: «я люблю васъ»; но этотъ милый взглядъ, но эта добрая улыбка сливаются въ памяти съ столь-же холодной, жесткой, ѣдкой улыбкой, съ которой онъ впослѣдствіи времени сказалъ мнѣ, низко кланяясь: «вы преувеличили любовь мою, да я этого и хотѣлъ, не я-же васъ обманывалъ, а вы сами себя, преувеличивъ мои чувства».

Итакъ, повторяемъ, то впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе записокъ г-жи Хвостовой, въ концѣ концовъ, является далеко не въ пользу Лермонтова; но внимательно пересматривая его сочиненія, мы находимъ въ нихъ, если не оправданіе, то положительное разъясненіе этой замѣчательной личности. Вотъ, напр., что Лермонтовъ пишетъ относительно Лугина, героя одной изъ начатыхъ имъ повѣстей[1]): «Съ нѣкотораго времени Лугина преслѣдовала постоянно идея мучительная и несносная тѣмъ болѣе, что отъ нея стра-

[1]) Сочиненія Лермонтова, изданіе 1860 г., т. II, стр. 626 и 636.

дало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ, это правда, однако въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе, находили выраженіе лица его пріятнымъ; но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія постороннія и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность....»

«Мнѣ часто случалось, говоритъ Лугинъ, въ другомъ мѣстѣ той-же повѣсти, возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти; но такъ какъ я точно знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь этому счастію,— я себя спрашивалъ: могу-ли я влюбиться въ дурную? Вышло, нѣтъ. — Я дуренъ, и слѣдовательно женщина меня любить не можетъ.—Это ясно. Аристократическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ, онѣ и долѣе насъ покорены первому впечатлѣнію. Если я успѣвалъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ непомѣрныхъ трудовъ и жертвъ. Но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мной, и благодарилъ за него только себя, то самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви. Къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости; все это грустно, а правда!...»

Сопоставляя выписанныя строки изъ сочиненій Лермонтова со всѣмъ разсказомъ г-жи Хвостовой, для насъ многое въ поступкахъ перваго дѣлается совершенно яснымъ. И разъ признавъ въ Лугинѣ, фантастическомъ

героѣ повѣсти, сильное сходство съ ея авторомъ, мы видимъ Лермонтова далеко уже не въ столь непривлекательномъ видѣ, въ какомъ онъ является въ искреннемъ и увлекательномъ разсказѣ г-жи Хвостовой.

Приводимъ нѣсколько отрывочныхъ выдержекъ изъ устныхъ разсказовъ Е. А. Хвостовой, записанныхъ Н. Д. Старовымъ и имъ обязательно намъ сообщенныхъ.

По увѣренію Е. А., Лермонтовъ родился въ 1815 г., а не въ 1814 г., какъ это показано въ «Матеріалахъ для біографіи и литературной оцѣнки Лермонтова [1])».

«Dominer est ma passion dominante et peut-être la seule».

«Il vaut mieux aimer de la tête, que du coeur; car quand on aime de la tête — on domine et quand on aime du coeur — on est dominé».

«La vie est une épigramme, dont la mort fait le point».

Слова Лермонтова.

«Я изготовляю на дѣлѣ матеріалы для будущихъ моихъ сочиненій».

Отвѣтъ Лермонтова на вопросъ: зачѣмъ онъ интригуетъ женщинъ?

Въ 1837 г., за стихи на смерть Пушкина, Лермонтова перевели изъ гвардіи тѣмъ-же чиномъ въ армію, въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій въ Грузіи.

---

[1]) Составитель этихъ матеріаловъ, С. С. Дудышкинъ говоритъ: «Лермонтовъ род. 1814 г. 3-го октября, умеръ 1841 г. 15-го іюля, слѣдовательно жилъ 26 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ,—такъ говоритъ намъ скромная надпись на деревенскомъ памятникѣ Лермонтова, въ селѣ Тарханахъ недалеко отъ Чембара, въ Пензенской губерніи». (Сочиненія Лермонтова, изд. 1863 г., томъ II, стр. III).

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, говоритъ г. А. Меринскій («Библіографическія записки» 1859, № 20, стр. 636), Лермонтовъ отправился къ своему начальнику, чтобы ему откланяться; тотъ встрѣтилъ его такимъ выговоромъ:

«Что это вы вздумали писать стихи? на это есть поэты, а вы корнетъ—ваше дѣло заниматься своимъ взводомъ, и болѣе ничего». Г-жа Хвостова, основываясь на словахъ самого Лермонтова, передавала мнѣ объ этомъ иначе, а именно: Комендантъ Мартыновъ принялъ на свой счетъ стихи:

«А вы, надменные потомки
Извѣстныхъ подлостью прославленныхъ отцовъ...»

укорялъ за нихъ Лермонтова и прибавилъ: «ваше-ли дѣло писать стихи! для этого есть поэты, авторы, писатели, а вы такой-же благородный человѣкъ, какъ и я».

Прелестное стихотвореніе «На свѣтскія цѣпи» [1]), написано княгинѣ Маріи Алексѣевнѣ Щербатовой, рожденной Штеричъ, красавицѣ и весьма образованной женщинѣ; впослѣдствіи княгиня Марія Алексѣвна вышла за мужъ за генералъ-адъютанта Ивана Сергіевича Лутковскаго [2]).

Екатерина Александровна выражалась о Лермонтовѣ: «Lermontoff toujours calculateur et énigmatique».

---

[1]) Въ изд. соч. Лермонтова 1863 г. оно значится подъ 1840 годомъ.

[2]) Въ изданіи этихъ записокъ въ «Вѣстникѣ Европы» сказано будто Лермонтовъ былъ женихомъ Маріи Алексѣевны Штеричъ. Но изъ достовѣрнаго источника мы узнали, что это ошибка. Е. А. въ этомъ случаѣ основалась на слухахъ совершенно невѣрныхъ. Изд.

Когда Екатерина Александровна готова была дать согласіе на бракъ Ло—хину, Лермонтовъ дѣлалъ видъ, что вызоветъ ея жениха на дуэль, о чемъ и предупреждалъ ее. По этому случаю, онъ написалъ стихотвореніе «Сонъ»:

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана—[1]).

Е. А. втайнѣ отъ родныхъ связала къ именинамъ Лермонтова кошелекъ (изъ бѣлаго и голубаго шелку — любимые цвѣта Лермонтова), который отправила къ нему incognito. Лермонтовъ не могъ недогадаться отъ кого былъ этотъ подарокъ. Въ тотъ-же вечеръ онъ игралъ въ карты съ дамами, и одна изъ нихъ замѣтила ему, что онъ очень дорожитъ приношеніемъ поздравительницы. «Я дорожу?!» воскликнулъ Лермонтовъ: «нисколько! и въ доказательство ставлю его на карту....» Названный подарокъ былъ проигранъ одной изъ собесѣдницъ. Спустя нѣсколько времени, эта особа, въ присутствіи Е. А. и ея родныхъ, доставала изъ этого кошелька деньги: Е. А. была удивлена и раздосадована.

Е. А. и нѣкоторыя сверстницы ея и почитательницы Лермонтова, чтобъ высказать ему свое особенное вниманіе, являлись передъ нимъ, всѣ вмѣстѣ, въ уборахъ изъ бѣлыхъ и голубыхъ цвѣтовъ; «но онъ, казалось, не замѣчалъ этого, что̀ ни одной изъ насъ не оскорбляло, такъ какъ мы знали, что онъ ко всѣмъ намъ одинаково равнодушенъ».

Когда Е. А. возвратилась отъ вѣнца, Лермонтовъ будто-бы подошелъ къ ней съ поздравительнымъ покаломъ и сказалъ: «je me recommande, madame, à votre bonté!»

[1]) Помѣщено въ изд. соч. Лермонтова 1863 г. подъ 1841 годомъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Воспоминаніе о Лермонтовѣ.

(Изъ записокъ А. Меринскаго.)

... Лермонтовъ былъ брюнетъ, съ блѣдно-желтоватымъ лицомъ, съ черными, какъ уголь, глазами, взглядъ которыхъ, какъ онъ самъ выразился о Печоринѣ, былъ иногда тяжелъ. Не высокаго роста, широкоплечій, онъ не былъ красивъ, но почему-то вниманіе каждаго, и не знавшаго кто онъ, невольно на немъ останавливалось.

Въ 1831 году, переѣхавъ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ началъ приготовляться къ экзамену для вступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, куда и поступилъ въ началѣ 1832 года (кажется, въ мартѣ), въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ[1]). Годомъ позднѣе Лермонтова, опредѣлясь въ гвардейскіе уланы, я поступилъ въ ту же школу и познакомился съ нимъ, какъ съ товарищемъ. Вступленіе его въ юнкера не совсѣмъ было счастливо. Сильный душой, онъ былъ силенъ и физически, и часто любилъ выказывать свою силу. Разъ, послѣ ѣзды

---

[1]) Въ то время юнкера, находившіеся въ школѣ, считались въ полкахъ и носили, каждый, своего полка мундиръ.

Прим. г. Меринскаго.

въ манежѣ, будучи еще, по школьному выраженію, новичкомъ, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ, чтобъ показать свое знаніе въ ѣздѣ, силу и смѣлость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзженную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и расшибла ему ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Онъ проболѣлъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь въ домѣ у своей бабушки, Е. А. Арсеньевой, которая любила его до обожанія. Добрая старушка, какъ она тогда была огорчена и сколько впослѣдствіи перестрадала за нашего поэта! Всѣ юнкера, его товарищи, знали ее, всѣ ее уважали и любили. Во всѣхъ она принимала участіе, и многіе изъ насъ часто бывали обязаны ея ловкому ходатайству передъ строгимъ начальствомъ. Живя каждое лѣто въ Петергофѣ, близь кадетскаго лагеря, въ которомъ въ это время, обыкновенно, стояли юнкера, она особенно бывала въ страхѣ за своего внука, когда эскадронъ нашъ отправлялся на конныя ученья. Мы должны были проходить мимо ея дачи, и всегда видѣли какъ почтенная старушка, стоя у окна, издали крестила своего внука и продолжала креститъ всѣхъ насъ, пока длинною вереницей, не пройдетъ передъ ея домомъ весь эскадронъ и не скроется изъ виду.

Въ Юнкерской школѣ, Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми товарищами, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень любили его за то, что онъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами и насмѣшками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никакъ не могъ переносить. Впослѣдствіи и въ свѣтѣ онъ не оставилъ этой привычки, хотя имѣлъ за то много непріятностей и враговъ. Между юнкерами онъ особенно друженъ былъ съ А. В. Вонлярлярскимъ[1]) (извѣст-

[1]) Въ то время Вонлярлярскій тоже былъ юнкеромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка. Произведенъ офицеромъ въ гвардейскіе конно-піонеры. Прим. А. Меринскаго.

нымъ беллетристомъ, авторомъ «Большой барыни», и проч.), котораго любилъ за его веселыя шутки. Своими забавными разсказами, Вонлярлярскій привлекалъ къ себѣ многихъ. Бывало, въ школѣ, по вечерамъ, когда нѣкоторые изъ насъ соберутся, какъ мы тогда выражались, «поболтать», разсказы Вонлярлярскаго были неистощимы; разумѣется, при этомъ Лермонтовъ никому не уступалъ въ остротахъ и веселыхъ шуткахъ.

Зимой, въ началѣ 1834 года, кто-то изъ насъ предложилъ издавать въ школѣ журналъ, конечно рукописный. Всѣ согласились, и вотъ какъ это было. Журналъ долженъ былъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, по середамъ; въ продолженіи семи дней накоплялись статьи. Кто писалъ и хотѣлъ помѣщать свои сочиненія, тотъ клалъ рукопись въ назначенный для того ящикъ одного изъ столиковъ, находившихся при кроватяхъ въ нашихъ камерахъ. Желавшій могъ оставаться неизвѣстнымъ. По середамъ вынимались изъ ящика статьи и сшивались, составляя довольно толстую тетрадь, которая вечеромъ въ тотъ же день, при сборѣ всѣхъ насъ, громко прочитывалась. При этомъ смѣхъ и шутки не умолкали. Такихъ нумеровъ журнала набралось нѣсколько. Не знаю что̀ съ ними сталось; — но въ нихъ много было помѣщено стихотвореній Лермонтова, правда, большею частью, не совсѣмъ скромныхъ и не подлежащихъ печати, какъ напримѣръ: «Уланша», «Праздникъ въ Петергофѣ», и другія. «Уланша» была любимымъ стихотвореніемъ юнкеровъ; вѣроятно и теперь, въ нынѣшней школѣ, завѣтная тетрадка, тайкомъ, переходитъ изъ рукъ въ руки. Надо сказать, что юнкерскій эскадронъ, въ которомъ мы находились, былъ раздѣленъ[1]) на четыре отдѣленія: два тяжелой кавалеріи, то-есть кирасирскія, и два легкой — уланское и гусарское. Уланское отдѣленіе, въ которомъ состоялъ и я, было самое шумное и самое шаловли-

[1]) Раздѣленіе это было не по фрунтовой части.

Прим. А. М.

вое. Этихъ-то уланъ Лермонтовъ воспѣлъ, описавъ ихъ ночлегъ въ деревнѣ Ижоркѣ, близъ Стрѣльны, при переходѣ ихъ изъ Петербурга въ петергофскій лагерь. Вотъ одна изъ окончательныхъ строфъ, — описаніе выступленія послѣ ночлега:

Наутро дневное свѣтило
Взошло сквозь сѣрыхъ облаковъ,
И кровли спящія домовъ
Живымъ лучемъ позолотило.
Вдругъ слышенъ крикъ: вставай, скорѣй!
И сборъ пробили барабаны[1]),
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней[2]).....

Въ одной изъ тетрадей того же журнала было помѣщено шутливое стихотвореніе Лермонтова: Юнкерская молитва. (Напечатана въ изд. его соч. 1862 г., т. I, стр. 201.)

Никто изъ насъ тогда, конечно, не подозрѣвалъ и не разгадывалъ великаго таланта въ Лермонтовѣ. Да были-ли тогда досугъ и охота намъ что-нибудь разгадывать, намъ — юношамъ въ семнадцать лѣтъ, смѣло и горячо начинавшимъ жизнь, что̀ называется, безъ оглядки и разгадки. Въ то время Лермонтовъ писалъ не одни шаловливыя стихотворенія; но только не многимъ и не многое показывалъ изъ написаннаго. Разъ, въ откровенномъ разговорѣ со мной, онъ мнѣ разсказалъ планъ романа, который задумалъ писать прозой и три главы котораго были тогда уже имъ написаны. Романъ этотъ былъ изъ временъ Екатерины II, основанный на истинномъ происшествіи, по разсказамъ его бабушки. Не помню хорошо всего сюжета, помню только, что какой-то нищій игралъ значи-

---

[1]) Хотя при эскадронѣ были трубачи, но какъ въ отрядѣ, шедшемъ въ лагерь, находились подпрапорщики и кадеты, то подъёмъ дѣлался по барабанному бою.

[2]) Нѣсколько другихъ строфъ изъ этого же юношескаго произведенія Лермонтова приведено въ статьѣ П. А. Ефремова («Библіограф. зап.» 1861 г. № 16) и оттуда взяты въ изд. 1862, т. I, стр. 190.

тельную роль въ этомъ романѣ; въ немъ также описывалась первая любовь, не вполнѣ раздѣленная, и встрѣча одного изъ лицъ романа съ женщиной съ сильнымъ характеромъ, что̀ разъ случилось и съ самимъ поэтомъ въ его ранней юности, какъ онъ мнѣ самъ о томъ разсказывалъ и о чемъ, кажется, намекаетъ въ одномъ мѣстѣ записокъ Печорина.

Поэма «Демонъ», за долго до появленія въ печати всѣмъ извѣстная въ рукописи, была написана Лермонтовымъ еще въ 1830-мъ и 31-мъ годахъ, когда ему было не болѣе семнадцати лѣтъ. Я имѣю первоначальную рукопись этой поэмы, впослѣдствіи передѣланной и увеличенной. Въ нѣкоторыхъ монологахъ «Демона», поэтъ уничтожилъ нѣсколько стиховъ прекрасныхъ, но слишкомъ смѣлыхъ. Въ юнкерской школѣ онъ написалъ стихотворную повѣсть (1833 г.) «Хаджи Абрекъ». Осенью 1834 года, его родственникъ и товарищъ, тоже нашъ юнкеръ Н. Д. Юрьевъ, тайкомъ отъ Лермонтова, отнесъ эту повѣсть къ Смирдину, въ журналъ «Библіотеку для Чтенія», гдѣ она и была помѣщена въ слѣдующемъ 1835 году. Это, если не ошибаюсь, было первое появившееся въ печати стихотвореніе Лермонтова, по крайней мѣрѣ, съ подписью его имени.

Въ то время, въ юнкерской школѣ, намъ не позволялось читать книгъ чисто литературнаго содержанія, хотя мы не всегда исполняли это; тѣ, которые любили чтеніе, занимались имъ, большею частью, по праздникамъ, когда насъ распускали изъ школы. Всякій разъ, какъ я заходилъ въ домъ къ Лермонтову, почти всегда находилъ его съ книгою въ рукахъ, и книга эта была: сочиненія Байрона и иногда Вальтеръ-Скоттъ, на англійскомъ языкѣ; — Лермонтовъ зналъ этотъ языкъ. Какое имѣло вліяніе на поэзію Лермонтова чтеніе Байрона — всѣмъ извѣстно; но не одно это, — и характеръ его, отчасти схожій съ Байроновымъ, былъ причиной, что Лермонтовъ, несмотря на свою самобытность, невольно иногда подражалъ британскому поэту.

Наконецъ, въ исходѣ 1834 года, Лермонтовъ былъ произведенъ въ корнеты, въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, и оставилъ юнкерскую школу. По производствѣ въ офицеры, онъ началъ вести разсѣянную и веселую жизнь, проводя время, зимой — въ высшемъ кругу петербургскаго общества и въ Царскомъ Селѣ, въ дружескихъ пирушкахъ гусарскихъ; лѣтомъ — на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, откуда, одинъ разъ, онъ совершилъ романическое путешествіе верхомъ, сопровождая ночью своего товарища на одну изъ дачъ, лежащихъ по петергофской дорогѣ. Путешествіе это описано имъ въ стихотвореніи «Монго» очень игриво [1]).

Монго.

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ дорогой столбовой
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ — высокъ и худощавъ,
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой.....
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ,
Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Копей пріѣзженныхъ размахомъ

[1]) Стихотвореніе это съ нѣкоторыми пропусками напечатано П. А. Ефремовымъ въ «Библіогр. запискахъ» 1861 г. № 20 и перепечатано въ изд. Лерм. 1862 г., т. I, стр. 192. Герой стихотворенія «Монго» — родственникъ и товарищъ Лермонтова — А. А. Столыпинъ (нынѣ покойный), за которымъ на всю жизнь сохранилось прозвище «Монго». Такъ какъ стихотвореніе это характеризуетъ то шутливое настроеніе, которое часто проявлялось въ ту эпоху въ Лермонтовѣ, то считаемъ не лишнимъ привести его здѣсь съ болѣе полнаго, противу напечатаннаго списка, обязательно сообщеннаго П. А. Ефремовымъ. Изд.

Они любуются порой,
И рѣчь ведутъ между собой:
— Монго, послушай — тутъ направо!
Осталось только три версты!...
— Постой! ужь эти мнѣ мосты!
Грозятъ и смотрятъ такъ лукаво.
— Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье,
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
— Нѣтъ, въ семь! я самъ читалъ приказъ!

Но прежде нужно вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго — повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель —
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ —
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ,
Не занимался онъ чинами,
Ходилъ немытый цѣлый день,
Носилъ фуражку на бекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку;
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но если, милый, вы ѣзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ.
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ —
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ озлобленной его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,

Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что̀ не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно,
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою трезвый — вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ — на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ — онъ былъ таковъ!
Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ слазный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ —
Изгагой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ
Мелькаютъ въ рядъ изъ-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирныя домовъ,
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ... и онъ отъ вѣка
Зовется Краснымъ Кабачкомъ,
И тамъ — для блага человѣка —
Построенъ сумасшедшихъ домъ,
И тамъ пріютъ себѣ смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены
На содержаніи была:
N. N., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ волокитства, безъ признанья,
Ее . . . . . лишилъ.

— Мой другъ! ему я говорилъ:
Ты не въ свои садишься сани,
Танцоркой вздумалъ управлять!
Ну гдѣ тебѣ?.....

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
Они стоятъ въ пустой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ,
И вотъ, тропинкой потаенной,
Они къ калиткѣ отдаленной
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брежжетъ лунный свѣтъ
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.
Впередъ отправился Маёшка;
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно точно кошка
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣлалъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ —
Судьба окончитъ остальное!

Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ танцорка молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно и зѣвая,
Такъ, тихо, думала она:
«Чудна судьба! о томъ ни-слова —
На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самаго дурнаго,
И мой отецъ — простой кузнецъ!...
А я — на шолковомъ диванѣ
Ѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ — знаю ужъ заранѣ —
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки:
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Каналью повара дерутъ.

Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣху онъ, ни пѣсенъ,
За то богатъ и глупъ, какъ...!
Теперь не то, что было въ школѣ:
Ѣмъ за тронхъ порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люнель.
А въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
Днемъ — танцы, выправка, ученье,
А ночью — жесткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчитъ ужъ въ залѣ фортепьяно,
Поютъ всѣ врозь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, подпявши ногу,
Стоишь, какъ аистъ, на часахъ.
Флёри хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одиннадцатый часъ —
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры,
Стоятъ всѣ въ-рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь,
За то — вернулись лишь домой —
Директоръ поретъ на убой!
Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй, —
А самъ! Прости ему Всевышній —
Вѣдь ужъ какой прелюбодѣй!»

Но тутъ въ окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влезть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
«Что это значитъ, господа?
И кто васъ звалъ придти сюда?
Ворваться къ дѣвушкѣ — безчестно!...»
— Намъ, право, это очень лестно!
«Я васъ прошу: подите прочь!»
— Но гдѣ же проведемъ мы ночь?

Мы мчались, выбились изъ силы...
«Вы неучи!» — Вы очень милы!...
«Чего хотите вы теперь?
Ей-богу, я не понимаю!...»
— Мы просимъ только чашку чаю!
«Панфишка! отвори имъ дверь!»
Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки,
Ну, словомъ, весь любовный вздоръ...
И нѣжный вздохъ приличпо-томный
Порхнулъ изъ груди молодой...
Вотъ ножку нѣжную порой
Онъ жметъ колѣнкою нескромной,
И говоря о томъ, о семъ...
. . . . . будто-бы случайно,
. . . . . жметъ корсетъ,
. . . . . что было тайной,
Увы! для насъ въ шестнадцать лѣтъ!
. . . . . .

Машка, другъ великодушный,
Засѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру съ .....комъ,
Иль адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонёромъ,
Или на балѣ быть танцоромъ,
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ!

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ
Девятиместная коляска

И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка
Неотразимый гнѣвъ боговъ!...
То былъ N. N. съ своею свитой:
Степаномъ, Ѳедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ, —
Идутъ, гремятъ, орутъ, содомъ!
Всѣ пьяны... прямо изъ трактира, —
И на устахъ —.....
Но нѣтъ, постой! умолкни лира!
Тебѣ-ль, поклонницѣ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать?...
Въ истерикѣ младая дѣва...
Какъ защититься ей отъ гнѣва,
Куда гостей своихъ дѣвать?...
Подъ столъ, въ комодъ иль подъ кровать?
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью, —
..... подъ кроватью...
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Но въ мигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ!... и были таковы...
. . . . . .[1])
. . . . . .
Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ
Они и..... спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда-же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.

---

[1]) Точки въ рукописи.

Тутъ было шутокъ, смѣху было,
И право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило...
Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы, не можете-ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами?...

Лермонтовъ, какъ сказано, былъ далеко не красивъ собой и, въ первой юности, даже неуклюжъ. Онъ очень хорошо зналъ это и зналъ, что наружность много значитъ при впечатлѣніи, дѣлаемомъ на женщинъ въ обществѣ. Съ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, съ его желаніемъ вездѣ и во всемъ первенствовать и быть замѣченнымъ, не думаю, чтобы онъ хладнокровно смотрѣлъ на этотъ небольшой свой недостатокъ. Знаніемъ сердца женскаго, силою своихъ рѣчей и чувства, онъ успѣвалъ располагать къ себѣ женщинъ, — но видѣлъ, какъ другіе, иногда ничтожные люди, легко этого достигали. Въ обществѣ Лермонтовъ былъ очень злорѣчивъ, но душу имѣлъ добрую: какъ его товарищъ, знавшій его близко, я въ томъ убѣжденъ. Многіе его недоброжелатели увѣряли въ противномъ и называли его безпокойнымъ человѣкомъ.

Въ 1837 г. Лермонтовъ написалъ стихотвореніе на смерть А. С. Пушкина. Не удовольствовавшись первоначальнымъ текстомъ, онъ черезъ нѣсколько дней прибавилъ къ нему еще шестнадцать окончательныхъ стиховъ, вызванныхъ толками противной партіи и имѣвшихъ вліяніе на его участь. Въ концѣ 1837 г. онъ былъ возвращенъ снова въ гвардію, сперва въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, а вскорѣ потомъ въ прежній, гдѣ служилъ.

Въ началѣ 1840 года, Лермонтова снова отправили на Кавказъ, за дуель его съ молодымъ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника. Въ апрѣлѣ онъ уже былъ на пути изъ Петербурга въ Ставрополь. Тогда-то, въ дорогѣ, онъ написалъ извѣстное стихотвореніе:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную, и проч.

(Въ изд. 1862 г., т. II, стр. 152.)

Прибывъ въ эту «сторону южную», онъ отправился въ горы, въ экспедицію противъ чеченцевъ. Впослѣдствіи, онъ описалъ одно изъ дѣлъ съ горцами, въ своемъ стихотвореніи «Валерикъ». Въ то время какъ Лермонтовъ уѣзжалъ на югъ, изданъ былъ въ первый разъ его романъ: «Герой нашего времени»; черезъ годъ уже вышло второе его изданіе. Также при жизни поэта напечатаны были въ одной книгѣ его мелкія стихотворенія, самыя безукоризненныя, какъ выразился о нихъ покойный Бѣлинскій. До появленія ихъ вмѣстѣ, онѣ помѣщаемы были, почти исключительно, въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Въ концѣ 1840 года, Лермонтову разрѣшенъ былъ пріѣздъ въ Петербургъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Передъ окончаніемъ этого отпуска и передъ послѣднимъ своимъ отъѣздомъ на Кавказъ весною 1841 г., онъ пробылъ нѣкоторое время въ Москвѣ и съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ.

«Никогда я такъ не проводилъ пріятно время, какъ этотъ разъ въ Москвѣ», сказалъ онъ мнѣ, встрѣтясь со мной, при проѣздѣ своемъ черезъ Тулу.

Эта встрѣча моя съ нимъ была послѣдняя. Въ Тулѣ онъ пробылъ одинъ день, для свиданія съ своей родною теткой, жившей въ этомъ городѣ. Вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ ѣхалъ его пріятель и общій нашъ товарищъ А. А. Столыпинъ. Они оба у меня обѣдали и провели нѣсколько часовъ. Лермонтовъ былъ веселъ и говорливъ; передъ вечеромъ онъ уѣхалъ. Это было 15 апрѣля 1841 года, ровно за три мѣсяца до его кровавой кончины.

По пріѣздѣ въ Ставрополь, онъ былъ уволенъ, передъ экспедиціею, на нѣсколько времени въ Пятигорскъ. Покойный П. А. Гвоздевъ, тоже его товарищъ по юнкерской

школѣ, бывшій въ то время на кавказскихъ водахъ, разсказалъ мнѣ о послѣднихъ дняхъ Лермонтова.

8-го іюля, онъ встрѣтился съ нимъ довольно поздно на пятигорскомъ бульварѣ. Ночь была тихая и теплая. Они пошли ходить. Лермонтовъ былъ въ странномъ расположеніи духа, — тогрустенъ, то вдругъ становился желчнымъ и съ сарказмомъ отзывался о жизни и обо всемъ его окружавшемъ. Между прочимъ, въ разговорѣ, онъ сказалъ: «Чувствую — мнѣ очень мало осталось жить». Черезъ недѣлю послѣ того, онъ дрался на дуели, близъ пятигорскаго кладбища, у подошвы горы Машукъ.

Вовсе не желая къ воспоминанію о смерти Лермонтова примѣшивать мелодраматизма, котораго, при жизни своей, онъ не терпѣлъ, ненавидя всякіе эффекты, я, невольно, долженъ передать одну подробность о его концѣ, сообщенную мнѣ П. А. Гвоздевымъ. 15-го іюля, съ утра еще, надъ городомъ Пятигорскомъ и горою Машукъ собиралась туча и, какъ нарочно, сильная гроза разразилась ударомъ грома, въ то самое мгновеніе, какъ выстрѣлъ изъ пистолета повергъ Лермонтова на землю [1]). Буря и ливень такъ усилились, что нѣсколько минутъ препятствовали положить тѣло убитаго въ экипажъ. Наконецъ его привезли въ Пятигорскъ. Гвоздевъ, услыхавъ о происшествіи и не зная навѣрное что случилось, въ смутномъ ожиданіи, отправился на квартиру Лермонтова и тамъ увидѣлъ окровавленный трупъ поэта. Надъ нимъ рыдалъ его слуга. Всѣ, тамъ находившіеся, были въ большомъ смущеніи. Грустно и больно было видѣть ему бездыханнымъ того, чья жизнь такъ много обѣщала! Невольно тогда пришли пріятелю моему на память стихи убитаго товарища:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой....

(«Атеней», 1858, № 48).

[1]) Въ 5 часу пополудни, «Одесск. Вѣстникъ», 1841 г., № 63.

II.

Замѣтка М. Н. Лонгинова о знакомствѣ его съ Лермонтовымъ.

Я узналъ Лермонтова въ 1830 или 1831 году, когда онъ былъ еще отрокомъ, а я ребенкомъ. Онъ привезенъ былъ тогда изъ Москвы въ Петербургъ, кажется, чтобы поступить въ университетъ, но вмѣсто того вступилъ въ 1832 году въ юнкерскую школу лейбъ-гусарскимъ юнкеромъ, а въ офицеры произведенъ въ тотъ же полкъ въ началѣ 1835 года. Мы находились въ дальнемъ свойствѣ по Арсеньевымъ, къ роду которыхъ принадлежали мать Лермонтова и моя прабабушка. Старинныя дружескія отношенія въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній тѣсно соединяли всѣхъ членовъ многочисленнаго рода, несмотря на то, что кровная связь ихъ съ каждымъ поколѣніемъ ослабѣвала. Въ Петербургѣ жилъ тогда Никита Васильевичъ Арсеньевъ (род. 1775, ум. 1847), родной братъ дѣда Лермонтова и двоюродный дядя моей бабушки; Лермонтовъ былъ порученъ его попеченіямъ. У Никиты Васильевича, большого хлѣбосола и весельчака, всѣми любимаго, собирались еженедѣльно по воскресеньямъ на обѣдъ и на вечеръ многочисленные родные, и тамъ часто видалъ я Лермонтова, сперва въ полуфракѣ, а потомъ юнкеромъ. Въ 1836 году, на Святой недѣлѣ, я былъ отпущенъ въ Петербургъ изъ Царскосельскаго лицея, и, разумѣется, на второй или третій день праздника, я обѣдалъ у дѣдушки Никиты Васильевича (такъ его всѣ родные называли). Тутъ обѣдалъ и Лермонтовъ, уже гусарскій офицеръ, съ которымъ я часто видался и въ Царскомъ Селѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. Когда Лермонтовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, то занималъ въ то время комнаты въ нижнемъ этажѣ обширнаго дома, принадлежавшаго Никитѣ Васильевичу (къ Коломнѣ, за Ни-

кольскимъ мостомъ). Послѣ обѣда Лермонтовъ позвалъ меня къ себѣ внизъ, угостилъ запрещеннымъ тогда плодомъ — трубкой, сѣлъ за фортепіяно и пѣлъ презабавные русскіе и французскіе куплеты (онъ былъ живописецъ и немного музыкантъ). Какъ-то я подошелъ къ окну и увидѣлъ на немъ тетрадь in-folio и очень толстую; на заглавномъ листѣ, крупными буквами было написано: «Маскарадъ, драма». Я взялъ ее и спросилъ у Лермонтова: его ли это сочиненіе? Онъ обернулся и сказалъ: «оставь, оставь; это секретъ». Но потомъ подошелъ, взялъ рукопись, и сказалъ улыбаясь: «впрочемъ, я тебѣ прочту что-нибудь; это сочиненіе одного молодого человѣка», — и дѣйствительно прочелъ мнѣ нѣсколько стиховъ.

(«Русск. Вѣстн.» 1857 г. № 11.)

III.

Военно-судное дѣло о первой дуели Лермонтова.

1840 г.

Поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Лермонтовъ 16-го февраля 1840 года, пріѣхавъ, съ дозволенія полкового командира, въ С.-Петербургъ и бывши того же числа на балѣ у графини Лаваль, поссорился тамъ съ барономъ де-Барантомъ. — Поводомъ къ неудовольствію между ними было, — по показанію поручика Лермонтова, — то, что де-Барантъ, объявивъ ему на балѣ, будто онъ, Лермонтовъ, говорилъ о немъ какой-то особѣ, которой впрочемъ не назвалъ, невыгодно,—требовалъ отъ него объясненія; а когда Лермонтовъ увѣрялъ его, что это несправедливо, Барантъ, обнаруживая къ нему недовѣрчивость, упрекалъ его въ дурномъ поступкѣ, называя оный сплетнями. — На это Лермонтовъ отвѣчалъ, что выговоровъ и совѣтовъ не принимаетъ и

находитъ поведеніе его, де-Баранта, весьма смѣшнымъ и дерзкимъ. — Послѣ этого де-Барантъ сказалъ, что если бы находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить это дѣло; а Лермонтовъ возразилъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести также строго, какъ и вездѣ, и что русскіе меньше другихъ позволяютъ оскорблять себя безнаказанно. Затѣмъ де-Барантъ вызвалъ его на дуель, и они разстались. — Черезъ день послѣ того, 18-го февраля, въ 12-ть часовъ утра, поручикъ Лермонтовъ и баронъ де-Барантъ съѣхались на «Черной рѣчкѣ», по парголовской дорогѣ, съ секундантами, которыми были: со стороны Лермонтова уволенный отъ службы изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручикъ Столыпинъ, а со стороны барона де-Баранта французскій подданный графъ Рауль д'Англесъ.— Выборъ оружія предоставленъ былъ де-Баранту, какъ считавшему себя обиженнымъ, и онъ выбралъ шпаги, которыя привезены были секундантомъ его; но въ самомъ началѣ дуели у шпаги Лермонтова переломился конецъ и Барантъ нанесъ ему въ грудь легкую рану, которая заключалась въ поверхностномъ только поврежденіи кожи[1]).

---

[1]) Въ своей дуели съ Барантомъ Лермонтовъ пригласилъ въ секунданты къ себѣ А. А. Столыпина, который мнѣ разсказывалъ, что когда онъ пріѣхалъ къ молодому французу переговорить объ условіяхъ дуели, то Барантъ объявилъ ему, что будетъ драться на шпагахъ. Это удивило Столыпина.

«Но Лермонтовъ, можетъ быть, не дерется на шпагахъ» — возразилъ ему Столыпинъ.

— «Какъ же это офицеръ не умѣетъ владѣть своимъ оружіемъ?» сказалъ Барантъ.

«Его оружіе — сабля, какъ кавалерійскаго офицера, отвѣтилъ ему Столыпинъ, и если вы уже того хотите, то Лермонтовъ будетъ драться съ вами на саблях; но, прибавилъ онъ, у насъ въ Россіи не привыкли употреблять этого рода оружіе въ дуеляхъ, а дерутся на пистолетахъ, которые вѣрнѣе и рѣшительнѣе кончаютъ дѣло».

По настоянію Баранта, противники дрались на шпагахъ. Лермонтовъ былъ раненъ въ грудь; рана была довольно легкая. Тѣмъ кончилась ихъ дуель.

А. Мерзлякинъ (Библіограф. записк. 1859 г., стр. 374).

Послѣ того противники, по сдѣланному предварительно условію, взяли пистолеты, привезенные секундантомъ Лермонтова, и должны были стрѣлять вмѣстѣ по счету. Де-Барантъ сдѣлалъ промахъ, а Лермонтовъ (какъ самъ онъ показалъ), опоздавши нѣсколько выстрѣломъ, выстрѣлилъ уже въ сторону. — Этимъ кончилась дуель ихъ, и они тутъ же помирились. Въ тотъ же день поручикъ Лермонтовъ отправился въ полкъ и о произведенной имъ дуели начальству не донесъ, единственно потому, какъ отозвался, что дуель не имѣла пагубнаго послѣдствія. — Вскорѣ однакожъ разнесшіеся слухи объ этой дуели дошли до свѣдѣнія полкового командира, на спросъ котораго Лермонтовъ, признавшись во всемъ, объяснилъ вышеизложенныя подробности этого происшествія, подтвердивъ ихъ и по преданіи его потомъ военному суду. Показаній другихъ лицъ, которыя бы подтверждали или опровергали объясненія подсудимаго, по дѣлу нѣтъ, кромѣ одного секунданта его, поручика Столыпина. — Самъ баронъ де-Барантъ, по преданіи Лермонтова суду, выѣхалъ за границу, и какъ онъ, такъ и бывшій со стороны его секундантомъ графъ д'Англесъ остались неспрошенными; а другихъ, которые бы были свидѣтелями ссоры ихъ въ домѣ графини Лаваль, не открыто. — Поручикъ же Столыпинъ отзываясь, что и его при ссорѣ не было, показалъ однакожъ объ ней, по разсказамъ Лермонтова, согласно съ его объясненіями. — О самой дуели Столыпинъ изложилъ точно тоже, что сказалъ и Лермонтовъ, отзываясь, что куда направленъ былъ пистолетъ Лермонтова при выстрѣлѣ: въ противника ли его, или въ сторону, онъ опредѣлить не можетъ, но утверждаетъ, что Лермонтовъ стрѣлялъ **не цѣлясь**.

Что же касается до собственнаго участія въ семъ дѣлѣ поручика Столыпина, то онъ еще прежде, нежели Лермонтовъ открылъ, что онъ былъ секундантомъ, принесъ повинную въ этомъ шефу жандармовъ и какъ ему, такъ и въ военномъ судѣ объяснилъ, что Лермонтовъ пригласилъ его быть секундантомъ на балу же у графини Лаваль, и

онъ, Столыпинъ, находя неприличнымъ для чести офицера отказаться, равно какъ и объявить объ этой тайнѣ, былъ въ необходимости принять такое приглашеніе. Хотя же къ примиренію Лермонтова съ де-Барантомъ приняты были мѣры, но остались безъ успѣха, потому что Барантъ требовалъ отъ Лермонтова извиненій, отъ которыхъ послѣдній отказался.

Сверхъ того, во время производства суда, подсудимый Лермонтовъ, узнавъ, что баронъ де-Барантъ распускалъ слухи о несправедливости показанія его, что онъ выстрѣлилъ при дуели въ сторону,—пригласилъ его чрезъ неслужащаго дворянина графа Браницкаго къ себѣ на арсенальную гауптвахту (на которой содержался), 22-го марта, вечеромъ въ 8 часовъ, и вышедши къ нему, безъ дозволенія караульнаго офицера, въ коридоръ подъ какимъ-то предлогомъ, объяснялся тамъ съ де-Барантомъ по сему предмету и, какъ самъ сознался, предлагалъ ему, по освобожденіи изъ-подъ ареста снова съ нимъ стрѣляться; но Барантъ, довольствуясь его объясненіемъ, вызова не принялъ. Въ караулѣ на арсенальной гауптвахтѣ 22 марта стоялъ прикомандированный къ гвардейскому экипажу, 28 экипажа мичманъ Кригеръ, который, равно и нижніе чины, бывшіе въ караулѣ, отозвались, что выхода поручика Лермонтова въ коридоръ и объясненія его съ иностранцемъ де-Барантомъ, они не замѣтили.

По симъ обстоятельствамъ военный генералъ-аудиторіатъ призналъ подсудимаго поручика Лермонтова, по собственному его сознанію, виновнымъ въ томъ, что онъ, принявъ отъ французскаго подданнаго барона де-Баранта вызовъ, имѣлъ съ нимъ 18-го февраля 1840 года дуель на шпагахъ и пистолетахъ, на которой отъ шпаги получилъ въ грудь легкую рану, а изъ пистолета, когда противникъ его сдѣлалъ промахъ, выстрѣлилъ въ сторону. Потомъ, отправившись въ полкъ, скрывалъ о семъ произшествіи, доколѣ свѣдѣніе о томъ не дошло до начальства стороною; а во время содержанія подъ арестомъ, узнавъ, что де-Ба-

рантъ распускаетъ слухи о несправедливости того, что онъ выстрѣлилъ при дуели въ сторону, пригласилъ его къ себѣ на арсенальную гауптвахту, на которой содержался, и вышедши къ нему вечеромъ въ коридоръ, тайно отъ карауленаго офицера, объяснялся о семъ съ Барантомъ и снова предлагалъ ему дуель, по освобожденіи изъ-подъ ареста. За сіи противузаконные поступки генералъ-аудиторіатъ, руководствуясь сводами военныхъ постановленій военнаго уголовнаго устава книги 1-й ст. 392 и 393, опредѣлилъ: «лишивъ его, Лермонтова, чиновъ и дворянскаго достоинства, разжаловать въ рядовые».—Но принимая въ уваженіе во 1-хъ: причины, вынудившія подсудимаго принять вызовъ къ дуели, на которую онъ вышелъ не по одному личному неудовольствію съ барономъ де-Барантомъ, но болѣе изъ желанія поддержать честь русскаго офицера; во 2-хъ то, что дуель эта не имѣла никакихъ вредныхъ послѣдствій; въ 3-хъ, поступокъ Лермонтова во время дуели, на которой онъ, послѣ сдѣланнаго де-Барантомъ промаха изъ пистолета, — выстрѣлилъ въ сторону, въ явное доказательство, что онъ не жаждалъ крови противника, и наконецъ въ 4-хъ, засвидѣтельствованіе начальства объ усердной Лермонтова службѣ, — генералъ-аудиторіатъ призналъ возможнымъ повергнуть участь подсудимаго на всемилостивѣйшее его императорскаго величества воззрѣніе, всеподданнѣйше ходатайствуя о смягченіи опредѣляемаго ему по законамъ наказанія, тѣмъ, чтобы, вмѣнивъ Лермонтову содержаніе подъ арестомъ съ 10-го марта 1840 г., выдержать его еще подъ онымъ въ крѣпости на гауптвахтѣ три мѣсяца и потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ. — Сверхъ того генералъ-аудиторіатъ полагалъ поступки уволеннаго отъ службы лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручика Столыпина, бывшаго секундантомъ при дуели со стороны Лермонтова, равно и дворянина графа Браницкаго 1-го, приглашавшаго барона къ тайному свиданію съ подсудимымъ во время содержанія его на арсенальной гауптвахтѣ, предоставить разсмотрѣ-

нію гражданскаго начальства. — Наконецъ, прикомандированному къ гвардейскому экипажу, мичману 28-го флотскаго экипажа Кригеру за допущеніе, во время бытности 22 марта на арсенальной гауптвахтѣ въ караулѣ, имѣть подсудимому свиданіе съ де-Барантомъ, во уваженіе молодыхъ его лѣтъ и неопытности, согласно съ мнѣніемъ его высочества командира гвардейскаго корпуса, вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ, не лишая его симъ штрафомъ правъ и преимуществъ, прежнею службою пріобрѣтенныхъ».

Согласно съ симъ заключеніемъ, представленъ былъ отъ генералъ-аудиторіата государю императору всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ, въ 13 день апрѣля 1840 г., послѣдовала собственноручная его императорскаго величества конфирмація: «поручика Лермонтова перевесть въ Тенгинской пѣхотной полкъ тѣмъ же чиномъ; отставнаго поручика Столыпина и г. Браницкаго освободить отъ подлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть праздными. Въ прочемъ быть по сему».

Въ тотъ же день — 1) это высочайшее повелѣніе было объявлено Лермонтову, 2) напечатанъ по военному министерству слѣдующій приказъ: «переводится лейбъ-гвардіи гусарскаго полка поручикъ Лермонтовъ въ Тенгинской пѣхотной полкъ тѣмъ-же чиномъ».

✕ (Изъ изд. Любавскаго: «Русск. уголовные процессы». Спб. 1866 г.).

IV.

Первая дуель Лермонтова

18-го февраля 1840 г.

16-го февраля 1840 года былъ балъ у графини Лаваль, одной изъ тѣхъ великосвѣтскихъ дамъ, въ гостинныхъ которыхъ можно всегда встрѣтить цвѣтъ петербургскаго общества. На этомъ-то балѣ знаменитый пѣвецъ Тамары,

оскорбленный нѣсколькими колкостями господина изъ Парижа, былъ вызванъ противникомъ своимъ, де-Барантомъ, на дуэль, кончившуюся, къ счастію для поэта, ничѣмъ инымъ, кромѣ перемѣщенія его на службу въ кавказскій Тенгинскій полкъ.

Извѣстіе о дуэли Лермонтова быстро разнеслось по городу и дошло до генералъ-майора П....на, начальника Лермонтова. Генералъ потребовалъ у своего подчиненнаго объясненія: Лермонтовъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

«Ваше превосходительство, милостивѣйшій государь! Получивъ отъ вашего превосходительства приказаніе объяснить вамъ обстоятельства поединка моего съ господиномъ де-Барантомъ, честь имѣю донести вашему превосходительству, что 16-го февраля, на балѣ у графини Лаваль, господинъ де-Барантъ сталъ требовать у меня объясненія на счетъ (будто бы) мною сказаннаго. Я отвѣчалъ, что все ему передано несправедливо: но такъ какъ онъ былъ е т и м ъ (такъ въ подлинникѣ) недоволенъ, то я прибавилъ, что дальнѣйшаго объясненія давать ему не намѣренъ. На колкій его отвѣтъ я возразилъ такою же колкостію, на что онъ сказалъ, что еслибъ онъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ бы, какъ кончить дѣло. Тогда я отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести также строго, какъ и вездѣ, и что мы, не меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно. Тогда онъ меня вызвалъ и мы, условившись, разстались. 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 час. утра, съѣхались мы за Черною рѣчкою близъ парголовской деревни. Его секундантомъ былъ французъ, имени котораго я не помню и котораго никогда доселѣ не видалъ. Такъ какъ господинъ де-Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я и предоставилъ ему выборъ оружія. Онъ избралъ шпаги, но съ нами были и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей конецъ переломился и онъ слегка оцарапалъ мнѣ грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вмѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ

сего онъ подалъ мнѣ руку и мы разстались. Вотъ, ваше превосходительство, подробный отчетъ о всемъ случившемся между нами. Съ истинною преданностію имѣю честь пребыть вашего превосходительства покорный слуга Михаилъ Лермонтовъ».

Но это объясненіе было, конечно, недостаточно: требовалось, чтобы Лермонтовъ разъяснилъ слѣдующіе вопросы: а) По какому праву онъ отлучился отъ своего полка, стоявшаго тогда въ окрестностяхъ Петербурга, на балъ къ графинѣ Лаваль? б) Изъ-за какой особы вышло у него, Лермонтова, съ де-Барантомъ на балѣ недоразумѣніе? в) Въ чемъ состояли колкости де-Баранта, послужившія поводомъ къ дуэли? г) Зналъ ли кто-нибудь изъ присутствовавшихъ на балѣ графини Лаваль о предстоявшей ему, Лермонтову, дуэли, или нѣтъ? и д) Кто, наконецъ, были ихъ секундантами?

Лермонтовъ, однако, не оказался особенно откровеннымъ. На одни вопросы онъ отвѣчалъ уклончиво, на другіе ничего не отвѣчалъ; въ особенности упорно скрылъ онъ имя особы, изъ-за которой вышла у него ссора съ де-Барантомъ.

Такимъ образомъ, всѣ показанія самого Лермонтова ограничились письмомъ его къ ген.-майору П—ну, вышеприведеннымъ, — да еще слѣдующимъ объясненіемъ:

«Отлучился я въ С.-Петербургъ съ позволенія полковаго командира. Обстоятельство, по которому г. де-Барантъ, сынъ французскаго посланника при дворѣ его императорскаго величества, требовалъ у меня объясненія, состояло въ томъ, что правда ли, будто я говорилъ на его счетъ невыгодныя вещи извѣстной ему особѣ, которой онъ мнѣ не назвалъ? Колкости же его и мои заключались въ слѣдующемъ смыслѣ: когда я, на вопросъ де-Баранта, сказалъ, что никому не говорилъ о немъ предосудительнаго, то его отвѣтъ выражалъ недовѣрчивость; ибо онъ прибавилъ, что все-таки, если переданныя ему сплетни справедливы, то я поступилъ весьма дурно. На это я отвѣчалъ, что со-

вѣтовъ и выговоровъ я не принимаю и нахожу его поведеніе весьма смѣшнымъ и дерзкимъ. О нашемъ разговорѣ и вызовѣ г. де-Баранта изъ бывшихъ на балѣ никто не слыхалъ, сколько мнѣ извѣстно, равно и объ условіяхъ нашихъ, — а далѣе все было такъ, какъ изложено въ моемъ письмѣ. Секундантомъ съ моей стороны былъ отставной поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Столыпинъ, а не донесъ я начальству о случившемся потому, что дуэль не имѣла пагубныхъ послѣдствій».

Вотъ что съ своей стороны писалъ г. Столыпинъ, спустя нѣсколько времени послѣ дуэли, а именно 18-го марта 1840 года:

«Дуэль между Лермонтовымъ и де-Барантомъ была положена на шпагахъ до первой крови, потомъ на пистолетахъ. На шпагахъ кончилась она небольшой раной, полученной поручикомъ Лермонтовымъ въ правый бокъ и тѣмъ, что конецъ шпаги его былъ сломанъ. Послѣ сего продолжали на пистолетахъ. Поставили ихъ на 20 шаговъ и стрѣлять они должны были по сигналу вмѣстѣ; по слову р а з ъ — приготовляться, д в а — цѣлить, т р и — выстрѣлить. По счету д в а Лермонтовъ остался съ поднятымъ пистолетомъ и спустилъ его по слову т р и. Барантъ цѣлилъ по счету д в а. Личнымъ свидѣтелемъ ихъ ссоры я не былъ и потому могу разсказать только слышанное мною отъ поручика Лермонтова, что неудовольствіе у нихъ вышло отъ колкихъ словъ, сказанныхъ имъ другъ другу, вслѣдствіе которыхъ Барантъ сказалъ, что это въ другой землѣ кончилось бы иначе. Поручикъ Лермонтовъ почелъ недостойнымъ уклониться отъ дуэли. Кто первый вызвалъ изъ нихъ — не знаю, меня же поручикъ Лермонтовъ просилъ быть его секундантомъ на балѣ у графини Лаваль 16-го февраля сего 1840 г. Мѣры для примиренія ихъ были приняты всѣ, но Барантъ требовалъ извиненія, въ которомъ Лермонтовымъ было отказано. Послѣ выстрѣловъ они помирились. Секундантомъ со стороны де-Баранта былъ его соотечественникъ графъ Рауль д'Англесъ, гвардіи поручикъ».

Всѣхъ этихъ свѣдѣній было, однако, недостаточно для разъясненія дѣла въ юридическомъ его смыслѣ; требовалось удостовѣриться: дѣйствительно ли Лермонтовъ изъ великодушія не хотѣлъ застрѣлить своего противника и выстрѣлилъ на воздухъ, или онъ желалъ убить де-Баранта, но не могъ этого сдѣлать пронесши выстрѣлъ? Предъ закономъ это двѣ вещи различныя и Лермонтовъ могъ судиться или а) за намѣреніе убить человѣка, неприведенное въ исполненіе отъ независящихъ обстоятельствъ, или б) только за незаконное принятіе вызова на дуэль и недонесеніе о томъ начальству, какъ требуютъ русскіе законы. Вслѣдствіе этихъ требованій, вотъ что писалъ тогда-же Столыпинъ:

«Направленія пистолета Лермонтова при выстрѣлѣ я не могу опредѣлить и могу только сказать, что онъ не цѣлилъ въ де-Баранта и выстрѣлилъ съ руки. Барантъ, какъ я уже писалъ, цѣлилъ по слову д в а и выстрѣлилъ по счету т р и. Выстрѣлы послѣдовали такъ скоро одинъ за другимъ, что я не могу опредѣлить, чей былъ прежде. Пистолеты были мои и я зарядилъ ихъ вмѣстѣ съ графомъ д'Англесомъ; шпаги были привезены ихъ; постороннихъ лицъ при этомъ никого не было».

Между тѣмъ, де-Барантъ, узнавъ объ объясненіи Лермонтова и Столыпина, что онъ, де-Барантъ, остался живъ только по милости великодушія Лермонтова, выстрѣлившаго на воздухъ, распустилъ по Петербургу неудовольствія свои на такое обидное для него великодушіе Лермонтова и Лермонтовъ, извѣщенный объ этомъ, пригласилъ де-Баранта, письмомъ изъ-подъ ареста, повидаться лично съ нимъ въ ордонансъ-гаузѣ и объясниться объ этомъ дѣлѣ откровенно. Это личное объясненіе стоило Лермонтову новаго процесса суда надъ нимъ, такъ что его осудили еще разъ за уходъ изъ-подъ ареста, какъ оказалось, обманомъ и за переговоры съ де-Барантомъ. Дѣло это было такъ.

Лермонтовъ просилъ письмомъ графа Браницкаго пере-

дать де-Баранту свою просьбу видѣться съ нимъ лично въ арсенальной гауптвахтѣ *) и Браницкій исполнилъ порученіе, не видя въ этомъ ничего особеннаго.

Баронъ де-Барантъ счелъ за необходимость исполнить просьбу Лермонтова и въ условленный часъ подъѣхалъ къ арсенальной гауптвахтѣ, верхомъ на лошади. Лермонтовъ, пользуясь позволеніемъ ходить для выполненія необходимыхъ естественныхъ нуждъ безъ провожатаго и безъ спроса караульнаго офицера, выбѣжалъ во внѣшній коридоръ, постаравшись это сдѣлать такъ, чтобъ его не замѣтили караульные и вызвалъ вторично при свиданіи де-Баранта на дуэль, обѣщая съ нимъ снова стрѣляться, какъ только будетъ выпущенъ изъ-подъ ареста. Но послушаемъ, какъ самъ Лермонтовъ писалъ объ этомъ:

«Сего 22 марта я просилъ письмомъ графа Браницкаго сказать барону Эрнесту де-Баранту, что я желаю его видѣть сего же числа, въ 8 часовъ вечера, ибо до меня дошли слухи, что онъ говорилъ въ городѣ, будто я неправильно показалъ, что выстрѣлилъ въ сторону не цѣля и что онъ этимъ недоволенъ. Въ 8-мь часовъ вечера, я вышелъ въ корридоръ, между офицерскою и солдатскою караульными комнатами, какъ будто за нуждою, не спрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, который ведетъ и на верхъ въ коммиссію. Я спросилъ его: правда ли, что онъ недоволенъ моимъ показаніемъ? Онъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, я не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли на воздухъ, не цѣля». Тогда я отвѣтилъ, что говорю это по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что и не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему пріятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу, но что если онъ недово-

*) Лермонтовъ 17 марта 1840 г. былъ переведенъ, съ разрѣшенія начальства, въ арсенальную гауптвахту, потому что комнаты ординансъ-гауза, гдѣ содержались подсудимые офицеры, были тѣсны и понадобились для другихъ.

ленъ этимъ моимъ объясненіемъ, то когда я буду освобожденъ, и когда онъ возвратится, то я тогда буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ того желаетъ. Послѣ сего де-Барантъ, отвѣтивъ мнѣ, что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ, уѣхалъ».

Когда обсужденіе этого дѣла оффиціальнымъ путемъ окончилось, то военный судъ приговорилъ Лермонтова, на основаніи стат. 101, 392 и 393 V части военно-уголовнаго устава, лишить чиновъ и правъ состоянія, а прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу сему, подвергнуть отвѣтственности на основаніи ст. 3 III час. книги 2-й военно-уголовнаго устава. Это случилось 5-го апрѣля 1840 г.

Съ этою сентенціею военнаго суда дѣло о Лермонтовѣ шло по инстанціямъ и, пока добралось до генералъ-аудиторіата, къ нему прибавились мнѣнія нѣсколькихъ командировъ.

Такъ, бригадный и полковой командиръ опредѣлили: «Лермонтова разжаловать въ рядовые впредь до выслуги, а поступки барона де-Баранта, графа Рауля д'Англеса и графа Браницкаго предать разсмотрѣнію начальства».

Начальникъ гвардейской кавалеріи рѣшилъ: «Подсудимаго поручика Лермонтова выписать въ армію тѣмъ же чиномъ и 6-ть мѣсяцевъ выдержать подъ арестомъ въ крѣпости, поступки же прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, предоставить разсмотрѣнію начальства».

Мнѣніемъ корпуснаго командира опредѣлялось: «Поручика Лермонтова, сверхъ содержанія подъ арестомъ во время дѣла, выдержать въ крѣпости въ казематѣ 3 мѣсяца, а потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ, съ воспрещеніемъ представлять къ производству, равно какъ и увольнять въ отпускъ и въ отставку до тѣхъ поръ, пока не обратитъ на себя особеннаго вниманія тамошняго начальства и штрафъ сей внесть въ формулярный списокъ. Поступки Столыпина и графа

Браницкаго представить на разсмотрѣніе начальства, а дежурному по караулу Э...ну объявить замѣчаніе».

Генералъ-аудиторіатъ, выслушавъ докладъ аудиторіатскаго департамента по этому дѣлу, составилъ слѣдующее опредѣленіе:

«Подсудимый Лермонтовъ, за свои поступки, на основаніи законовъ, подлежитъ лишенію чиновъ и дворянскаго достоинства съ записаніемъ въ рядовые; но принимая во вниманіе: а) то, что онъ, принявъ вызовъ де-Баранта, желалъ тѣмъ поддержать честь русскаго офицера; б) дуэль его не имѣла вредныхъ послѣдствій; в) выстрѣливъ въ сторону, онъ выказалъ тѣмъ похвальное великодушіе, и г) усердную его службу, засвидѣтельствованную начальствомъ, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: 1) Лермонтову, вмѣнивъ въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ съ 10 марта, выдержать его еще подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ три мѣсяца и потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ. 2) Поступки Столыпина и графа Браницкаго предать разсмотрѣнію гражданскаго суда. 3) Капитанъ-лейтенанту гвардейскаго экипажа дежурному по караулу Э . . . у за допущеніе безпорядковъ на гауптвахтѣ объявить замѣчаніе и 4) Мичману Кригеру, бывшему также на карауле въ арсенальной гауптвахтѣ, въ уваженіе молодыхъ его лѣтъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ».

Прочитавъ подробный докладъ о дуэли Лермонтова, государь императоръ Николай Павловичъ, своею рукою, на рѣшеніи генералъ-аудиторіата подписалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, поручика же Столыпина и графа Браницкаго освободить отъ надлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть праздным. Въ прочемъ быть по сему. Николай.

Санктпетербургъ 1840 г. апрѣля 13 дня.

На оберткѣ написано: «Исполнить сего же дня».

Здѣсь, кстати, приведемъ формулярный списокъ Лермонтова: Поручикъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ 26 лѣтъ, изъ дворянъ тульской губерніи; поступилъ въ службу 1832 года 13 ноября унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ; 1834 г. былъ произведенъ въ корнеты; 1837 года 27 февраля—въ прапорщики и переведенъ въ нижегородскій драгунскій полкъ; 1837 г. 11 октября переведенъ въ лейбъ-гвардіи гродненскій гусарскій полкъ, а въ 1838 г. снова поступилъ въ гусарскій полкъ; имѣетъ крестьянъ 150 душъ въ Тверской губерніи и 1837 года находился въ экспедиціи за Кубанью подъ начальствомъ генерала Вельяминова.

Итакъ, Лермонтову судьба опредѣлила въ третій разъ быть на Кавказѣ. Еще десяти-лѣтнимъ ребенкомъ, бабушка его, Е. А. Арсеньева (урожденная Столыпина), возила его съ собою на Кавказъ на воды, гдѣ онъ влюблялся не на шутку и умѣлъ уже наслаждаться красотами кавказской природы; потомъ, за стихотвореніе на смерть Пушкина, онъ былъ снова годъ на Кавказѣ ссыльнымъ и, наконецъ, 1840 г. за настоящую дуэль съ де-Барантомъ въ третій и послѣдній разъ долженъ былъ отправиться къ берегамъ, какъ онъ выражался, «родного Терека».

Вотъ какими стихами онъ привѣтствовалъ тогда Кавказъ:

Тебѣ, Кавказъ суровый, царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ голова поклонниковъ Аллы.

Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ *)
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ,
Какъ нѣкогда ребенку твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ,
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь въ полуночномъ краю
Все о тебѣ мечтаю и пою.

Не долго, однако, любимецъ музъ пѣлъ пѣсни Кавказа. Въ 1841 году, т. е. чрезъ годъ послѣ этой ссылки, онъ былъ въ Петербургѣ, чрезъ большія хлопоты, для свиданія съ своею бабушкою, а 15 іюля 1841 же года его уже не было на землѣ. Не даромъ поэтъ, какъ бы предчувствуя свою недолговѣчность, писалъ пророческія о себѣ пѣсни:

Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ не долго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ не долго
Однообразное ея теченье...

Вотъ что Бѣлинскій, часто видѣвшій Лермонтова въ послѣдній пріѣздъ поэта въ Петербургъ, говоритъ о немъ:

«Лермонтовъ не много написалъ, безконечно меньше того, сколько позволялъ его громадный талантъ. Беззаботный характеръ, пылкая молодость, жажда впечатлѣній бытія, самый родъ жизни отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, и орлиный взоръ сталъ спокойно вглядываться въ глубь жизни».

---

*) Въ 1824 году Лермонтовъ ѣздилъ съ бабушкою своею на Кавказъ, слѣдов. разстояніе до 1840 г. заключается въ 16 годахъ.

Лермонтовъ былъ далеко некраспвъ собою и, хотя съ годами, физіономія его получила выразительность, черные глаза его сдѣлались особенно замѣчательными, однакожъ онъ все-таки оставался широкоплечимъ, невысокаго роста, юношей. Съ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, съ его желаніемъ вездѣ и во всемъ первенствовать и быть замѣченнымъ, онъ не могъ хладнокровно смотрѣть на этотъ недостатокъ, и потому всегда колко и насмѣшливо относился въ обществѣ къ великосвѣтскимъ львамъ и постоянно напрашивался на дерзость.

(Изъ газеты В ѣ к ъ 1862 г. № 2).

V.

Характеристика Лермонтова, написанная германскимъ поэтомъ Боденштедтомъ

1852 г.

Немногіе поэты съумѣли, подобно Лермонтову, остаться во всѣхъ обстоятельствахъ жизни вѣрными искусству и самимъ себѣ.

Выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считаются признаками хорошаго тона, Лермонтовъ, до послѣдняго вздоха, остался чуждъ всякой лжи и притворства.

Несмотря на то, что онъ много потерпѣлъ отъ ложныхъ друзей, а тревожная кочевая жизнь не разъ вырывала его изъ объятій истинной дружбы, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ друзьямъ, и въ счастіи, и въ несчастіи; — но за то былъ непримиримъ въ ненависти. А онъ имѣлъ право ненавидѣть; имѣлъ его болѣе, нежели кто-либо!

Что внутренно возвышало его было орудіемъ противъ него извнѣ. Но онъ не переставалъ чтить бога, живша

въ его сердцѣ.... Оскорбленный въ томъ, что казалось ему святымъ; въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ; преслѣдуемый, когда начиналъ говорить; подозрѣваемый, когда молчалъ; окруженный со всѣхъ сторонъ непріязнью и неспобный подавлять надолго свои мысли и чувства, онъ могъ вполнѣ и беззавѣтно довѣряться только поэзіи. Она утѣшала и вознаграждала его за житейскія разочарованія и лишенія.

Онъ былъ счастливъ только когда творилъ; а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія, — что бы ни вдохновляло его: радость, горе, негодованіе, отчаяніе, или гордое сознаніе своей силы. Но безъ этого побужденія, безъ истиннаго душевнаго порыва, онъ никогда не бросался въ объятія музы, — такъ что всѣ его произведенія могутъ назваться написанными на случай, Gelegenheits-Gedichte—въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому названію Гёте.

Неопредѣленные, заоблачные сны фантазіи были ему совершенно чужды; куда ни обращалъ онъ глаза, къ небу ли, или къ аду, онъ всегда отыскивалъ прежде твердую точку опоры на землѣ.

Вотъ этимъ-то свойствомъ, да кромѣ того тѣмъ, что Лермонтовъ въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ и былъ одаренъ тонкою наблюдательностью, объясняется необыкновенная вѣрность, точность и жизненная свѣжесть его изображеній въ эпическихъ стихотвореніяхъ. Тою же самою художественною правдою проникнуты и его лирическія изліянія, всегда служащія вѣрнымъ отраженіемъ настроенія его души. Вдохновеніе врывалось внезапно, какъ солнечный лучъ, въ его мрачную жизнь, соединяло въ одномъ фокусѣ и мысль его и чувство, и вспыхивали чудные стихи.... Случайности жизни Лермонтова не должны быть упускаемы изъ вида при точной оцѣнкѣ его произведеній. Ими многое объясняется и многое оправдывается. Поэтическій стонъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ производитъ на насъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели бю-

щая на эффектъ зѣвота скучающаго рѳмача, или чувствительныя, лебединыя пѣсни плаксивыхъ ханжей.

Не спорю, что въ сильныхъ строфахъ Лермонтова звучатъ, по временамъ, диссонансы; что не одно жесткое слово, не одинъ рѣзкій образъ могли бы быть выпущены изъ нихъ. Но гдѣ же такой садъ поэзіи, гдѣ не росло бы сорныхъ травъ?

Справедливость требуетъ замѣтить, что случайные недостатки стиховъ Лермонтова рѣдко могутъ быть поставлены въ упрекъ самому поэту, потому что и въ свѣтлыя, и въ мрачныя минуты вдохновенія, онъ искалъ только словъ, чтобы излить его, вовсе не думая выходить съ нимъ на судъ публики. Стихи:

.... Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца:
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!

вылились у него изъ глубины души.

Самъ Лермонтовъ издалъ, какъ извѣстно, относительно лишь самую малую часть своихъ произведеній, да и тѣ были, можно сказать, вырваны у него его друзьями, чтобы попасть въ печать. Всѣхъ причинъ этого упрямства никто не могъ бы объяснить...

Постоянныя неудачи въ жизни производятъ совершенно различное дѣйствіе на твердые и на слабые характеры...

... Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Характеръ Лермонтова былъ самаго крѣпкаго закала, и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ.

Онъ не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей покориться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее, но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя.

Вотъ причина того пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются — какъ въ кипящемъ подъ грозою морѣ при свѣтѣ молній — и небо и земля.

Вотъ причина также и его раздражительности и желчи, которыми онъ, въ своей жизни, часто отталкивалъ отъ себя лучшихъ друзей и давалъ поводъ къ дуэлямъ. Первая изъ этихъ дуэлей привела его къ долгому заточенію, а послѣдняя къ преждевременной смерти.

Не берусь рѣшить, что именно подало поводъ къ этой послѣдней дуэли; неосторожныя ли остроты и шутки Лермонтова, какъ говорятъ нѣкоторые, вызвали ее, или, какъ утверждаютъ другіе, то ли, что противникъ его принялъ на свой счетъ нѣкоторые намеки въ романѣ «Герой нашего времени», и оскорбился ими, какъ касавшимися притомъ и его семейства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слышалъ я эту исторію отъ секунданта Лермонтова, г. Глѣбова, который и закрылъ глаза своему убитому другу.

Очень вѣроятно, что Лермонтовъ, обрисовавшій себя немножко яркими красками въ главномъ героѣ этого романа, списалъ съ натуры и другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что прототипамъ ихъ не трудно было узнать себя.

Книга написана прекрасною прозою, полна глубокой мысли и представляетъ превосходный комментарій къ стихамъ «Думы»:

> Печально я гляжу на наше поколѣнье:
> Его грядущее иль пусто иль темно.

Въ концѣ этого романа описывается дуэль, въ которой тотъ, кому первому предстоитъ подвергнуться выстрѣлу противника, долженъ стать на краю обрыва, чтобы, въ случаѣ раны, немедленно упасть туда на вѣрную смерть: по странному сближенію, почти точно такимъ же образомъ умеръ впослѣдствіи самъ Лермонтовъ.

Это поразительное сходство положеній объясняется тѣмъ, что Лермонтовъ былъ по убѣжденію отъявленнымъ вра-

гомъ дуэли; но единожды доведенный до нея, не могъ уже сдѣлать изъ нея дѣтской шутки, или рисковать подвергнуться одному увѣчью. Поэтому онъ и принялъ такія мѣры, чтобы одинъ изъ двухъ неизбѣжно остался на мѣстѣ.

У него была твердость заклеймить дуэль, какъ отвратительнѣйшее порожденіе человѣческой глупости, но не достало твердости отказаться отъ этой глупости. Онъ ея не искалъ, но и не уклонился отъ нея, отъ этой «отваги дерзости слѣпой». Онъ предпочелъ впрочемъ сознательно высказать такую слѣпую дерзость, чѣмъ отстраниться отъ мнѣній и толковъ людей, которыхъ презиралъ отъ всей души. Въ его жизни было много подобныхъ странностей, но всѣ онѣ истекаютъ изъ одного источника — изъ его страданій и, большею частію, могутъ быть оправданы ими.

Невозможно, чтобы человѣкъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, не сбивался иногда съ дороги. Проницательный умъ указываетъ мудрецу людскія глупости, но не всегда предостерегаетъ его отъ нихъ, и не можетъ совершенно уберечь его отъ вліяній окружающей среды.

Произнося судъ надъ умомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ умовъ, слѣдуетъ брать мѣриломъ не то, что въ немъ есть общаго съ толпою, которая стоитъ ниже его, а то, что отличаетъ его отъ этой толпы и возвышаетъ надъ нею.

Недостатки Лермонтова были недостатками всего свѣтскаго молодого поколѣнія въ Россіи; но достоинствъ его не было ни у кого. Вѣрнѣйшее изображеніе его личности все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ выказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться. Не надо понимать этого въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ. Онъ былъ несчастливъ, но слишкомъ гордъ, чтобы выказывать свое несчастіе, — и потому пряталъ свои страданія подъ личиною веселости, и самыя ѣдкія остроты его отзываются солью слезъ.

Чтобы дать хотя слабое понятіе о томъ впечатлѣніи, какое производила личность Лермонтова, я хочу разсказать о моихъ первыхъ встрѣчахъ съ нимъ зимою 1841 года въ Москвѣ, насколько онѣ сохранились у меня въ памяти. Къ сожалѣнію, мнѣ рѣдко удавалось вести правильный дневникъ, во время моего пребыванія въ Россіи; не удавалось во-первыхъ потому, что я пишу кропотливо и тяжело, и мнѣ нужно не мало досуга для собранія воедино своихъ впечатлѣній; во-вторыхъ потому, что моя— можетъ быть излишняя — осторожность оставляла въ моей записной книжкѣ лишь самую слабую помощь моей памяти, только имена и числа.

Зимою 1840—41 года, въ Москвѣ, передъ послѣднимъ отъѣздомъ Лермонтова на Кавказъ, случилось мнѣ обѣдать, въ одинъ пасмурный, хотя и праздничный день, съ Павломъ О., очень умнымъ молодымъ русскимъ. Обѣдали мы въ одномъ французскомъ ресторанѣ, который посѣщала въ то время вся знатная московская молодежь.

Во время обѣда къ намъ присоединилось еще нѣсколько знакомыхъ и, между прочимъ, одинъ молодой князь замѣчательно-красивой наружности и довольно ограниченнаго ума, но большой добрякъ. Онъ позволялъ потѣшаться надъ собою и добродушно сносилъ всѣ остроты, которыя другіе отпускали на его счетъ.

Легкая шутливость, искрящееся остроуміе, быстрая смѣна противоположныхъ предметовъ въ разговорѣ, — однимъ словомъ, весь такъ—называемый esprit français, такъ же свойственъ большей части знатныхъ русскихъ, какъ и французскій языкъ.

Мы были уже за шампанскимъ. Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ; и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты. Въ то время мнѣ не было еще двадцати-двухъ лѣтъ, я былъ свѣжимъ и толстощекимъ, довольно неловкимъ и сантиментальнымъ юношей, и больше слушалъ, чѣмъ говорилъ,

и вѣроятно казался нѣсколько страннымъ среди этой блестящей, уже порядочно пожившей молодежи.

— А! Михаилъ Юрьевичъ? вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только-что вошедшаго молодого офицера.

Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ: «здравствуйте», слегка потрепалъ О. по плечу и обратился къ князю со словами:

— Ну, какъ поживаешь, умникъ?

У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая, при входѣ, носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу, и при этомъ нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки.

Гладкіе, бѣлокурые, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодого человѣка.

Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не до верху застегнутъ, и изъ подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было.

Мы говорили до тѣхъ поръ по-французски, и О. представилъ меня на томъ же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами обѣдать. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи къ прислугѣ, онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ — чтобъ не сказать у всѣхъ — русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали меня. Поражали потому, что гость этотъ былъ— Михаилъ Лермонтовъ. Эти выраженія иностранецъ прежде всего выучиваетъ въ Россіи, потому что слышитъ ихъ повсюду и безпрестанно; но ни одинъ порядочный чело-

вѣкъ — кромѣ развѣ грека или турка, у которыхъ у самихъ въ ходу точь въ точь такія выраженія, — не рѣшится написать ихъ въ переводѣ на свой родной языкъ.

Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ кушаньевъ и осушивъ два стакана вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острилъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты оставались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по-русски и къ тому же чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ О., онъ разсчелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ.

Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова; но наконецъ и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ же, гдѣ и у другихъ людей.

Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя, своего товарища, и онъ всѣми силами старался помириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ.

Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова по собранію его стихотвореній, вышедшему въ 1840 г., но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу.

Я никогда не могъ, можетъ быть ко вреду моему, сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ задорнымъ человѣкомъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто въ обществѣ, никогда не могъ извинять шалостей знаменитыхъ и геніальныхъ людей, только во имя ихъ знаменитости и геніальности. Я часто убѣждался, что можно быть основатель-

нымъ ученымъ, поэтомъ или писателемъ и, въ тоже время, невыносимымъ человѣкомъ въ обществѣ. У меня правило основывать мое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи Лермонтова мое первое, непріятное впечатлѣніе вскорѣ совершенно изгладилось пріятнымъ.

Не далѣе, какъ на слѣдующій же вечеръ, встрѣтивъ снова Лермонтова въ салонѣ г-жи М., я увидѣлъ его въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ.

Отдаваясь кому-нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца; только едва ли это съ нимъ часто случалось. Въ самыхъ близкихъ и прочныхъ дружественныхъ отношеніяхъ находился онъ съ умною графинею Растопчиною, которой было бы, поэтому, легче нежели кому-либо дать вѣрное понятіе о его характерѣ.

Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ онъ могъ быть, въ тоже время, кротокъ и нѣженъ какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе.

Серьезная мысль была главною чертою его благороднаго лица, какъ и всѣхъ значительнѣйшихъ его твореній, къ которымъ его легкія, шутливыя произведенія относятся, какъ его насмѣшливый, гонко очерченный ротъ къ его большимъ, полнымъ думы глазамъ.

Многіе изъ соотечественниковъ Лермонтова раздѣляли съ нимъ его прометеевскую участь, но ни у одного изъ нихъ страданія не вырвали такихъ драгоцѣнныхъ слезъ, которыя служили ему облегченіемъ при жизни и дали ему неувядаемый вѣнокъ по смерти.

Рисуетъ ли онъ передъ нами псполинскія горы многовершиннаго Кавказа, гдѣ взоръ, подымаясь къ верху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ и, опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, то клубящійся подъ уте-

сомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, «какъ согнутое стекло», въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренныя цвѣтами долины Грузіи; указываетъ ли намъ на облака, бѣгущія «степью лазурною, цѣпью жемчужною», или на коня, несущагося по синей, безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ, или буйный громъ битвы,—онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ краскахъ, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.

Борьба Мцыри съ тигромъ, кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ, сцены битвы въ «Измаилъ-беѣ», картины, въ родѣ слѣдующей:

«Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится:
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло,
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ!—волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,

Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!»

или:

«Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты,
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣшится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною», и т. д.

или такія мѣста, какъ то, когда Хаджи-Абрекъ вскакиваетъ на коня съ окровавленною головой Леилы:

«Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальные удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы какъ стрѣла»...

и безчисленное множество другихъ мѣстъ изъ его кавказскихъ стихотвореній,—все это высочайшія красоты поэзіи.

Два замѣчательнѣйшихъ ученыхъ новѣйшаго времени—Александръ Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» и Христіанъ Эрстедъ въ своемъ разсужденіи объ отношеніи естествознанія къ поэзіи—указываютъ, какъ на настоятельное требованіе нашего времени, на болѣе обширное приложеніе въ области изящнаго современныхъ открытій и изслѣдованій природы.

Гумбольдъ говоритъ:

«Если такъ-называемая «описательная поэзія», какъ отдѣльная и самостоятельная форма искусства, заслуживаетъ справедливаго порицанія, то это еще не значитъ, чтобы такое же порицаніе вызывали серьезныя старанія обобщать, посредствомъ изобразительной силы поэтическаго слова, результаты новѣйшаго, богатаго глубокимъ

интересомъ изученія природы. Неужто мы пренебрежемъ средствомъ, которое можетъ представить намъ живую картину отдаленныхъ, другими изслѣдованныхъ странъ, и даже доставить намъ часть того наслажденія, какое находимъ мы въ непосредственномъ созерцаніи природы? Метафора арабовъ, говорящихъ, что лучшее описаніе есть то, которое «превращаетъ слухъ нашъ въ зрѣніе», полна смысла. Наше время страждетъ несчастною склонностью къ реторической, лишенной содержанія прозѣ, къ пустотѣ такъ-называемыхъ чувствительныхъ изліяній, склонностью, обуявшею разомъ, во многихъ странахъ, достойныхъ путешественниковъ и естествоописателей. Изображенія природы, повторяю, могутъ оставаться научно-точными и вполнѣ-опредѣленными, не теряя оживляющей ихъ силы воображенія».

«Стоитъ прочесть цѣликомъ упомянутыя сочиненія, чтобы убѣдиться, что Лермонтовъ выполнилъ въ своихъ стихотвореніяхъ бо́льшую часть того, что̀ эти великіе ученые признаютъ потребностью нашего времени, и чего такъ живо желаютъ.

Пусть назовутъ мнѣ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ характеристическою природою этихъ горъ и ихъ населенія, нежели изъ которой-нибудь поэмы Лермонтова, гдѣ мѣсто дѣйствія происходитъ на Кавказѣ».

Переходя къ объясненію отношеній между поэзіей Лермонтова и поэзіей Пушкина, Боденштедтъ жалѣетъ, что о геніи послѣдняго нѣмцы могутъ получить лишь очень слабое понятіе по тѣмъ переводамъ, которые у нихъ есть. Это было писано въ 1852 году. Вскорѣ послѣ изданія на нѣмецкомъ языкѣ стихотвореній Лермонтова, Боденштедтъ принялся за переводъ Пушкина, и переводъ этотъ, передающій съ замѣчательнымъ совершенствомъ всѣ внутреннія и внѣшнія достоинства подлинника, былъ скоро совершенно оконченъ. Нѣмецкая литература богата очень хорошими

переводами; но такихъ переводовъ, какъ переводъ Лермонтова и Пушкина, сдѣланный Боденштедтомъ, и въ ней не много.

Вотъ какъ объясняетъ Боденштедтъ въ немногихъ словахъ общія, родственныя черты обоихъ этихъ поэтовъ, и точки, на которыхъ они расходятся:

«Поэтическій геній Пушкина выразился въ его зрѣлѣйшихъ произведеніяхъ съ такою мощью и такъ самостоятельно-народно, что молодые поэты не могли не подчиниться его обаятельному вліянію, и оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ даровитѣе была натура поэта, какъ напримѣръ у Лермонтова.

«Лермонтовъ явился достойнымъ послѣдователемъ своего великаго предшественника: онъ съумѣлъ извлечь пользу, для себя и для народа, изъ его богатаго наслѣдства, не впадая въ рабское подражаніе. Онъ выучился у Пушкина простотѣ выраженія и чувству мѣры; онъ подслушалъ у него тайну поэтической формы. Нѣкоторыя изъ его первыхъ лирическихъ стихотвореній, какъ напримѣръ, «Вѣтка Палестины», — невольно напоминаютъ Пушкина; нѣкоторое внѣшнее сходство съ Пушкинымъ представляютъ и два-три другихъ стихотворенія, въ особенности «Казначейша». Но противоположности между характерами обоихъ поэтовъ гораздо ярче и опредѣленнѣе этого сходства. Сходство въ нихъ скорѣе случайное, внѣшнее, условное, тогда какъ то, въ чемъ они расходятся, составляетъ самую сущность ихъ личностей. Поэтическія средства у обоихъ были почти одинаковы, точно также, какъ и обстоятельства, при которыхъ они развивались; только самое развитіе было различно.

«Обоимъ пришлось дорого заплатить за первые поэтическіе порывы свои. Пушкинъ вернулся изъ изгнанія; Лермонтовъ и умеръ вдали отъ родины.

«Пушкинъ съумѣлъ впослѣдствіи примириться и сжиться съ людьми и обстоятельствами, на которыхъ вначалѣ такъ горячо ополчился, которымъ клялся въ непримиримой

враждѣ.—Лермонтовъ никогда не могъ и не хотѣлъ дойти до такого примиренія, потому что оно не могло бы быть полнымъ, а половинныхъ мѣръ онъ не терпѣлъ.

«Пушкинъ, по словамъ одного критика, былъ прежде всего художникомъ, и, огородивъ себѣ мирный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ спокойно жить со своимъ искусствомъ, онъ уже не такъ строго смотрѣлъ на все остальное.

«У Лермонтова, напротивъ того, искусство и жизнь были нераздѣльны; онъ никогда не могъ отдѣлить художника отъ человѣка! Вотъ въ чемъ великая между ними разница!

«Лермонтова упрекали, будто онъ, въ гордомъ ослѣпленіи, чуждался своей отчизны и не любилъ ея. Онъ отвѣтилъ на это чуднымъ стихотвореніемъ, которое начинается такъ:

«Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья».

«Пушкинъ умѣлъ вдохновляться этой славой, этимъ «полнымъ гордаго довѣрія покоемъ»; онъ воспѣвалъ ихъ въ своихъ стихахъ. У Лермонтова также есть художественныя картины битвъ, но онъ вдохновлялся ими лишь настолько, насколько нужно художнику, чтобы что-либо воспроизвести. Его точка зрѣнія выше пушкинской. Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ размышленіемъ неподражаемыя боевыя сцены въ «Валерикѣ»:

«Я думалъ: «Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... зачѣмъ?»

«О томъ, какъ свято чтилъ Лермонтовъ искусство, мы можемъ судить по его пѣснѣ «На смерть Пушкина»,

по драматической сценѣ: «Поэтъ, читатель и журналистъ», по превосходнымъ стихотвореніямъ: «Пророкъ», «Поэтъ» и по множеству повсюду разбросанныхъ мыслей.

«О томъ же, какъ глубоко зналъ онъ сердце человѣка, какъ вѣрно постигалъ свое время и какъ нераздѣльно слиты были въ немъ поэзія и жизнь, лучше всего свидѣтельствуетъ его полная божественнаго огня «Дума», начинающаяся словами:

Печально я гляжу на наше поколѣнье. . . . .

«Говорить ли мнѣ что-либо о воспитаніи и познаніяхъ Лермонтова? Подробности его дѣтства въ точности мнѣ неизвѣстны. У всѣхъ, писавшихъ о немъ, было мало точныхъ и положительныхъ свѣдѣній и указаній объ этой эпохѣ его жизни: Вѣроятно, этотъ недостатокъ слѣдуетъ приписать кочевой его жизни и ранней кончинѣ, которыя не дали ни ему, ни другимъ времени и случая отмѣтить кое-какія біографическія черты. Кому можетъ придти въ голову освѣдомляться о школьной жизни и о дѣтскихъ похожденіяхъ только-что выступающаго поэта? Конечно, всѣ эти частности могутъ быть для многихъ интересны, но для оцѣнки Лермонтова, какъ поэта, можно обойтись и безъ нихъ. Что былъ бы это за поэтъ, еслибъ ему нужно было засвидѣтельствовать свою ученость и образованіе школьными атестатами и ученными цитатами!

«Извѣстно, что Лермонтовъ учился въ школѣ все, что требовалось къ экзамену, и что впослѣдствіи, по собственному побужденію, онъ основательно изучилъ исторію міра и природы. При этомъ, онъ, какъ и слѣдовало русскому аристократу, зналъ французскій и нѣмецкій языки, какъ свой собственный; а по-итальянски и по-англійски настолько, чтобы хорошо понимать любого писателя.

«Къ Лермонтову, какъ нельзя лучше, примѣняется то, что Гете замѣчаетъ относительно всѣхъ вообще людей, одаренныхъ художественными способностями, а именно, что они бываютъ обязаны своимъ образованіемъ главнымъ образомъ природѣ и самимъ себѣ. «Вамъ, педаго-

ги, говоритъ онъ: никогда не создать искусственно такого разнообразнаго поприща, на которомъ бы геній всегда находилъ достаточно мѣста для дѣятельности своихъ силъ и для наслажденія». Онъ же говоритъ, что «для генія правила вреднѣе примѣровъ».

(«Современникъ», изъ извлеченія М. Л. Михайлова).

VI.

Воспоминанія о Лермонтовѣ И. И. Панаева.

1838—1841.

. . . . . Лермонтовъ хотѣлъ слыть во чтобы то ни стало и прежде всего за свѣтскаго человѣка, и оскорблялся точно также, какъ Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его, какъ литератора. Несмотря на сознаніе, что причиною гибели Пушкина были, между прочимъ, наклонность его къ великосвѣтскости, — сознаніе это ясно выражено Лермонтовымъ въ его заключительныхъ стихахъ «На смерть Пушкина», — несмотря на то, что Лермонтову хотѣлось иногда бросать въ свѣтскихъ людей желѣзный стихъ —

«Облитый горечью и злостью»...

онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ свѣтскихъ предразсудковъ, и высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно.

Лермонтовъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ стихотвореніемъ «На смерть Пушкина»; но еще и до этого, когда онъ былъ въ юнкерской школѣ, носились слухи объ его замѣчательномъ поэтическомъ талантѣ — и его поэма «Демонъ» ходила уже по рукамъ въ рукописи.

Литературная критика обратила на него вниманіе послѣ появленія его повѣсти «О купцѣ Калашниковѣ».

Наружность Лермонтова была очень замѣчательна:

Онъ былъ небольшого роста, плотнаго, сложенія имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ, и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у г. Краевскаго моего пріятеля М. А. Я—ва... Я—въ сидѣлъ противъ Лермонтова. Они не были знакомы другъ съ другомъ. Лермонтовъ нѣсколько минутъ не спускалъ съ него глазъ. Я—въ почувствовалъ сильное нервное раздраженіе и вышелъ въ другую комнату, не будучи въ состояніи вынести этого взгляда. Онъ и до сихъ поръ не забылъ его.

Я много слышалъ о Лермонтовѣ отъ его школьныхъ и полковыхъ товарищей. По ихъ словамъ, онъ былъ любимъ очень немногими, только тѣми, съ которыми былъ близокъ, но и съ близкими людьми онъ не былъ сообщителенъ. У него была страсть отыскивать въ каждомъ своемъ знакомомъ какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость,—и отыскавъ ее, онъ упорно и постоянно преслѣдовалъ такого человѣка, подтрунивалъ надъ нимъ, и выводилъ его наконецъ изъ терпѣнія. Когда онъ достигалъ этого, онъ былъ очень доволенъ.

— Странно, говорилъ мнѣ одинъ изъ его товарищей:— въ сущности онъ былъ, если хотите, добрый малый: покутить, повеселиться,—во всемъ этомъ онъ не отставалъ отъ товарищей; но у него не было ни малѣйшаго добродушія, и ему непремѣнно нужна была жертва,—безъ этого онъ не могъ быть покоенъ,—и выбравъ ее, онъ ужъ безпощадно преслѣдовалъ ее. Онъ непремѣнно долженъ былъ кончить такъ трагически: — не Мартыновъ, такъ кто-нибудь другой убилъ бы его.

Лермонтовъ по своимъ связямъ и знакомствамъ принадлежалъ къ высшему обществу, и былъ знакомъ только съ литераторами, принадлежавшими къ этому свѣту, съ

литературными авторитетами и знаменитостями. Я въ первый разъ увидѣлъ его у кн. В. Ѳ. Одоевскаго и потомъ довольно часто встрѣчался съ нимъ у г. Краевскаго. Гдѣ какъ онъ сошелся съ г. Краевскимъ, этого я не знаю; но онъ былъ съ нимъ довольно коротокъ и даже говорилъ ему «ты».

Лермонтовъ обыкновенно заѣзжалъ къ г. Краевскому по утрамъ (это было въ первые годы «Отечественныхъ Записокъ» въ 40 и 41 годахъ) и привозилъ ему свои новыя стихотворенія. Входя съ шумомъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты, Лермонтовъ подходилъ къ столу за которымъ, сидѣлъ редакторъ, — разбрасывалъ корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ г. Краевскаго со стула.

Поэтъ пускался въ разсказы о своихъ свѣтскихъ похожденіяхъ, прочитывалъ свои новые стихи и уѣзжалъ. Посѣщенія его были непродолжительны.

Заговоривъ о Лермонтовѣ, я выскажу здѣсь кстати все, что помню объ немъ, и читатель, вѣрно, проститъ меня за нарушеніе въ разсказѣ моемъ хронологическаго порядка.

Разъ утромъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ г. Краевскому въ то время, когда я былъ у него. Лермонтовъ привезъ ему свое стихотвореніе:

«Есть рѣчи значенье
Темно, иль ничтожно...»

прочелъ его и спросилъ:

— Ну, что годится?..

— Еще бы! дивная вещь! отвѣчалъ г. Краевскій:— превосходно; но тутъ есть въ одномъ стихѣ маленькій грамматическій промахъ, неправильность...

— Что такое? спросилъ съ безпокойствомъ Лермонтовъ.

«Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово...»

— Это неправильно, не такъ, возразилъ г. Краевскій: — по настоящему, по грамматикѣ надо сказать, изъ пламени и свѣта...

— Да если этотъ пламень не укладывается въ стихъ? Это вздоръ, ничего, — вѣдь поэты позволяютъ себѣ разныя поэтическія вольности — и у Пушкина ихъ много... Однако... (Лермонтовъ на минуту задумался)... дай-ка я попробую передѣлать этотъ стихъ.

Онъ взялъ листокъ со стихами, подошелъ къ высокому столу съ выемкой, обмокнулъ перо и задумался...

Такъ прошло минутъ пять. Мы молчали.

Наконецъ Лермонтовъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ:

— Нѣтъ, ничего нейдетъ въ голову. Печатай такъ какъ есть. Сойдетъ съ рукъ...

Въ другой разъ я засталъ Лермонтова у г. Краевскаго въ сильномъ волненіи. Онъ былъ взбѣшенъ за напечатаніе, безъ его спроса, «Казначейши» въ «Современникѣ», издававшимся Плетневымъ. Онъ держалъ тоненькую розовую книжечку «Современника» въ рукахъ и покушался было разодрать ее, но г. Краевскій не допустилъ его до этого.

— Это чортъ знаетъ что такое! позволительно ли дѣлать такія вещи! говорилъ Лермонтовъ, размахивая книжечкою... Это ни на что не похоже!

Онъ подсѣлъ къ столу, взялъ толстый красный карандашъ и на оберткѣ «Современника», гдѣ была напечатана его «Казначейша, набросалъ какую-то каррикатуру.

Вѣроятно, этотъ нумеръ «Современника» сохраняется у г. Краевскаго въ воспоминаніе о поэтѣ.

Я также встрѣтился у г. Краевскаго съ Лермонтовымъ въ день его дуэли съ сыномъ г. Баранта, находившимся тогда при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ... Лермонтовъ пріѣхалъ послѣ дуэли прямо къ г. Краевскому и показалъ намъ свою царапину на рукѣ. Они дрались на шпагахъ. Лермонтовъ въ это утро былъ необыкновенно

веселъ и разговорчивъ. Если я не ошибаюсь, тутъ былъ и Бѣлинскій.

Бѣлинскій часто встрѣчался у г. Краевскаго съ Лермонтовымъ. Бѣлинскій пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто перерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе.

— «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ, говорилъ Бѣлинскій:— было бы довольно странно; но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою.»

И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бретёра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то по крайней мѣрѣ—идеалъ сильно тревожившій его въ то время и на который онъ очень желалъ походить.

Когда онъ сидѣлъ въ ордонансъ-гаузѣ послѣ дуэли съ Барантомъ, Бѣлинскій навѣстилъ его; онъ провелъ съ нимъ часа четыре, глазъ на глазъ, и отъ него прямо пришелъ ко мнѣ.

Я взглянулъ на Бѣлинскаго и тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ необыкновенно пріятномъ настроеніи духа. Бѣлинскій не могъ скрывать своихъ ощущеній и впечатлѣній и никогда не драпировался. Въ этомъ отношеніи, онъ былъ совершенный контрастъ Лермонтову.

— Знаете-ли, откуда я? спросилъ Бѣлинскій.

— Откуда?

— Я былъ въ ордонансъ-гаузѣ у Лермонтова, и попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ че-

ловѣкомъ!.. Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я взошелъ къ нему и сконфузился, по обыкновенію. Думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая? Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного,—такъ это любовь къ искусству, но онъ не подается на серьезные разговоры... Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не больше четвертп часа. Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ... «Я не люблю Вальтеръ-Скотта», сказалъ мнѣ Лермонтовъ, «въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ», — и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него — и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ-Скотта къ Куперу и говорилъ о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостію, съ умомъ—и что удивило меня — даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ наконецъ удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою,—я увѣренъ въ этомъ...

Въ матеріалахъ для біографіи, въ 2 части сочиненій Лермонтова, г. Дудышкинъ говоритъ:

«Въ 1840 году, когда Лермонтовъ сидѣлъ уже подъ арестомъ за дуэль, онъ познакомился съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій навѣстилъ его, и съ тѣхъ поръ дружескія отношенія ихъ не прерывались».

Это несправедливо.—Бѣлинскій послѣ возвращенія Лер-

монтова съ Кавказа, зимою 1841 года, нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ у г. Краевскаго и у Одоевскаго, но между ними не только не было никакихъ дружескихъ отношеній, а и серьезный разговоръ уже не возобновлялся болѣе.

Странные и забавные отзывы слышатся до сихъ поръ о Лермонтовѣ. «Что касается до его таланта, разсуждаютъ,— такъ объ этомъ и говорить нечего, но онъ былъ пустой человѣкъ, и при томъ не добраго сердца».

И вслѣдъ за тѣмъ приводятся, обыкновенно, доказательства этого—различные анекдоты о немъ во время пребыванія его въ юнкерской школѣ и въ гусарскомъ полку.

Какъ же соединить эти два понятія о Лермонтовѣ—человѣкѣ и о Лермонтовѣ—писателѣ?

Какъ писатель, онъ поражаетъ прежде всего умомъ смѣлымъ, тонкимъ и пытливымъ: его міросозерцаніе уже гораздо шире и глубже Пушкина — въ этомъ почти всѣ согласны. Онъ далъ намъ такія произведенія, которыя обнаруживали въ немъ громадныя задатки для будущаго. Онъ не могъ обмануть надеждъ, возбужденныхъ имъ, и если бы не смерть, такъ рано прекратившая его дѣятельность, онъ, можетъ быть, занялъ бы первое мѣсто въ исторіи русской литературы. — Отчего же большинству своихъ знакомыхъ онъ казался пустымъ и чуть не дюжиннымъ человѣкомъ, да еще съ злымъ сердцемъ? Съ перваго раза это кажется страннымъ.

Но это большинство его знакомыхъ состояло или изъ людей свѣтскихъ, смотрящихъ на все съ легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрѣнія, или изъ тѣхъ мелкоплавающихъ мудрецовъ-моралистовъ, которые схватываютъ только одни внѣшнія явленія и по этимъ внѣшнимъ явленіямъ и поступкамъ произносятъ о человѣкѣ рѣшительные и окончательные приговоры.

Лермонтовъ былъ неизмѣримо выше среды окружавшей его и не могъ серьезно относиться къ такого рода людямъ. Ему, кажется, были особенно досадны послѣдніе — тупые

мудрецы, важничающіе своею дѣльностію и разсудочностію и невидящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе (это очень понятно) казаться самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ. Онъ не отыскивалъ людей, равныхъ себѣ по уму и по мысли внѣ своего круга. Натура его была слишкомъ горда для этого, онъ былъ весь глубоко сосредоточенъ въ самомъ себѣ и не нуждался въ посторонней опорѣ.

Конечно, отчасти предразсудки среды, въ которой Лермонтовъ взросъ и воспитывался, отчасти увлеченія молодости и истекшее отсюда его желаніе эффектно драпироваться въ байроновскій плащъ, непріятно дѣйствовали на многихъ, дѣйствительно серьезныхъ людей, и придавали Лермонтову непріятный, неестественный колоритъ. Но можно ли строго судить за это Лермонтова?.. Онъ умеръ еще такъ молодъ. Смерть прекратила его дѣятельность въ то время, когда въ немъ совершалась сильная внутренняя борьба съ самимъ собою, передѣлка, изъ которой онъ вѣроятно вышелъ бы побѣдителемъ и вынесъ бы простоту въ обращеніи съ людьми, твердыя и прочныя убѣжденія.

(«Литерат. Воспом.» Современ. 1861 г. кн. II, стр. 656—663).

VII.

Военно-судное дѣло о второй дуэли Лермонтова.

15-го іюля 1841 года, въ 7-мъ часу вечера, близъ г. Пятигорска, у подошвы горы Машука между поручикомъ Лермонтовымъ и майоромъ Мартыновымъ произошла дуэль, на которой убитъ первый изъ нихъ. Секундантами при

этомъ были со стороны Лермонтова — кн. Васильчиковъ, а со стороны Мартынова — корнетъ Глѣбовъ [1]).

Дуэль назначена была на пистолетахъ, на разстояніи 15 шаговъ, но отъ барьера въ каждую сторону отмѣрено было еще по 10 шаговъ, гдѣ противники должны были первоначально стать. Особаго права на первый выстрѣлъ по условію никому изъ нихъ не дано, каждый могъ стрѣлять или стоя на мѣстѣ или подойдя къ барьеру. На основаніи такого условія, когда Лермонтовъ и Мартыновъ стали на крайнихъ точкахъ отмѣреннаго между ними разстоянія, то одинъ изъ секундантовъ подалъ знакъ рукою, и они по сему знаку, сойдясь къ барьеру, остановились. Первымъ выстрѣлилъ Мартыновъ и нанесъ Лермонтову рану въ правый бокъ на вылетъ, отъ которой Лермонтовъ мгновенно умеръ, не успѣвъ даже выстрѣлить.

Послѣ сего Мартыновъ съ корнетомъ Глѣбовымъ возвратились въ Пятигорскъ, а князь Васильчиковъ оставался на мѣстѣ дуэли до присылки за тѣломъ Лермонтова людей, которые и привезли оное тогда же въ Пятигорскъ. По возвращеніи съ мѣста дуэли, корнетъ Глѣбовъ немедленно явился къ тамошнему коменданту и объявилъ ему о происшествіи.

Изъ медицинскаго освидѣтельствованія тѣла Лермонтова оказалось, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, въ мѣстѣ срастанія ребра съ хрящемъ, пробила правое и лѣвое легкія, поднимаясь вверхъ вышла между пятымъ и шестымъ ребрами лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча.

При слѣдствіи и въ судѣ Мартыновъ показалъ слѣдую-

---

[1]) Корнетъ Глѣбовъ присланъ былъ въ Пятигорскъ изъ крѣпости Грозной по распоряженію начальства для излеченія полученной въ сраженіи раны, князь Васильчиковъ уволенъ былъ туда въ отпускъ, а поручикъ Лермонтовъ остался тамъ въ іюнѣ мѣсяцѣ за болѣзнію, при слѣдованіи на службу изъ Ставрополя въ крѣпость Темиръ-Ханъ-Шуру.

щее: съ самаго пріѣзда его въ Пятигорскъ, Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, когда бы онъ могъ сказать ему что-либо непріятное: остроты, колкости, однимъ словомъ все, чѣмъ только можно досадить человѣку, не касаясь до его чести. Онъ, Мартыновъ, показывалъ Лермонтову, какъ могъ, что не намѣренъ служить мишенью для его шутокъ, но Лермонтовъ дѣлалъ видъ какъ будто не замѣчалъ этого. Недѣли три тому назадъ, во время болѣзни Лермонтова, показатель высказалъ ему все откровенно, и просилъ перестать насмѣхаться. Лермонтовъ, отшучиваясь, ничего не обѣщалъ, а предлагалъ ему въ свою очередь смѣяться надъ нимъ, однако пересталъ на нѣсколько дней насмѣхаться, но потомъ снова принялся за прежнее. На вечерѣ въ одномъ частномъ домѣ [1]) за два дня до дуэли Лермонтовъ вывелъ его, Мартынова, изъ терпѣнія, привязываясь къ каждому его слову и на каждомъ шагу показывалъ явное желаніе досадить. Тогда онъ, Мартыновъ, рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ того дома, онъ удержалъ Лермонтова за руку и пошелъ съ нимъ рядомъ; тутъ онъ сказалъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти несносныя шутки и теперь предупреждаетъ, — что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, заставитъ его перестать. — Лермонтовъ, не давъ ему кончить, сказалъ, что ему тонъ этой проповѣди не нравится, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говорить про него то, что онъ хочетъ, и, въ заключеніе, сказалъ: «вмѣсто пустыхъ угрозъ ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно ты никого этимъ не испугаешь.» Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что въ такомъ случаѣ пришлетъ къ нему своего секунданта.

Возвратившись въ свою квартиру, онъ, Мартыновъ,

---

[1]) У генеральши М. Верзилиной.

велѣлъ своему человѣку попросить къ себѣ Глѣбова, который пришелъ къ нему черезъ четверть часа, и, выслушавъ обо всемъ, согласился быть его секундантомъ. Глѣбовъ началъ уговаривать показателя отказаться отъ дуэли, но онъ на сіе не согласился, прибавивъ, что самъ Глѣбовъ изъ словъ Лермонтова убѣдится, что не онъ, Мартыновъ, вызываетъ, но его вызываютъ; затѣмъ ему, Мартынову, невозможно первому сдѣлать шагъ къ примиренію. На другой день показатель потребовалъ отъ Лермонтова формальнаго удовлетворенія. Кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ всѣми силами старались достигнуть примиренія противниковъ, но такъ какъ они не могли сказать ему, Мартынову, ничего отъ имени Лермонтова, то дуэль состоялась. Условлено было сойтись на мѣстѣ въ 6½ часовъ по полудни; онъ, Мартыновъ, выѣхалъ немного ранѣе изъ своей квартиры верхомъ, бѣговыя же дрожки свои онъ далъ Глѣбову, который догналъ его уже на дорогѣ. Васильчиковъ и Лермонтовъ также ѣхали верхомъ. По прибытіи на мѣсто, лошадей они привязали къ кустарнику, барьеръ былъ отмѣренъ въ 15 шаговъ и отъ него въ обѣ стороны еще по 10 шаговъ. Они, Мартыновъ и Лермонтовъ, стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуэли каждый изъ нихъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Онъ, Мартыновъ, первый пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени выстрѣла Лермонтова, потомъ спустилъ курокъ. При дуэли, кромѣ секундантовъ, никто не присутствовалъ.

Генеральша Верзилина подъ присягою показала, что дѣйствительно 13 іюля 1841 г. вечеромъ были у нея въ домѣ Мартыновъ и Лермонтовъ, но непріятностей между ними она не слыхала и не замѣтила.

Кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ объяснили, что они въ тотъ же вечеръ были вмѣстѣ съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ въ домѣ Верзилиной, но при нихъ ссоры не происходило и они о ней узнали послѣ, ибо уходя отъ Верзилиной, они пошли впередъ, оставивъ вдвоемъ Лермон-

това и Мартынова. Объ обстоятельствахъ дуэли кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ показали согласно вышеизложенному, прибавивъ, что хотя они употребляли всѣ усилія къ отклоненію Лермонтова и Мартынова отъ дуэли, но Мартыновъ, считая себя обиженнымъ и указывая на сказанныя ему Лермонтовымъ слова, намекавшія о дуэли, оставить сдѣланнаго имъ вызова не согласился. Увѣдомить же о семъ начальство они, Глѣбовъ и кн. Васильчиковъ, не могли, потому что дали слово противникамъ не говорить никому о происшедшей между ними ссорѣ [1]).

Военный судъ, признавая подсудимыхъ по обстоятельствамъ дѣла и собственному ихъ сознанію виновными—майора Мартынова въ произведеніи дуэли съ поручикомъ Лермонтовымъ и убійствѣ его на этой дуэли, а корнета Глѣбова и титул. совѣтника кн. Васильчикова въ томъ, что они не донесли начальству о намѣреніи Лермонтова и Мартынова къ дуэли и находились при оной секундантами, приговорилъ: всѣхъ трехъ подсудимыхъ, на основаніи св. воен. постан. 5 ч., 1 кн. ст. 392, 393 и 398 лишить чиновъ и правъ состоянія.

Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, признавая подсудимыхъ виновными: майора Мартынова въ произведеніи съ поручикомъ Лермонтовымъ поединка, на которомъ убилъ его, а корнета Глѣбова и тит. сов. кн. Васильчикова въ принятіи на себя посредничества въ этой дуэли, полагалъ: майора Мартынова въ уваженіе прежней его безпорочной службы, начатой въ гвардіи, отличіи, оказаннаго въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1837 г., за что онъ удостоенъ ордена Св. Анны 3 степени съ бантомъ, и того, что Мартыновъ вынужденъ былъ къ произведенію дуэли съ Лермонтовымъ безпрестанными его обидами, на которыя долгое время отвѣтствовалъ увѣщаніемъ и терпѣніемъ—лишивъ чиновъ и ордена, написать въ солдаты до

[1]) Подсудимые съ 15 іюля по 25 сентября 1841 г. содержались подъ арестомъ, а послѣ того находились на свободѣ.

выслуги, а корнета Глѣбова и кн. Васильчикова, хотя слѣдовало бы подвергнуть одинаковому наказанію съ майоромъ Мартыновымъ, но принимая во вниманіе молодость ихъ, хорошую службу, бытность перваго изъ нихъ въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1840 г. и полученную имъ тогда тяжелую рану,—вмѣнивъ имъ въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ до преданія суду, выдержать еще въ крѣпости на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ и Глѣбова перевести изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ.

По внесеніи сего дѣла на разсмотреніе Государя Императора въ 3 день января 1842 г., послѣдовало слѣдующее высочайшее повелѣніе: «майора Мартынова посадить въ кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца, и предать церковному покаянію. Титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго во вниманіе къ заслугамъ отца, а втораго по уваженію полученной тяжелой раны.»

(«Рус. угол. проц.» изд. г. Любавскаго, 1867 г., т. II).

VIII.

Похороны Лермонтова.

.... О дуэли Лермонтова знали весьма немногіе.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, его пріятель, былъ тоже изъ числа незнавшихъ о ней. Возвращаясь изъ Шотландки (нѣмецкая колонія близъ Пятигорска), я встрѣтилъ Пушкина на дрожкахъ, который сказалъ мнѣ, что изъ Желѣзноводска въ Пятигорскъ пріѣхалъ къ нимъ Лермонтовъ, который ѣздилъ туда на нѣсколько дней брать ванны.

Передъ вечеромъ мы заѣхали къ Монго-Столыпину, гдѣ было пять—шесть человѣкъ знакомыхъ; оттуда верхомъ съ братомъ отправились мы къ источнику. Въ сумерки приходятъ сказать намъ что почти умираетъ Александръ Бенкендорфъ (тогда еще юнкеръ, позднѣе женатый на Бенардаки). Встревоженные, подумали мы непристрѣлилъ-ли

его какой нибудь Черкесъ, такъ какъ онъ любилъ одинъ на конѣ, разъѣзжать по ауламъ. Но оказалось, что съ нимъ только сдѣлался обморокъ отъ излишней усталости въ знойный день, потому что онъ ѣздилъ въ горы... Пока мы были у него, прискакиваетъ Дороховъ, и съ видомъ отчаянія объявляетъ: «вы знаете господа, Лермонтовъ убитъ!» Тотчасъ отправились мы на квартиру Лермонтова. Хатка которую онъ занималъ была на дворѣ, рядомъ съ квартирою Столыпина, въ концѣ улицы идущей къ горѣ, противъ Машука, со стороны рѣки Подкумокъ. Немногіе, бывшіе тамъ, сидѣли молча, и когда братъ мой спросилъ: «Живъ-ли и гдѣ Лермонтовъ?» ему кто то отвѣтилъ: «лежитъ убитый у себя въ комнатѣ». У порога этой комнаты стоялъ какой-то солдатъ, приставленный въ видѣ караула. Зеркало было занавѣшено. На кровати, въ красной шелковой рубашкѣ лежалъ блѣдный, истекшій кровью Лермонтовъ. На груди видна была рана отъ прострѣла пулею Кухенрейтерскаго пистолета. Грудь была прострѣлена на вылетъ и лужа крови на простынѣ Съ открытыми глазами, съ улыбкой презрѣнія, онъ казался какъ бы живой, съ выраженіемъ лица—какъ бы разгадавши невѣдомую ему замогильную тайну. Онъ, который былъ такъ невзраченъ, въ этотъ моментъ казался прекраснымъ. Друзья его стали хлопотать, чтобы добиться позволенія похоронить его съ приличною обстановкою, но комендантъ, полковникъ Принцъ не далъ позволенія оказать военныя почести убитому на дуэли. Священникъ обѣщалъ предать тѣло его землѣ по христіанскому обряду; но когда, передъ вечеромъ собирались нести покойника, то пришли сказать, что священникъ не рѣшается приступить къ похоронамъ... Двое изъ насъ отправились къ священнику, и въ разговорѣ съ нимъ, одинъ изъ насъ, указывая на своего пріятеля, сказалъ: «вотъ, онъ можетъ даже намъ дать росписку, что «вамъ за это ничего не будетъ: онъ каммеръ-юнкеръ двора «е. и. в.»

Въ это время пришолъ какой-то живописецъ снять портретъ, но отъ знойнаго дня, черты лица Лермонтова,

сдѣлались скоро почти неузнаваемы, распухли, и одно ухо ужасно разнесло. Человѣкъ 12—14 его пріятелей, военные въ мундирахъ, невоенные во фракахъ понесли гробъ на могилу. Надъ гробомъ священникъ прочиталъ молитву. Когда стали опускать гробъ въ могилу, оказалось, что онъ не могъ войти въ боковую пещеру, сдѣланную на днѣ могилы; тогда какой-то стоявшій вблизи Черкесъ спрыгнулъ туда и кинжаломъ пообобилъ землю.

Могила, вырытая у подножія величаваго Машукà, на небольшомъ склонѣ освященномъ кавказскимъ солнцемъ, казалась лучшимъ для поэта монументомъ.

Тѣло его было потомъ перевезено въ Россію. При похоронахъ было нѣсколько дамъ, искренно оплакивавшихъ поэта... *).

IX.

Замѣчаніе А. П. Ермолова по поводу гибели Лермонтова.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ говаривалъ, что «поэты суть гордость націи.» Съ глубокимъ сожалѣніемъ выражался онъ о ранней смерти Лермонтова.

«Ужъ я бы не спустилъ этому Мартынову! Еслибъ я былъ на Кавказѣ, я бы спровадилъ его; тамъ есть такія дѣла, что можно послать, да вынувши часы считать, черезъ сколько времени посланнаго не будетъ въ живыхъ. И было бы законнымъ порядкомъ. Ужъ у меня бы онъ не отдѣлался. Можно позволить убить всякаго другого человѣка, будь онъ вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а этихъ людей (каковъ Лермонтовъ) не скоро дождешься!»

Все это сѣдой генералъ говорилъ, по-своему, слегка притопывая ногою.

(Изъ записокъ М. П. Погодина о Ермоловѣ, Русск. Вѣстн. 1864 г. кн. 8 стр. 229).

*) Этотъ разсказъ (немного несвязный) записанъ мною со словъ очевидца и участника печальнаго обряда Л. И. Т-о--О-ва 18 іюня 1860 года. **Князь Н. Н. Голицынъ.**

X.

Домъ въ Пятигорскѣ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ.

Послѣдніе три мѣсяца своей жизни Лермонтовъ занималъ въ Пятигорскѣ небольшой домикъ (рисунокъ его помѣщенъ въ журналѣ «Орелъ» 1859 г. № 2) крайній въ городѣ, стоявшій на углу верхней городской площадки. Внутренность домика очень скромная: три небольшихъ, чисто выбѣленныхъ комнаты, два окна на площадь съ полисадникомъ, обнесеннымъ простой деревянной рѣшеткой. Изъ заднихъ же оконъ открывался великолѣпный видъ:—гирлянды садовъ и виноградныхъ кустарниковъ и силуэтъ всего Кавказскаго хребта на голубомъ, чистомъ небѣ; справа высится стройный очеркъ Машука: слѣва Бештау.

Здѣсь-то, въ этомъ скромномъ домикѣ, за недѣлю до своей смерти—подъ вліяніемъ рокового предчувствія—онъ написалъ свое стихотвореніе: «Завѣщаніе».

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить. и пр.

Черезъ недѣлю послѣ того, и именно 15 іюля 1841 г. въ 5 часовъ по полудни, во время страшной грозы, разразившейся надъ Машукомъ — пистолетная пуля пресѣкла дни поэта; онъ былъ убитъ на дуэли г. Мартыновымъ. И тутъ, какъ и въ смерти Пушкина — была виновна женщина.

Мѣсто, гдѣ палъ Лермонтовъ, еще и теперь памятно въ Пятигорскѣ. Это было совершенно въ сторонѣ отъ города съ сѣверо-западной стороны Машука, на небольшой площадкѣ, окаймленной густыми виноградными кустарниками.

Грустно были обставлены послѣднія минуты жизни

Лермонтова: ни одного близкаго, родного человѣка не нашлось кругомъ съ истиннымъ участіемъ, съ истинною скорбію, — одинъ только слуга рыдалъ надъ его окровавленнымъ трупомъ. Тѣло поэта было положено въ свинцовый гробъ, который поставленъ за оградой городского кладбища, въ ожиданіи распоряженій его далекихъ родственниковъ, которымъ дали знать о его смерти тотчасъ же. Черезъ мѣсяцъ, прахъ М. Ю. Лермонтова былъ отправленъ изъ Пятигорска въ имѣніе его родныхъ, въ одну изъ центральныхъ губерній Россіи, чтобы на родной землѣ схоронить его останки.

(Замѣтка Н. Симакова въ журн. «Орелъ» 1859 г. № 2).

XI.

Лермонтовъ гротъ въ Пятигорскѣ.

Пятигорскъ. Въ «Листкѣ» для посѣтителей кавказскихъ минеральныхъ водъ 1868 г. напечатано слѣдующее: «Особы, прибывшія въ первый разъ въ городъ Пятигорскъ, осматривая его достопримѣчательныя мѣстности, посѣщаютъ скалу съ эоловою арфой и подъ нею гротъ, называемый Лермонтовымъ, и при этомъ, конечно, любопытно для нихъ знать, гдѣ именно въ послѣднее время жилъ авторъ «Героя нашего времени?» Квартира его была въ верхнемъ кварталѣ гор. Пятигорска, обращенномъ къ началу парка, въ надворномъ деревянномъ флигелѣ дома подполковника Чиляева, доселѣ оставшейся точно въ такомъ же видѣ, какою она была за двадцать-пять лѣтъ тому назадъ. Сюда раненый Лермонтовъ былъ принесенъ съ мѣста дуэли и здѣсь (?) умеръ. Тѣло его первоначально было погребено на общемъ городскомъ кладбищѣ, а потомъ вынуто и перевезено въ родовое имѣніе (Столыпино), въ одной изъ внутреннихъ губерній Россіи.»

(«Спб. Вѣд.» 1868 г. № 219, 13 авг.)

XII.

Извѣстіе о кончинѣ Лермонтова.

Еще утрата въ русской литературѣ! Одна изъ прекрасныхъ надеждъ ея,. М. Ю. Лермонтовъ, скончался на Кавказѣ 15-го іюля. Давно ли мы радовались его разцвѣтанію—и уже должны оплакивать потерю! Онъ былъ представителемъ самаго младшаго поколѣнія словесности нашей; бодро шелъ впередъ; развитіе его обѣщало много; Кавказъ посылалъ ему новыя вдохновенія. Теперь все кончено.

Сердце обливается кровію, когда подумаешь, сколько прекрасныхъ талантовъ погибаетъ у насъ безвременно!

(Москвитянинъ, 1841 г. № 9).

XIII.

Могила и памятникъ Лермонтова.

Въ Чембарскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи, въ семнадцати верстахъ отъ города Чембара, на большой дорогѣ, идущей въ Пензу, лежитъ село Тарханы, принадлежащее Аѳанасію Алексѣевичу Столыпину, получившему это село, по наслѣдству, отъ своего родственника, нашего поэта Михаила Юрьевича Лермонтова, послѣ его смерти на Кавказѣ.

Нынѣшній владѣлецъ села Тарханъ, любимый поэтомъ, воспѣвавшимъ его въ своихъ стихотвореніяхъ, перенесъ прахъ поэта въ его родовое имѣніе и воздвигъ надъ могилою памятникъ внутри ограды сельской, деревянной церкви. Памятникъ изъ сѣраго мрамора, съ урною на верху и съ надписью: «М. Ю. Лермонтовъ». Больше ничего: ни чиселъ, ни эпитафій, ни текстовъ. Надъ памятникомъ каменная часовня, укрывающая его отъ непогодъ.

Рѣдко посѣщается, немногими проѣзжими, могила преемника Пушкина. Оба они погибли раннею, насильственною смертью, въ полномъ развитіи силъ и таланта, жертвою дикихъ общественныхъ предразсудковъ, и со смертью Лермонтова стихла русская поэзія.

Замолкли звуки чудныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять!..

Часовня надъ памятникомъ уже приходитъ въ ветхость, штукатурка на ней обваливается, что видно изъ рисунка, помѣщеннаго въ «Илл. Газ.» 1867 г.

(«Илл. Газ.» 23 марта 1867 г. № 12, стр. 180).

XIV.

Домъ и могила Лермонтова.

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что М. Ю. Лермонтовъ, окончившій жизнь на Кавказѣ, схороненъ въ Чембарскомъ уѣздѣ, с. Тарханахъ, которое принадлежало его бабушкѣ, Арсеньевой, пользующейся большою извѣстностью въ біографіи поэта. Это село Тарханы находится верстахъ въ 12 отъ Чембара, уѣзднаго города Пензенской губерніи. Въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ мы находимъ слѣдующія подробности по этому поводу, которыя и передаемъ въ выдержкахъ.

Село Тарханы, гдѣ покоится прахъ поэта, лежитъ близь большого села Крюковки, которое всего верстахъ въ 10 отъ Чембара. Едва вы проѣдете Крюковку, какъ уже въ сторонѣ покажется нѣсколько избъ, перемѣшанныхъ съ густою зеленью деревьевъ, и скромно тамъ выглядываетъ шпицъ сельской колокольни. Это и есть Тарханы—деревня, въ которой авторъ «Демона» и «Героя нашего времени» жилъ у своей бабушки Арсеньевой и гдѣ нашелъ онъ себѣ мѣсто для вѣчнаго успокоенія. Красный дворъ

весь теперь заросъ густою травой и на немъ не видать ни одной тропинки. Небольшой барскій домъ окруженъ старымъ надворнымъ строеніемъ; деревянный и одноэтажный, этотъ домикъ прежде имѣлъ на верху мезонинъ; но такъ какъ за ветхостью строенія, мезонинъ сталъ сильно давить на крышу, то его, въ очень недавнее время, сняли оттуда и въ неразобранномъ видѣ поставили тутъ же на барскомъ дворѣ. Комната Михаила Юрьевича помѣщалась именно въ этомъ самомъ мезонинѣ; въ домѣ до сихъ поръ уцѣлѣлъ маленькій письменный столикъ поэта и кресло; расположеніе комнатъ тутъ осталось то же самое и теперь, какое было прежде. Тутъ на дворѣ, въ особомъ флигелѣ, живетъ до сихъ поръ, теперь уже престарѣлый, слѣпецъ—бывшій слуга Лермонтова, Андрей Ивановичъ. Замѣчательно, что этотъ почтенный старичекъ, страстно привязанъ къ памяти своего знаменитаго господина; онъ хранитъ, какъ святыню, портретъ Лермонтова, писанный масляными красками; на разспросы о немъ — непремѣнно указываетъ всѣмъ любопытнымъ этотъ портретъ; прежде, пока еще онъ не потерялъ зрѣнія, онъ ежедневно заглядывался подолгу на эти памятныя для него черты; теперь — онъ по нѣскольку разъ въ день снимаетъ этотъ портретъ со стѣны и, снявши, долго водитъ рукою по полотну: осязаніе стало для него замѣною давно-потерянnаго зрѣнія.

Барскій домъ выходитъ прямо въ тѣнистый садъ, теперь весь заросшій розанами и сиренью; садъ расположенъ на полу-горѣ. Темная широкая аллея изъ акацій, сросшихся вверху настоящимъ сводомъ, ведетъ подъ гору къ пруду, который теперь почти весь высохъ. Съ этого полугорья видно все село съ церковью и рядомъ съ небольшою каменною часовней. Эта каменная часовня и составляетъ усыпальницу прежнихъ владѣльцевъ; тутъ схоронена Арсеньева, извѣстная бабка поэта; тутъ покоится и прахъ самого поэта. На правой стѣнѣ часовни написанъ образъ Воскресенія Христова; у лѣвой стоитъ аналой, на

случай совершенія панихидъ; на стѣнѣ, которая прямо передъ вами, повѣшенъ образъ и передъ нимъ горитъ лампада. Три мраморныхъ памятника, какъ только войдете въ часовню, стоятъ два рядомъ, а одинъ впереди ихъ, прямо передъ дверьми. Съ лѣвой его стороны на черномъ мраморѣ высѣчены золотыми буквами слова: «родился 1814 года, 30 октября»; а справа: «скончался 1841 года, 15 іюля». На передней доскѣ написано довольно крупно: «Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ».

Двѣ лавровыя вѣтки, переплетшіяся стеблями, украшаютъ сверху эту простую надпись.»

(Извл. изъ «Пенз. Губерн. В.»).

XV.

Письмо Н. С. Мартынова.

30 ноября 1869 г. *).

«Милостивый Государь М. И.! Несмотря на все мое желаніе сдѣлать что либо для васъ пріятное, самое простое чувство приличія не дозволяетъ мнѣ исполнить просьбу вашу.

Именно потому, какъ вы выразились въ письмѣ вашемъ, что злой рокъ судилъ мнѣ быть орудіемъ воли Провидѣнія, въ смерти Лермонтова, и уже считаю себя не вправѣ вымолвить, хотя бы единое слово, въ его осужденіе, набросить малѣйшую тѣнь на его память; — принять же всю нравственную отвѣтственность этого несчастнаго событія на себя одного, — я не въ силахъ. Изъ числа его современниковъ есть еще весьма многіе въ живыхъ; между прочимъ укажу вамъ на князя

---

*) Письмо это составляетъ отвѣтъ издателю настоящей книги на просьбу его къ Николаю Соломоновичу Мартынову сообщить нѣкоторыя данныя о Лермонтовѣ.

Александра Илларіоновича Васильчикова, который зналъ Лермонтова также хорошо, какъ и я самъ, былъ секундантомъ въ нашей дуели и, вѣроятно, не откажется сообщить Вамъ о ней всѣ подробности, а равно и объ обстоятельствахъ ей предшествовавшихъ.

Примите увѣреніе, и проч.

XVI.

Перечень статей о Лермонтовѣ.

Перечень этотъ сообщенъ намъ В. И. Межовымъ и хотя онъ не полонъ, тѣмъ не менѣе считаемъ не безполезнымъ привести его здѣсь для справокъ.

1) «Атеней». 1858. № 48: Статья А. Меринскаго. 2) «Русскій Вѣстникъ» 1858. №№ 13, 14 и 16: статьи А. Д. Галахова. 3) Библіограф. Записки. 1859. № 20: записки мимоходомъ А. Меринскаго. 4) тамъ же 1861. №№ 16 и 18: о двухъ стихотвор. «Цѣвница и Панъ» 6) тамъ же 1861. № 1. Неоконч. стих.: «онъ былъ въ краю святомъ». 5) тамъ же 1861. № 16. Поправки и дополн. къ соч. Лермонтова. 7) Библіограф. Записки 1859. № 1. Стихотв. Лермонтова. сообщ. Л. И. Арнольди. 8) тамъ же. 1861. № 18. Эпиграмма Лермонтова, сообщенная А. Ѳ. Бычковымъ. 9) тамъ же. 1859. № 12. Библіограф. замѣтки о Лермонтовѣ. А. Меринскаго, В. А. Яковлева и М—ка. 10) «Наше Время» 1862 № 90 Стихотвореніе Лермонтова: «Забываю Любовь» 11) тамъ же 1862. № 190. Два неизд. стих. Лермонтова. 12) Русскій Художественный Листокъ. 1862. № 7: Статья г. Р. о Лермонтовѣ. 13) Вѣкъ 1862. № 3: Точныя свѣдѣнія о 1-й дуели Лермонтова, за которую онъ былъ сосланъ, въ 1840-мъ г. на Кавказъ. 14) «Орелъ» 1859. № 2: Нѣсколько словъ о Лермонтовѣ. Н. Симакова, съ видомъ дома, гдѣ умеръ Лермонтовъ. 15.) Развлеченіе. 1860. № 13: стихотв. неизд. «Смерть» доставл. Н. П. Кельшемъ. 16.) Сѣв. Пчела. 1860. № 100: Библ. замѣтка Н. В—ва о стих. «Есть рѣчи — значенье». 17.) Спб. Вѣдомости. 1859. № 280: По поводу «Продолженія» г. Волковымъ «Сказки для дѣтей». 18) Русскій Архивъ. 1863. №—3—4 и 5—6: Письма М. Лермонтова изъ Юнкерской школы. 19) тамъ же 1864. № 10. Еще письмо его же. 20) тамъ же 1864. № 10: два неизданныя стихотворенія: 1) Евфразія и 2) Ребенку. 21) Кавказъ. 1868. № 17: о М. Ю. Лермонтовѣ. 22) Листокъ для посѣтителей Кавказск. минер. водъ. 1868. № 8: Домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ въ Пятигорскѣ. Статья Ор. Миняева. 23) Иллюстрированная Газета. 1867. № 12.

(т. 19): Могила и памятникъ Лермонтова. 24) Одесскій Вѣстникъ 1868 № 25: о томъ же. 25) Астраханскій Справочный Листокъ. 1868 № 28. о томъ же. 26) Песнишство: Демонъ, поэма М. І. Лермонтова; превео І. І. Србскій Лѣтописъ. 1862. № 2 и 1864 г. 27) Демон поіема по Лермонтову, превео І Іовановић. У Будиму 1864. 16° 60 стр. 28) Казачья колыб. пѣсня Лермонтова. Боянъ. Письмо для белетристики и науки. 1867. № 22. 29) Lermontow's Gedichte. Archiv wur wissensch. Kunde Russlands 1842. 2ter B. S. 439—458. (Между прочимъ переведена пѣсня объ Ив. В. Грозномъ и купцѣ Калашниковѣ) 30) Москов. Вѣдом. 1853 г. № 71: біографическая замѣтка о Лермонтовѣ. В. Негрескула. 31) Пантеонъ. 1853 г. кн. IX: «Лермонтовъ» 32) Современникъ 1856 г. стр. 162—163. 33) Газета «Новое Время» 1870 г. № 210: приглашеніе Министра Народнаго Просвѣщенія сообщить адресъ гг. Шангиреевъ, которымъпринадлежатъ нѣкоторыя рукописи Лермонтова, предложенныя г. Хохряковымъ, временнымъ владѣльцемъ этихъ бумагъ, въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Въ 12-ти книгахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1871 г. будутъ, между прочимъ, напечатаны: продолженіе **записокъ Болотова, Лагарпа, М. А. Бестужева**, бумаги: кн. **А. Д. Меньшикова**, кн. **Куракиныхъ**, кн. **Щербатова, Шишкова, Бахтина, Де-Прерадовича**, гр. **Головина**, (относительно Прибалтійскихъ губерній), бумаги изъ собраній о. **М. Я. Морошкина, Н. Г. Устрялова.** Разные матеріалы для исторіи раскола. Записки: гр. **Г. П. Чернышева**, адмирала **Колзакова, Каратыгина** (отца извѣстнаго артиста), записки **И. И. Горбачевскаго**, кн. **С. Г. Волконскаго**, 1812—1826 гг.; ген.-ауд. арміи въ 1812 г. **С. И. Маевскаго**; кн. **Барклай-де-Толли**, записная книжка гр. **П. П. Коновницына**, записки кн. **А. А. Шаховскаго**, дневн. въ тюрьмѣ **В. К. Кюхельбекера** (1831—1861 гг.), записки поч. лейбъ-медика **Д. К. Тарасова**, ак. жив. **А. В. Ступина** (1776—1861 г.), бывш. попеч. **Д. П. Рунича**; дневн. квакера въ Россіи 1818 г.; дневн. перехода декабристовъ изъ Читы въ Петровскъ; зап. академ. профес. **А. В. Никитенко**, зап. генер. лейт. **В. И. Фелькнера**, д. с. с. **И. И. Свіязева**, зап. генер.-лейт. **А. В. Лишина** и полковн. **Замятнина** о 1831 г.; записки очевидца объ осадѣ Карса въ 1855 г., записки кн. **Н. С. Голицына, Н. Н. Де-Прерадовича** и др. Пребываніе **Бирона** въ ссылкѣ. Письма кабинетъ-министра **А. П. Волынскаго** (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; письма и полит. записки гр. **Бестужева-Рюмина**, переписка гр. **Миниха**, гр. **Паниныхъ**, кн. **Г. А. Потемкина, Сальдерна**, кн. **Куракиныхъ, Пикара** (1782 г.) о новостяхъ въ Петербургской жизни; переписка **Петра III съ Фридрихомъ II**, архивъ кн. **А. В. Суворова Рымникскаго**; письма канцлера гр. **Н. П. Румянцова** (о ученыхъ его трудахъ). Разсказы изъ временъ Павла; крестьянскіе бунты 1808 г., 1813 г., 1831 г. и друг. гг.; заговоръ на островѣ Ситхѣ 1809 г. Новые матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, собран. **А. Г. Пучаревымъ** въ мѣстныхъ архивахъ Казанской губ. Историческія пѣсни. Матеріалы къ описанію бунта военн. поселянъ 1831 г. Матер. къ исторіи управленія Сибири, Кавказа и Финляндіи. — Польское возмущ. 1863 г. —Русскія суевѣрія. Матеріалы къ описанію нравовъ русскаго общества XVIII и XIX стол. (курьезныя челобитныя, письма, исторія кладбища въ Спб.; домашніе дневники). Письма императоровъ **Павла, Александра Павловича, Николая Павловича**, в. к. **Константина** и **Михайла Павловичей**, императрицъ: **Елисаветы Петровны, Екатерины II, Маріи Ѳедоровны** и **Елисаветы Алексѣевны, Екатерины Павловны**, гр. **Аракчеева** (до шестидесяти писемъ 1820—1826 г.), **А. П. Ермолова**, мнѣнія гр. **Н. С. Мордвинова**, архивъ кн. **М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго**; письма графа **Толя** (1831 г.). Матеріалы къ словарю русск. писат. XVIII в. **М. Н. Лонгинова.** Письма **Сѣмашко**, директора Царскосель. лицея **Энгельгарда, Грибоѣдова, К. Н. Батюшкова** (болѣе 80 писемъ за время съ 1809 по 1821 г.), **Г. С. Батенкова**, бар. **В. И. Штейнгейля, Жуковскаго, Пушкина.** Сатирич. стихотв. конца XVIII и начало XIX в. Неизданные матеріалы о **Бестужевыхъ, К. Ѳ. Рылѣевѣ** и проч. и проч.

ПОДПИСКА

на «РУССКУЮ СТАРИНУ» въ 1871 году, второй годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ **1871** году будетъ выходить въ томъ же объемѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ **1870** году. Годовое изданіе изъ **двѣнадцати** книгъ въ годъ составитъ **три тома:** изъ нихъ **два** тома тексту, каждый не менѣе **33 печ. листовъ** и **одинъ** томъ (въ два столбца) **приложеній:** записки русскихъ людей, не менѣе **36** листовъ,— всего же болѣе **2,300** стр.

При изданіи, время отъ времени, прилагаются **портреты** замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей.

Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ **ежемѣсячно,** непремѣнно 1-го числа и одновременно разсылается, какъ городскимъ, такъ и иногороднымъ подписчикамъ.

Цѣна годовому изданію въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ какъ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Лица проживающія за границей приплачиваютъ къ **семи** руб., за доставку—для Германіи и Бельгіи—**2** руб., для Франціи—**2** руб., для Англіи, Швейцаріи и Италіи—**3** руб.

За перемѣну адреса уплачивается 10 коп. или почтовая марка, при чемъ гг. подписчики должны сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ въ **С.-Петербургѣ** въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ книжномъ магазинѣ Алек. Ѳедор. **Базунова** (Невскій проспектъ, д. № 30), въ **Москвѣ** въ магазинѣ Ивана Григорьевича **Соловьева** (на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева).

Гг. **иногородныхъ** просятъ обращатся **исключительно** въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ» въ С.-Петербургѣ, у Спаса Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына.

Рукописи и матеріалы для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» могутъ быть присылаемы или по вышеозначенному адресу—**Василію Арсеніевичу Семевскому** или **Михаилу Ивановичу Семевскому**—(принимающему постоянное и непосредственное участіе какъ въ составленіи, такъ и въ изданіи »РУССКОЙ СТАРИНЫ»)—въ С.-Петербургъ, Литейной части, у Спаса Преображенія, д. Трута, кв. № 13.

Печатня В. Головина, у Владимірской церкви, д. № 15.

Въ книжномъ магазинѣ **А. Ѳ. Базунова** продается:

„РУССКАЯ СТАРИНА"

историческое изданіе, 12-ть книгъ, въ трехъ томахъ. Спб. 1870 г. въ больш. 8 долю: Цѣна семь рублей.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1870 года, всего 2300 страницъ, напечатаны, между прочими, слѣдующіе матеріалы и статьи изъ области императорскаго періода отечественной исторіи, т. е. относящіеся къ XVIII и XIX столѣтіямъ:

Записки и воспоминанія: князя **М. М. Щербатова** (О поврежд. нравовъ въ Россіи); журналъ генералъ-фельдмаршала князя **Н. Ю. Трубецкаго** 1717—1763 гг.; записки придворнаго брильянщика **Позье** 1729—1764 гг. (восшествіе на престолъ Елизаветы Петровны, 1742 г., подробное описаніе революціи 1762 г. и проч.). Записки **П. С. Рунича** о Пугачевскомъ бунтѣ 1774 г.; Петербургъ въ 1781 году, письма **Пикара** къ кн. А. Б. Куракину (новости въ обществ. жизни Петербурга 1781 г.). Записки **Лагарпа** о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей 1780—1790 гг. (отчеты о ходѣ учебныхъ занятій съ в. кн., замѣтки воспитателя о характерѣ его учениковъ и проч.). Взятіе въ плѣнъ маршала Вандамма 1814 г. разсказъ адмирала **П. А. Колзанова**. Вступленіе въ Масонскую ложу 1815 г., разсказъ **А. П. Степанова**. Воспоминанія **А. П. Керн**ъ: три встрѣчи съ императоромъ Александромъ Павловичемъ 1817—1823 гг. Записки **М. А. Бестужева** (о пяти братьяхъ Бестужевыхъ-декабристахъ;—степная азбука узниковъ Петропавловской крѣпости въ 1825—1826 г.; ссылка и заточеніе декабристовъ въ Сибири). Черты изъ жизни гр. Аракчеева, 1820—1834 гг., разсказы **Н. Г. Сигунова**. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1825—1826 гг.: разсказы сенатора **И. Д. Данилова** и адмирала **П. А. Колзакова**. Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г., разсказы очевидцевъ: о. **Іоанна Парвова** и **П. Н. Дирина**. Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ 1848 г. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ противо англо-французской эскадры въ 1854 г., изъ записокъ контръ-адмирала **А. П. Арбузова**. Записки **М. И. Глинки** 1804—1854 гг.: четыре части (автобіографія знаменитаго композитора, историч. очеркъ его музыкальнаго развитія и созданія его безсмертныхъ въ русской музыкѣ произведеній). Указы, рескрипты, письма, преданія, замѣтки, относящіеся до царствованій: Петра I, Екатерины I, Петра II, Анны Ивановны, Іоанна VI, Елизаветы Петровны и Екатерины II. Павла Петровича, Александра I и Николая Павловича. Относительно послѣднихъ эпохъ, къ числѣ матеріаловъ напечатанныхъ въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1870 г., указываемъ на слѣдующіе: Разсказы изъ временъ Павла; приказы его. Письма, указы, рескрипты имп. Александра I: о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крестьянами; о невозможности нарушенія законовъ; о помощи крестьянамъ разоренным войной 1812 г., о бунтѣ Семеновскаго полка; переписка съ гр. Аракчеевымъ и проч. Необнародованный манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей 1812 г. Лифляндское дворянство и выставленное имъ ополченіе въ 1812 г. Письмо Бонапарта (Наполеона I). Архивъ князя М. И. Голенищева Кутузова-Смоленскаго (1745 — 1813 гг.). и проч. и проч. Русскіе писатели XVIII и XIX вв.: перечни ихъ сочиненій, письма, стихотворенія, матеріалы къ ихъ біографіямъ: К. Н. Батюшковъ (письма его въ 1803 г.), И. А. Крыловъ (неизданныя его басня и посланіе), К. Ѳ. Рылѣевъ (неизд. стихотв.), В. К. Кюхельбекеръ (стихотв.), кн. А. И. Одоевскій (стих. и письма), Е. А. Баратынскій, Я. И. Ростовцевъ (стихотвор.), Н. А. Полевой (запрещеніе журн. «Москов. Телеграфъ» 1834 г.), Ф. Ф. Вигель (доносъ его на Надеждина и Чаадаева 1836 г.) и проч. и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Записки **А. Т. Болотова** 1738—1894 гг. семь частей (событія 1738—1760 гг.: воспитаніе, домашній и общественный бытъ русскаго дворянства въ царствованіе Елизаветы Петровны, русско-прусская война и проч.

Къ этимъ же книгамъ «Русской Старины приложены гравированныя академикомъ **Л. А. Серяковымъ**: **портретъ Болотова**, двадцать два рисунка въ текстѣ его записокъ, **портретъ, снимокъ съ подписи и печать Емельяна Пугачева.**